

МОРСКОЙ ТРАНСПОРТНЫЙ ФЛОТ АКЦИОНЕРНОГО КАМЧАТСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И СОВЕТСКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙН. 1941—1945

К началу 1941 г. морской транспортный флот Акционерного Камчатского общества (АКОфлот) включал пароходы «Чавыча», «Сима», «Анатолий Серов», «Эскимос», «Якут», «Чапаев», «Щорс», «Орочон» «Ительмен», «Терней», «Коккинаки» и танкер-теплоход «Максим Горький». Возраст многих судов превышал двадцать лет, в силу многолетней работы без должного обслуживания они имели плохое техническое состояние. «Орочон», «Эскимос», «Сима», «Якут» и «Максим Горький» бездействовали, находясь в ремонте.

15 января 1941 г. досрочно вышла из капитального ремонта и вступила в эксплуатацию «Чавыча». Регистр СССР оценил ее состояние как хорошее. Начальник АКО, «отмечая стахановскую работу парохода», премировал месячным окладом капитана Ф. И. Волчовича, старшего помощника И. Д. Кадета, старшего механика П. А. Ильяшенко и главного инженера АКОфлота Н. А. Цимбала. Для поощрения экипажа выделялись 4 000 руб. [1, л. 245].

Впрочем, морякам доставались не только поощрения. Один из приказов по АКО гласил: «Капитана парохода “Терней” тов. Кириллова С. Т. за развал трудовой дисциплины на судне и за укрывательство прогульщиков с работы капитана снять и направить в распоряжение отдела кадров АКОфлота с 15 января 1941 г. Основание: постановление помощника горпрокурора г. Петропавловска от 9.01.1941 г.». На должность капитана «Тернея» назначался К. Ф. Квашинский, капитан «Симы», а вместо последнего — старший помощник С. Р. Кеерберген [1, л. 91].

К началу 1941 г. относится один загадочный эпизод, случившийся на «Максима Горьком». Вот что рассказывал спустя 46 лет его тогдашний капитан С. И. Пронин: «В январе 1941 г., следуя из Приморья, на подходе к Сангарскому проливу старший механик Рядченко доложил мне, что в упорном подшипнике главного двигателя он обнаружил наждачный песок и глубокие насечки на вале. Мы обсудили ситуацию, перебрали всех членов команды, договорились о мерах по бдительности. Дело было перед ужином. Пошли в кают-компанию, и тут старший помощник Нешевец докладывает мне: в котле обнаружено битое бутылочное стекло. Я сразу пошел на камбуз, где в солянке действительно обнаружил много стекла. Команде в этот вечер пришлось выдать сухой паек.

Я отлично понимал, что в экипаже затаился явный враг, рассчитывающий заставить нас зайти в японский порт Хакодате. Однако все наши старания выявить его ни к чему не привели. Не справились с этой задачей и органы в порту...» [2].

В январе 1941 г. флот обзавелся подсобным сельскохозяйственным производством, расположенным на 20-м километре Елизовского шоссе. Его задачей должно было стать снабжение плавсостава овощами и продуктами животноводства. Дела здесь поначалу шли плохо. Вот что 15 апреля 1942 г. сообщал главный бухгалтер АКОфлота М. Г. Артюх о результатах первого сельскохозяйственного сезона: «Несмотря на то, что с первого же дня организации хозяйство располагало соответствующей рабочей силой, вопросом строительства, как жилищным, так и хозяйственным, никто не занимался. Рабочие живут в необорудованных землянках, тесно и скученно. Скот также размещен в землянках и содержится в ненадлежащих условиях. План заготовок сена далеко не выполнен, несмотря на то, что хозяйство располагает близлежащими прекрасными сенокосами, а к концу года хозяйство осталось без грубых кормов. В результате уборки хозяйством урожая картофеля, получен убыток в сумме 33,6 тыс. руб., а убранная капуста в основном своем количестве испорчена. Заготовленный в зиму силос также оказался непригодным в корм скоту. Как рабочая сила, так и конный транспорт надлежаще и рационально не используются» [3, л. 25—26].

Но, тем не менее, ферма заработала, и в последующие годы стала немалым подспорьем для моряков и членов их семейств.

В январе 1941 г. Наркомат рыбной промышленности (НКРП) СССР издал приказ № 73 «О мероприятиях по улучшению эксплуатации морского транспортного флота по Дальневосточному бассейну». 11 апреля 1941 г. начальник АКО, выполняя правительственное распоряжение, упразднил должность представителя АКОфлота (морского агента) при Владивостокской конторе, возложил на Морской отдел конторы все заботы по фрахтованию тоннажа Наркомморфлота (НКМФ) и АКОфлота для завоза грузов на Камчатку.

С 1 марта 1941 г. на баланс конторы перешла механическая мастерская. Расчеты по делам АКОфлота возлагались на контору АКО, причем все ее операции по отпуску материалов и оказанию услуг судам флота должны были «иметь документальное подтверждение капитана судна или уполномоченного лица». Для снабжения, агентирования и организации междурейсового ремонта судов контора АКО содержала за счет флота, кроме персонала мастерских, семерых сотрудников [4, л. 3].

Оперативное руководство работой всего фрахтованного флота на побережье полуострова возлагалось на Производственный отдел АКО. Петропавловскому порту, АКОфлоту и Морлову следовало ежедневно утром представлять ему сводку позиций судов с указанием количества груза и простоев. Все суда переводились на хозрасчет [5, л. 236].

Но уже 21 июня 1941 г. «в целях упорядочения вопроса взаимоотношения Владивостокской конторы АКО с АКОфлотом» за счет штатов и фондов заработной платы Морского отдела во Владивостоке было решено восстановить Мор-

ское агентство, непосредственно подчиненное флоту, действовавшее на полном хозрасчете, со штатом 14 чел. Ему выделялось помещение на территории складской базы на мысе Чуркина и склад. Контора АКО передавала агентству механическую мастерскую, грузовую машину-«полуторку» и «наличный штат сотрудников ликвидированного Моротдела». Морской отдел Владивостокской конторы АКО в связи с резко изменившейся ввиду начала Великой Отечественной войны обстановкой ликвидировался с 1 января 1942 г. [4, л. 1; 5, л. 33].

Флот по-прежнему не располагал собственным складским хозяйством. Материальные ценности хранились в складах порта АКО, которому их самому не хватало, почему он «систематически принимает меры к тому, чтобы выселить АКОфлот со своей территории». Имущество, подлежащее хранению на открытом воздухе (шлюпки, кунгасы, лесоматериалы), оказалось разбросано по берегу Авачинской губы. Оно лежало на ПСРВ, Никольской сопке, Култучном озере, Озерновской кошке, Моховой и в Сероглазке.

Склад горючих и смазочных материалов размещался у проезжей дороги на чужой территории. Он не был огражден и не охранялся. Материалы использовались без ведома владельца другими организациями, чем порождалась бесхозяйственность, а у отдельных лиц могли возникать соблазны хищений. Правда, у флота была возможность в течение 1941 г. построить свой склад за счет сметы производства, предусмотренной трансфинпланом, но он ей не воспользовался [3, л. 26].

Вот в каких условиях работала бухгалтерия флота, штат которой в мае 1941 г. включал 14 чел. Он был полностью заполнен, но отличался большой подвижностью, явившейся следствием укомплектования его бывшими старшими бухгалтерами пароходов, «которые всячески избегали возможности зачисления их в аппарат при управлении». Это отрицательно сказывалось на качестве учета. За 1940—1941 хозяйственный год в материальном, расчетном и общем отделах сменились по четыре бухгалтера. Трижды менялся заместитель главного бухгалтера.

Бухгалтерия размещалась в общей проходной комнате. Условия для ее работы были явно ненормальные: «Большая, даже ненормальная скученность, стук и треск пишущих машинок, телефонные звонки, постоянные разговоры по телефону создают необычайно тяжелую обстановку для работы. Наличие же посетителей из числа работников флота, как ожидающих очереди к начальнику АКОфлота, так и занятых отдельными работниками бухгалтерии по сдаче отчетов или получению консультаций, усугубляют и без того тяжелую обстановку. В силу того, что большинство работников курящие, воздух перенасыщен табачным дымом. Таким образом, весь рабочий день человека, которому по роду работы необходима более или менее нормально-спокойная обстановка, сопровождается бесконечным шумом, гово-

ром, а подчас даже и криками, не считая трескотни машинок, счет и телефонов. Работники бухгалтерии еще бесконечно заявляют жалобы на боль головы и утомляемость, которая является исключительно следствием вышеизложенного...» [3, л. 27].

Показатели трансфинплана АКОфлота на 1940—1941 хозяйственный год были утверждены 3 июня 1941 г. в объеме 162 000 т и 10 500 пассажиров. При этом на Камчатку следовало доставить 69 000 т и 3 275 чел., вывезти с полуострова 32 500 т и 3 150 чел. и перебросить в малом каботаже еще 60 500 т и 4 975 пассажиров. Результатом хозяйственной деятельности должна была стать прибыль в размере 478,7 тыс. руб.

Сметы затрат на обслуживание флота на 1940—1941 хозяйственный год включали, тыс. руб: 59,5 — на паспортизацию, 10,5 — на водолазные осмотры и чистки кингстонов (раз в год, соответственно, 500 и 600 руб. на судно), 12,4 — на устранение девиации компасов (их на 12 судах стояло 30 шт., по 200 руб. на прибор, два раза в год), 426,4 — на агентирование. Лоцманский сбор определялся в 2 000, стоимость швартовки — в 60 руб. [5, л. 98; 6, л. 1].

Показатели работы флота в 1940—1941 хозяйственном году в сопоставлении с предыдущими приведены в табл. 1.

Таблица 1

Показатели	1936–37 г.	1937–38 г.	1938–39 г.	1939–40 г.	1940–41 г.
Груз (% плана)	88,8	62,1	54,8	73,7	74,7
Тонно-миль (% плана)	63,3	62,3	53,2	64,0	92,7
Миль за рейс	900,0	1 540,0	1 410,0	1 338,0	1 730,0
Эксплуатационное время на судно, сутки	170,0	198,0	203,0	215,0	254,0

Как видно, работа флота в 1940—1941 хозяйственном году по сравнению с предыдущими 1937—1940 гг. значительно улучшилась. Но план все же не был выполнен ввиду длительного нахождения «Якута», «Эскимоса» и «Орочона» на «внешнем ремонте» (то есть, за границей — в США) и стоянки танкера «Максим Горький» с января 1941 г. во Владивостоке в ожидании изготовления цилиндрических втулок и крышек для главного двигателя [7, л. 7].

Указание НКРП СССР о направлении на внешний ремонт «Эскимоса», «Орочона» и «Якута» пришло в начале 1941 г. Этим в условиях шедшей Второй мировой войны в определенной степени была преодолена международная изоляция СССР, состоявшаяся после советско-финляндской войны, выразившаяся, например, в исключении страны из Лиги наций. Отправка советских судов в США состоялась еще до официального принятия Конгрессом США закона о ленд-лизе от 11 марта 1941 г.

Пользуясь случаем, твиндеки «Орочона» хотели приспособить к перевозке пассажиров и оснастить съемными металлическими койками, паровым отоплением и освещением. К 23 января были подготовлены списки команд

для ремонтируемых судов, которые следовало тщательно подобрать и укомплектовать. Контролировал подготовку к ремонту главный инженер АКО Р. М. Айунц [1, л. 131].

«Орочон» капитально ремонтировался и доковался в Портленде, вышел с завода 6 июня 1941 г. «Эскимос» и «Якут» находились в Сан-Франциско. Работы на первом судне завершились 26 июля, на втором — 6 августа 1941 г. Но уже к концу года их состояние оценивалось как «неудовлетворительное» и «терпимое» соответственно. «Эскимос» 29 декабря 1941 г. наткнулся на каменистую банку возле острова Беринга, получив пробоину в днище и повреждение форпика. 30 августа 1941 г. «Якут» вскоре по завершении ремонта сел на мель в американских водах. В феврале 1942 г. этот пароход стоял в доке на ПСРВ, ремонтируя рулевое устройство и наплавляя срезанные головки заклепок обшивки корпуса.

«Сима» вышла с ПСРВ 6 декабря 1941 г. [8, л. 13].

В мае 1941 г. АКОфлот по распоряжению НКРП СССР «безвозмездно» передал пароход «Терней» Гламуррыпрому. Передачу поручили провести Владивостокской конторе АКО с 10 по 15 мая [3, л. 21; 5, л. 174]. В начале лета 1941 г. общая грузоподъемность судов флота составляла 34 810 т.

За 1940—1941 хозяйственный год на ремонт флота израсходовали более 10 млн руб. В результате его техническое состояние значительно улучшилось: «Чавыча», «Сима», «Анатолий Серов», «Эскимос», «Якут», «Максим Горький» были в состоянии справиться с повышенными объемами перевозок, запланированными на 1942 г.

В отличие от прошлого хозяйственного года, когда в работе флота царил неразбериха и обезличка из-за вмешательства вышестоящих инстанций, в навигацию 1940—1941 гг. подобного руководства «через голову» АКОфлота почти не наблюдалось, и графики движения судов в основном выдерживались, хотя и с запозданием.

Численность моряков в 1941 г. составляла, в среднем, 522 чел. Суда были полностью обеспечены опытными капитанами и старшими механиками. Вместо трех списанных капитанов (В. Н. Соломко и С. И. Пронина призвали на воинскую службу, Н. И. Шаша — арестовали) на должности капитанов «выдвинули» старших помощников А. Д. Коломейца и П. Д. Киселева и пригласили одного нового капитана. Должности помощников капитана и номерных механиков были полностью укомплектованы. Недоставало только четверых радистов. За счет работавших при управлении АКО курсов флот пополнил свой плавсостав 18 машинистами, 26 матросами и 42 кочегарами.

7 июля 1941 г. завершились занятия на девятимесячных курсах машинистов. Для проверки полученных знаний и присвоения курсантам квалификации с 8 по 14 июля прошли экзамены. Экзаменационную комиссию возглавил исполняющий дела начальника АКОфлота Мухортов (занимал должность

непродолжительное время, инициалы не установлены. — *С. Г.*). 17 июля выпускники отправились на суда [9, л. 283].

Ряд моряков имел высокие и редкие в то время правительственные награды: капитан А. И. Дудник — орден Ленина, капитаны Ф. И. Волчкович и Е. Д. Бессмертный — ордена Трудового Красного Знамени, третий механик парохода «Коккинаки» А. Н. Соколов — орден «Знак Почета». Кроме того, 22 чел. были награждены знаками «Отличник рыбной промышленности» и 17 чел. — Похвальной грамотой НКРП СССР [10, л. 97].

В сентябре 1941 г. на судах АКО был восстановлен упраздненный в прошлом году институт помполитов: в военных условиях их организационной и воспитательной роли по проведению в жизнь «линии ВКП(б)» уделялось особое внимание. Вновь назначенным помполитам устанавливался должностной оклад на уровне ранее получаемого ими в политотделе, то есть 1 200 руб. в месяц. При выплате премий их приравнивали к старшим помощникам капитанов [9, л. 179].

Еще 27 июня 1940 г. флот заключил договор с воинским подразделением «склад № 786» о постройке последним водохранилища и водопровода. Водопровод должен был подходить к берегу «по указанию АКОфлота для снабжения судов водой в неограниченном количестве круглый год и безвозмездно». К 1 октября 1941 г. соорудили открытое водохранилище емкостью 250 «кубов», заполнявшееся водой из родников. От него протягивалась труба, не доходившая до берега на 75 м. Выяснилось, что водохранилище заполнялось медленно, а его объем для снабжения пароходов был недостаточен, то есть «вопрос снабжения водой судов отпадает».

2 октября 1941 г. договор расторгли, учитывая, что «подход большинства наших судов к берегу из-за осадки может быть произведен не ближе 200 м, потребуется для приема воды свыше 300 м шлангов, чем не располагают наши суда, а в зимнее время подход судов вообще исключен из-за замерзания бухты» [11, л. 3].

На западной границе СССР сгущались тучи, но страна еще жила привычной мирной жизнью. В начале июня 1941 г. прибывший с западного берега Камчатки «Щорс» встал под срочную погрузку консервных баночек для Жупановского и Олюторского комбинатов и горюче-смазочных материалов для Корфского, Кичигинского, Карагинского, Олюторского, Пахачинского и Хайлюлинского комбинатов. Выходивший из ремонта «Ительмен» также требовалось срочно заполнить банкой для западного побережья. Погрузка шла, по выражению начальника АКО, «безобразно». «Предупреждаю, что пароход “Щорс” должен быть отправлен в рейс 15 июня в 20 часов без минуты опоздания» [5, л. 68, 94].

Весть о начале войны застала большинство исправных судов в море. Команда «Щорса», получив сообщение об этом по радио, собралась на митинг,

принявший следующую резолюцию. «Заслушав речь заместителя председателя Совнаркома СССР и народного комиссара иностранных дел тов. Молотова о неслыханном разбойничьем нападении германских фашистов на мирное население советских городов, экипаж парохода “Щорс” выражает свое негодование и заявляет: все, как один, по зову партии и правительства встанем на защиту социалистической непобедимой Родины! Будем держать свое судно в полной готовности для выполнения любого задания нашего советского правительства! Еще больше повысим дисциплину и организацию труда экипажа парохода. Обеспечим своевременное выполнение рейса, поможем нашей Красной Армии разгромить германских фашистов» [12, № 149].

Слова моряки подтвердили делами: экипаж «Щорса» добился в «предоктябрьском» (то есть посвященном 24-й годовщине революции 1917 г.) соревновании отличных показателей в выполнении осеннего рейса. Моряки сдали в Фонд обороны облигации государственного займа на 25 тыс. руб., еще 370 руб. они отправили для приобретения подарков бойцам Красной Армии [10, л. 88].

В итоге года «Щорс» (капитан П. Я. Жуковский), так же, как и «Чапаев» (капитан Е. Д. Бессмертный), хотя и не выполнил задания по грузоперевозкам, но доставил 250 000 ящ. консервных банок, горючее и рабочих на рыбокомбинаты побережья, обеспечив бесперебойный выпуск рыбопродукции для воюющей страны.

Другие пароходы тоже показали хорошие результаты. «Ительмен» (капитан М. Е. Зеленский) выполнил годовое задание на 102,7 %, «Чавыча» (капитан Ф. И. Волчкович) — на 125,7 %, «Анатолий Серов» (капитан А. И. Дудник) — на 120 % и «Коккинаки» (капитан В. Н. Соломко) — на 212,4 %. Их экипажи добились перевыполнения плана за счет превышения расчетной скорости хода и полной загрузки. Участие команд в погрузо-разгрузочных работах существенно сокращало время стоянки судов [13, л. 11].

Экипаж «Симы» в октябре и ноябре 1941 г. перевалил своими силами 3 974 т грузов. Лучшая бригада плотника Устинова добилась выполнения 271 % нормы, бригада штурманского ученика Наутольниковца вырабатывала до 160 %. Инициаторами активного саморемонта стали механики Ильяшенко и Терещенко. Соревновались между собой две вахты, возглавляемые «мастерами кочеварского дела» Чернышевым и Леоновым.

С началом войны завоз материалов, снабжения, топлива на Камчатку заметно сократился. Такое положение потребовало рационального использования всех имевшихся ресурсов. Значительную долю затрат на эксплуатацию флота составляли расходы на топливо.

Еще 27 января 1941 г. трое сотрудников управления АКО флота, в том числе инженер-теплотехник К., были командированы для производства теплотехнических испытаний на «Ительмен». Здесь они находились 35 суток, но фак-

тически работали всего одни. 5 июня 1941 г. технический отдел АКО доложил, что материалы испытаний не обработаны и «представляют из себя отдельные черновые записки, а поэтому на основе этих материалов судить о правильной или неправильной работе судна, и тем более установить удельные нормы расхода топлива и смазки не представляется возможным».

Как показало проведенное расследование, главный инженер АКО флота, обязанный проверять работу подчиненных, «заведомо зная, что испытания не выполнены, не принял никаких мер, а наоборот, скрыл все эти безобразия и на авансовых отчетах подтвердил целесообразность произведенных расходов, потворствуя этим самотеку в теплосиловом хозяйстве судов и недобросовестной работе...» 16 июня 1941 г. начальник АКО распорядился взыскать «незаконно полученные суммы, передать материалы следственным органам на предмет привлечения к уголовной ответственности» [5, л. 58].

Пароход «Сима» представил в управление флота анализ расхода топлива с 1 октября 1940 г. по 1 февраля 1941 г. Его подписали капитан, старший бухгалтер парохода, а также инженер-теплотехник К. По бумаге выходило, что судно сэкономило 323,7 т условного топлива и по существовавшему положению должно было получить свыше 30 тыс. руб. премии. Бухгалтерия АКО передала документ на проверку техническому отделу общества, выявившему вместо экономии пережог в размере 241,5 т.

29 июня 1941 г. начальник АКО распорядился: «Усматривая в действиях К. преступление по должности... а также, принимая во внимание, что К. по приказу начальника АКО от 16 июня 1941 г. за № 444 уже привлекался к ответственности, приказываю: направить данные материалы следственным органам для приобщения к делу К. по привлечению его к ответственности по совокупности» [5, л. 43].

Для уменьшения расхода топлива приняли не только организационные, но и технические меры. На котлы «Симы» и «Чавычи» решили установить пароперегреватели, использование которых могло обеспечить экономию угля до 10 %, предусматривалось восстановление искусственного дутья в топки котлов на «Щорсе» и «Чапаеве». На дизельном «Максиме Горьком» намечали использовать тепло отработавших газов и охлаждающей воды главного двигателя (ожидалась экономия до 20 %). Уменьшение затрат смазочных материалов по всем судам доходило до 20 %. Итогом всех этих мероприятий стало то, что 1941 г. АКО флот закончил с прибылью, несмотря на невыполнение плана. Такой результат явился следствием заложенного в план избыточного количества топлива [10, л. 88—89].

Ряд судов добился существенных результатов в экономии горюче-смазочных материалов. Так, на «Эскимосе» машинист Егоров сберег 30 кг смазки, а кожегары Пичугин, Молодцов и Залогин за октябрь 1941 г. сэкономили 197 т угля. «На судне “Чавыча” выросли мастера своего дела: ...старший ко-

чегар Филиппов, четвертый механик Припотень, показывающие примеры отличной работы, передающие свой опыт другим членам экипажа». Команда «Чавычи» сэкономила 13 % смазочных и прочих машинных материалов.

Начавшаяся война внесла изменения в работу флота: теперь он ориентировался на бесперебойную доставку снабжения и вывоз рыбопродукции для фронта. Для решения этой важнейшей задачи 20 августа 1941 г. начальник АКО издал приказ следующего содержания: «1. Обеспечить ежедневные диспетчерские сводки... Ежедневно к 10 часам утра предоставлять сводки мне. Начало предоставления устанавливаю 21 августа. Для выполнения этой задачи установить круглосуточное дежурство диспетчеров АКОфлота, назначив диспетчерами Матусевича А. З., Жаркова Н. Е., Ирхина В. И. Диспетчерам иметь пост связи через радиостанцию порта и управления АКО с капитанами судов и директорами рыбокомбинатов. Вменить в обязанность капитанам флота рыбокомбинатов ежедневно давать информацию о приходе, отходе судов и их обработке. Временно исполняющему дела начальника Петропавловского рыбного порта Завадскому беспрепятственно, по первому требованию, предоставлять диспетчерам АКОфлота для поездок на суда катер. Радиостанции Петропавловского рыбпорта и управления АКО сводки передавать вне очереди...» [9, л. 212].

В этот же день, 20 августа 1941 г., для скорейшего окончания работ в принятый ранее план капитального ремонта были внесены изменения: сумма, выделяемая для этой цели, выросла до 7,61 млн руб.

В практике плавания судов АКО участились случаи утери якорей и цепей. Расследования показывали, что при более внимательном отношении капитанов и работников управления АКОфлота к своим обязанностям, в отдельных случаях этих потерь можно было бы избежать. Получить же новые якоря и цепи в военных условиях было проблематично. 29 ноября 1941 г. начальник АКО распорядился «провести специальную проверку технического состояния якорных цепей, соединительных скоб и брашпилей... Под личную ответственность капитанов подтверждаю, как правило, необходимость при постановке судов на открытом рейде выбрасывать вместе с якорем буюк».

Для сбережения древесины 9 декабря 1941 г. капитанов обязали «сбирать лесоматериалы (сепарация, стойла), сдавать на склады флота за особую плату 120 руб. за куб. м». Из этой суммы 80 руб. полагались предприятию, а 40 — капитану для премирования членов экипажа [9, л. 14, 40, 214].

Помимо помощи фронту напряженным трудом в море, все экипажи ежемесячно, начиная с осени 1941 г., до конца войны отчисляли двухдневный заработок в Фонд обороны и участвовали в подписке на денежно-вещевую лотерею. Только в ноябре 1941 г. они собрали: на «Ительмене» — 8 700, на «Щорсе» — 6 950 и на «Коккинаки» — 1 140 руб. Моряки этих судов также передали 60 предметов теплой одежды для бойцов Красной Армии. Команда

«Эскимоса» решила ежемесячно отчислять в Фонд обороны свой трехдневный заработок. Дополнительно в январе 1942 г. она отдала двухдневную зарплату на покупку теплых вещей для фронта, а в феврале — внесла личные средства на строительство танковой колонны [13, л. 15—16].

А вот что сообщали с «Орочона»: «...куплено: материала разного 388 м, две пары валенок, четверо теплых брюк, одна пара торбасов — 3 955 руб. Сдано наличными деньгами 354 руб. Отчислен однодневный заработок в фонд пострадавшим в оккупированных немцами районах, освобожденных Красной Армией, — 962 руб. Для покупки подарков для бойцов и командиров... к годовщине Красной Армии — 950 руб.» [13, л. 29].

Наряду с решением текущих производственных задач начался перевод работы подразделений АКО на военные рельсы. В соответствии с постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 2191-1000с от 6 ноября 1941 г., заместитель наркома рыбной промышленности СССР И. А. Шередека, находившийся во Владивостоке, и командующий Дальневосточным фронтом генерал армии И. Р. Апанасенко отдали распоряжение о военизации морского транспортного флота.

30 ноября 1941 г. НКПП СССР распорядился воссоздать политорганы в военизированных подразделениях флота рыбной промышленности. Вновь организовывался политотдел АКО, в АКОфлоте, Морлове и Петропавловском порту вводились должности комиссаров [14, л. 9].

Осенью 1941 г. отдел боевой подготовки (ОБП) АКО разработал специальную программу военных занятий с экипажами судов объемом 100 часов. АКОфлот не только отдавал своих моряков в Красную Армию и на флот, но и сам стал готовиться к возможному участию в боевых действиях: недалеко от районов его работы располагались военные базы Японии — союзника гитлеровской Германии.

В начале декабря 1941 г. начальник АКО С. П. Емельянов издал приказ о переводе «всех рабочих, служащих, инженерно-технических работников предприятий АКО, управления АКО, а также рыбаков рыболовческих колхозов Камчатки на положение состоящих на действительной военной службе независимо от возраста, пола и отношения к военной службе».

24 января 1942 г. начальник АКО распорядился организовать на базе судов общества два дивизиона: «особый транспортной службы» из пароходов АКОфлота и «рыболовецкой службы» из траулеров Морлова. Командирами дивизионов назначались начальник АКОфлота Я. М. Драбкин и директор Морлова АКО Г. Я. Ермошкин [15, л. 2].

Постепенно на судах было установлено вооружение, но военные команды для его обслуживания не назначались: расчеты орудий и пулеметов составили из штатных моряков.

Ремонтировавшиеся в 1941 г. в портах США «Эскимос», «Орочон» и «Якут» на обратном пути в СССР везли оборонные и снабженческие гру-

зы. По некоторым данным, документального подтверждения которым автору найти пока не удалось, на них доставлялась и зажигательная смесь, известная под названием «моловский коктейль». Разлитая по бутылкам, она использовалась в боях под Москвой осенью и зимой 1941 г. для уничтожения фашистских танков и бронетехники. Пароходы выгрузили «моловский коктейль» во Владивостоке, откуда он дошел до подмосковных полей сражений.

С января 1942 г. планирование работы предприятий, в том числе и АКО-флота, стало вестись не по хозяйственным, а по календарным годам. Утвержденные показатели работы флота на 1942 г. включали доставку на Камчатку 91 900 т и 4 000 пассажиров, вывоз 31 600 т и переброску каботажом еще 47 300 т. В перевозках 1942 г. намечалось использовать 11 судов с общей грузоподъемностью 33 230 т. В течение 1942 г. АКОФлот намеревался построить в Петропавловске долгожданный склад материально-технического снабжения стоимостью 55 тыс. руб. и во Владивостоке — мастерскую междурейсового ремонта за 50 тыс. руб.

Среднегодовой списочный состав моряков устанавливался равным 550 чел. с фондом зарплаты 7 278 тыс. руб. Фактически по состоянию на 25 сентября 1942 г. трудились 558 чел. Недоставало двух радистов и нескольких лекомов (лекарских помощников), хотя последние были нужны только на время перевозки пассажиров. Требовались матросы и машинисты, и — особенно — кочегары 1-го класса. Ввиду нехватки последних осенью «Эскимос» и «Орочон» ушли в рейсы с тремя вахтами кочегаров (обычно их было четыре, люди несли вахты по четыре часа через двенадцать). Комсостав признавался «удовлетворительным», за исключением плававших без дипломов трех третьих помощников и одного третьего механика. Аппарат флота был укомплектован полностью.

Управление АКОФлота для обслуживания нужд отделов эксплуатации и снабжения имело: построенный в 1932 г. катер «Анадырь» длиной 11 м с мотором мощностью 36 л. с., пятитонный рыболовецкий кунгас, крайне изношенную автомашину-пикап и автомобиль марки ГАЗ-АА [16, л. 270—271].

Состояние судов АКОФлота к концу 1942 г. было следующим.

«Орочон» требовал замены просевшей дымовой коробки и прогоревшей дымовой трубы котлов. «Ительмен» вышел из капитального ремонта в Сиэтле в июне 1942 г. Котлы ремонтировавшегося в прошлом году в Сан-Франциско «Эскимоса» были изношены и подлежали замене. В феврале 1942 г. при нахождении в море в средней топке правого котла обнаружили две трещины. Котлы «Якута» также требовали замены. Регистр СССР не разрешал ему плавание в битом льду: корпус требовал смены 30 тыс. заклепок.

«Сима» вышла из капитального ремонта на ПСРВ 6 декабря 1941 г. В декабре 1942 г. из США для нее прибыли новые пароперегреватели. Полной замены требовали трубки конденсатора. «Чавыча» также нуждалась в вос-

становлении изношенных пароперегревателей, замены трубной части конденсатора и настила палубы над жилыми помещениями. «Щорс» вышел из капремонта и докования на ПСРВ 8 сентября 1942 г.

«Чапаяев» зимой 1941—1942 гг. плавал в тяжелых ледовых условиях, повредил корпус в районе бортовых бункеров. Для его восстановления следовало заменить 40 000 заклепок. Оба его котла нуждались в смене дымогарных труб. «Анатолий Серов» в 1942 г. хозспособом исправил деформированный во льдах гребной винт. Запасного винта судно не имело. Его корпус требовал крупного докового ремонта со сменой части листов обшивки и заклепок. «Максим Горький» прошел в декабре 1942 г. в Сизтле междурейсовый ремонт и докование. В США для его главного двигателя заказали впускные и выпускные клапаны и шестерню регулятора числа оборотов.

«Коккинаки» в январе 1942 г. во льду б. Раковой повредил бронзовый винт, его исправили на ПСРВ, но неудовлетворительно. Запасного винта этот пароход тоже не имел. Со дня постройки лесовоз не получал дока. От вибрации на волнах у него дважды разрывался фальшборт. Палуба требовала конопатки и заливки варом [8, л. 13].

Зимой 1941 — весной 1942 гг. на Камчатке сложилась крайне тяжелая ледовая обстановка. Первые три месяца 1942 г. на западном побережье работать было нельзя: лед подошел вплотную к берегу, не давая приблизиться к нему пароходам. Рабочими оказались только шесть суток, да и то только в южных комбинатах — Озерновском и Кихчикском. Вследствие сильных морозов и штилей лед в Охотском море приобрел толщину до 70 см, а в местах сжатия — до 4 м. Занимая сплошное поле на север от Озерной, он совершенно парализовал деятельность флота. Из четырех пароходов, находившихся на западной Камчатке, только «Сима» смогла выгрузить 71 % находившегося на борту и принять 600 т рыбопродукции. Ее приход удачно совпал с началом единственного северо-восточного шторма, отогнавшего льды от южных комбинатов. Работа судов на восточном побережье вследствие изрезанности берега бухтами и заливами, в которых образовались непроходимые заторы, вообще была невозможна [13, л. 7].

«Анатолий Серов», вышедший 21 марта 1942 г. из Петропавловска на западный берег, вплоть до 9 мая дрейфовал в тяжелых льдах Охотского моря. «Капитан парохода т. Дудник, как работник знающий хорошо свое дело, осторожно относится к судовождению, в особенности в туманах, штормах, при подходе к берегу, не сходя с мостика, контролирует лично сам вахты. Все это говорит о заботливом и ответственном отношении к судну» [13, л. 32]. Тем не менее, во время плавания оно получило тяжелые повреждения: обшивка корпуса деформировалась, вывернулось и срезалось много заклепок, погнулись лопасти гребного винта, сломался брашпиль.

После освобождения из ледового плена пароход выгрузился в комбинатах, принял 2 860 т рыбопродукции вместо плановых 2 200 и направился во Владивосток, куда пришел 9 июня. Через неделю он встал в ремонт. Команда обязалась работать по двенадцать часов в сутки, добиваясь выполнения норм не менее чем на 200 %, и завершить все к 1 июля. Свои обещания она выполнила: при нормальной трудоемкости работ в 6 598 человеко-часов, на них затратили 3 062, то есть перевыполнили нормы на 215 %.

Вот что писал 23 июля 1942 г. о ходе работ капитан А. И. Дудник: «“Анатолий Серов” прибыл 8.06.1942 г. В 17 часов приступил к выгрузке. Закончил выгрузку 16.06 в 2 часа. Начало ремонта силами судозкипажа 16.06 в 7 часов, окончание — 30.06.1942 г. На судоремонт по палубной части на основании норм полагалось затратить 4 065 человеко-часов. Фактически затрачено времени 1 243 ч-ч, средний процент выполнения 327 %. На судоремонт по машинной части на основании норм предполагалось затратить 2 546 ч-ч, фактически затрачено 1 532, процент выполнения 166,2 %... В основном задержка судна в порту выразилась в несвоевременном выполнении заказов по мастерским» [13, л. 170].

Общая сумма участия моряков в государственном оборонной займе составила 34 470 руб. Они же подписались на денежно-вещевую лотерею на сумму 10 060 руб. При этом месячный фонд заработной платы команды составлял 31 000 руб. [13, л. 21—22].

После длительного ремонта 27 января 1942 г. вышла в свой первый рейс на западную Камчатку «Сима». До первого пункта назначения — Озерной — она дошла за сутки. «Настроение команды было очень бодрое и возбужденное, все рвались поскорее прибыть к месту назначения». В Озерной разгружался лесовоз ДВГМП «Искра», поэтому «Сима» потеряла в ожидании своей очереди «три золотых дня». С 1 по 21 февраля в труднейших ледовых условиях с нее сняли 2 065 т груза и погрузили 623 т рыбопродукции. На борту парохода оставались еще 835 т груза, но к последней неделе февраля лед стал особенно тяжелым.

С 21 февраля по 28 марта пароход непрерывно дрейфовал во льдах, его то прижимало к берегу, то несло на север или на юг. Несколько раз «Сима» неудачно пыталась пробиться к комбинатам. Когда бесполезность этих попыток стала очевидной, судно отозвали в Петропавловск. При выходе из льдов вышло из строя рулевое управление: сломался привод, лопнул румпель, погнулись баллер и перо руля. При исправлении механизмов особенно отличились старший помощник В. С. Дубасов, старший механик Нерух, второй механик П. А. Ильяшенко, боцман Мануйлов. На переходе судно попало в жестокий шторм. Тем не менее, благодаря слаженной работе экипажа оно 31 марта 1942 г. благополучно своим ходом дошло до Петропавловска [17, л. 34].

За время этого тяжелого плавания «Сима» дважды побывала в аварийных ситуациях. Первое происшествие случилось 2 февраля 1942 г. на рейде Озерновского рыбокомбината. Судно потеряло левый якорь и несколько смычек цепи. Второй случай имел место 25 марта 1942 г. в районе Микояновского комбината. Здесь произошла описанная выше авария рулевого устройства: капитан А. Е. Миронов неудачно дал задний ход во льду с рулем, находившемся в положении «право полборта».

Вопрос о его наказании решался на самом высоком уровне. 2 мая 1942 г. из Москвы на имя начальника АКО пришла правительственная телеграмма, подписанная заместителем наркома Николаевым: «Освобождение Миронова Симы не возражаю тчк Используйте меньшей работе». 5 мая 1942 г. начальник АКО, припомнив столкновение «Чапаева» с «Орочоном», случившееся в проливе Босфор Восточный в 1940 г. при участии А. Е. Миронова, приказал снять его с «Симы» и перевести на другую должность [17, л. 33, 35].

А. Е. Миронов подал заявление, в котором обосновал ошибочность этих решений. 30 июня 1942 г. для окончательного разбора дела в трехдневный срок создавалась комиссия под председательством капитана «Щорса» П. Я. Жуковского, включавшая капитана «Эскимоса» Н. П. Колесникова и капитана «одного из судов Морфлота» [18, л. 43]. Она, видимо, приняла взвешенное решение, так как известно, что в ноябре 1942 г. А. Е. Миронов командовал танкером «Максим Горький» [16, л. 268].

Другие суда также попали в сложное положение, из которого, к счастью, они успешно вышли. Так, 29 января 1942 г. «Эскимос» при постановке на якорь у острова Беринга на рейде села Никольского задел кормой каменистую банку, разорвав лист наружной обшивки на длину 1,5 м с наибольшей шириной до 3 см. Недалеко от места разрыва днище получило большую вмятину. Пароходу следовало выгрузить 20 т груза и два кавасаки. Этому препятствовали сильный ветер и крупная зыбь. «Эскимос» свыше двух суток держался в море под машиной, выжидая улучшения погоды. Получив от начальника острова сообщение о возможности выгрузки, он направился на рейд Никольского, пользуясь неоткорректированной картой, изданной в 1934 г.

Проведенное расследование установило, что авария явилась следствием того, что «капитан Квашинский К. Ф. недостаточно продуманно рискнул заходить на Никольский рейд... в темное время... имея ограниченный запас угля, стараясь его экономить. Несмотря на наступление темноты, желая воспользоваться возможностью для выгрузки, полагаясь на свой ранее безаварийный опыт, сознательно пошел на некоторый производственный риск, который на сей раз не оправдался». Повреждения устранили, зацементировав междудонное пространство. Это позволило продолжить эксплуатацию судна до постановки в док. Вопрос о применении мер судебного наказания или

дисциплинарного взыскания к капитану начальник АКО вынес на рассмотрение наркома [19, л. 147, 155].

В январе 1942 г. «*Максим Горький*», шедший из Олюторки в Усть-Камчатск, был затерт дрейфующими льдами в районе залива Озерной. Войдя во льды, капитан П. Н. Козлов неправильно оценил ледовую обстановку, изменил курс для выхода на чистую воду, «этим самым приблизил судно к берегу и оказался в сплошном торосистом крупнобитом дрейфующем льду, где его зажало и дрейфовало в зюйдовом направлении». Воспользовавшись образовавшейся во льду трещиной, танкер развернулся и стал пробиваться к выходу на чистую воду в сторону моря. Вскоре корпус завибрировал, машина увеличила обороты. Это явилось следствием поломки лопасти гребного винта. Пройдя траверз мыса Столбового, танкер вышел на чистую воду [19, л. 205].

Убыток от происшествия составил 34 573 руб. 60 коп. Капитан получил за это строгий выговор, так как не подготовился к рейсу, не изучил по лоции гидрологического режима, не учел зимних особенностей плавания и не информировал старшего помощника о своих намерениях, чем «лишил его возможности принимать участие в вопросах безопасного судовождения» [19, л. 204—205].

После этого танкер совершенно не участвовал в перевозках вначале из-за смены винта, а впоследствии ввиду невозможности подойти к месту погрузки — нефтебазе в Сероглазке. Здесь лед имел такую толщину, что его не смог преодолеть даже ледокол [13, л. 7].

В конце января и первой половине февраля 1942 г. «*Чавыча*», следуя с путинными грузами из Владивостока на западную Камчатку через Цусимский пролив, по пути претерпела суровые испытания, перенесла два сильных шторма. Пароход принял во Владивостоке скверный уголь. К концу дня 29 января барометр начал падать. Моряки дополнительно укрепили палубный груз. 30 января началась сильная качка. Здесь и проявилось низкое качество топлива: давление в котлах упало, судно развернуло лагом к волне. Волны захлестывали палубу, разрушали двери, судовое имущество. Капитан решил поставить пароход кормой на волну, начал менять курс вправо по мере смещения шторма к северу. Для облегчения кормы выкачали 100 т пресной воды. «*Чавыча*» стала меньше принимать воды на кормовую палубу, но волны продолжали свое разрушительное действие. Чтобы успокоить их, моряки применили старинный способ: стали лить за борт через шпигаты машинное масло. Это дало ожидаемый результат. Таким способом боролись со стихией до полудня 31 января, когда центр циклона обогнал пароход и начал уходить от него. Ветер стал стихать, волнение уменьшилось.

До 8 февраля погода благоприятствовала дальнейшему плаванию. Пароход направился в Петропавловск для ликвидации полученных повреждений. Ночью 8 февраля начал усиливаться северо-восточный ветер, достигший

к восьми утра штормовой силы. Давление пара в котлах упало до четырех атмосфер, судно вновь поставило лагом к волне. Снова пробовали лить масло, но на сей раз безуспешно. В таком положении «Чавыча» находилась до 13 февраля. Пароход снесло на 70 миль в юго-восточном направлении, он «обезуглился», так как суточные нормы расхода топлива были заметно превышены. По радио вызвали помощь из Петропавловска. Она пришла утром 13 февраля в лице «Чапаева», доведшего «Чавычу» на буксире до порта. Рейс был прерван.

Расследование установило, что со стороны экипажа «каких-либо упущений в подготовке к большому переходу или неправильных действий в судовождении во время шторма допущено не было. Аварийные последствия по судну перенесенных двух тяжелых штормов явились результатом снабжения во Владивостоке некачественным углем... Пароход терял управляемость и вынужден был следовать по пути движения шторма». Убытки от смытого груза составили 303 300 руб. и были отнесены за счет фрахтователя — Владивостокской конторы АКО [19, л. 214, 238].

27 февраля 1942 г. «*Чапаев*», находившийся в Охотском море в районе рыбокомбината им. Микояна с грузом пиломатериалов, попал в тяжелую ледовую обстановку и дрейфовал зажатым во льдах до 15 марта. Сильное сжатие началось 27 февраля около шести утра: в подводной части форпика потекли заклепочные швы. Течь устранили постановкой цементных ящиков.

10 марта капитан «Чапаева» Е. Д. Бессмертный получил распоряжение немедленно сниматься и следовать в Петропавловск. Учитывая тяжелую ледовую обстановку на западной Камчатке, где льды стиснули «Симу» и «Якут», зная о предстоящей посылке из Петропавловска в эти же районы еще ряда пароходов, он решил рекомендовать руководству АКО воздержаться от этого до улучшения ситуации. Капитан вручил радисту радиogramму следующего содержания: «Учитывая исключительно тяжелую ледовую обстановку, в целях сохранения корпусов, винтов, экономии бункера, прочего, пока от посылки наших судов воздержитесь. Держите их в готовности в порту. Суда необходимо сохранить для работы [во время] навигации. Улучшение ледовой обстановки, возможность работы сообщу».

Радист, считая содержание радиogramмы не подлежащим оглашению, не передал ее, не предупредив об этом капитана. В ходе расследования капитану было предложено наложить на радиста взыскание. На будущее капитаны судов, «находящихся в подобных обстановках», получили предписание «всемерно оберегать суда от работ во льдах, как конструктивно непригодные». Начальнику АКО флота следовало организовать систематическое получение информации о ледовой обстановке и наносить сведения на специальную карту, «каковой ориентироваться при посылке судов в рейс» [19, л. 290—291].

Годовой план грузоперевозок «Якуту» был определен в размере 14 200 т. К выполнению задания судно приступило в январе 1942 г., выйдя в рейс из Владивостока на западную Камчатку с углем. Мощные ледовые поля в Охотском море вынудили пароход длительное время дрейфовать. Лишь в начале апреля с большими перебоями он приступил к разгрузке в Микояновске. Здесь принял продукцию и доставил ее во Владивосток. За этот рейс судно перевезло 4 959 т и 246 пассажиров. Из-за длительного отсутствия связи с берегом судно не могло пополнить запасы продовольствия. В результате треть моряков заболела цингой, «что, бесспорно, отразилось на политико-моральном состоянии всего коллектива и особенно на командном составе, который... не был подготовлен к тяжелым операциям».

В следующее плавание из Владивостока в Анадырь пароход вышел 1 июля 1942 г., вернулся обратно 12 сентября 1942 г., перевезя 6 674 т и 390 чел. На стоянках экипаж покрасил борта и надстройки. В Анадыре моряки принимали активное участие в грузовых работах. Здесь же они ловили и заготавливали рыбу для собственного пропитания. «В течение этих рейсов экипаж работал по 12—15 часов в сутки. Исключительно большая работа была произведена палубной командой при буксировке плота из Усть-Камчатска в Петропавловск. Несмотря на свежую штормовую погоду (до 9 баллов) и неоднократный обрыв плота, последний был в целости доставлен в Петропавловск, за что часть коллектива начальником АКО была премирована, части объявлена благодарность и отпущены средства для премирования команды».

Третье плавание прошло на восточное побережье. Здесь приняли 2 195 т груза и 56 пассажиров, часть которых доставили в Петропавловск. К концу октября 1942 г. пароход выполнил годовой план грузоперевозок на 88,6 %. На подарки бойцам Красной Армии экипаж «Якута» собрал 4 560 руб.

Жилые помещения судна находились в плохом состоянии. По мнению помполита В. П. Реброва, «объясняется это дело тем, что, с одной стороны, бывший старпом... основательно запустил пароход... С другой стороны — все жилые помещения парохода не ремонтировались с 1934 г. При ремонте в Америке в 1941 г. на ремонт кают не затрачено ни одной копейки. Покрасочные материалы, как правило, отсутствуют. К тому же с постройки пароход работал на жидком топливе, а сейчас работает на угле, отсюда главное загрязнение и, несмотря на то, что экипажем проводится большая работа по наведению чистоты, все же нужных результатов добиться не можем. Необходимо при постановке в ремонт запланировать переборку жилых помещений по примеру «Щорса»» [13, л. 158—159].

С началом войны большое внимание было уделено ужесточению дисциплины среди экипажей судов. В соответствии с указанием НКРП СССР, начальник АКО 29 мая 1942 г. приказал распространить на все суда общества Устав о дисциплине рабочих и служащих Морского флота Союза ССР,

утвержденный постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 1085 от 22 июня 1940 г., и Устав службы на судах Морского флота Союза ССР, введенный НКМФ СССР 5 августа 1941 г. [17, л. 130].

Нарушителей Указов Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. («О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий и учреждений») и 10 августа 1940 г. в АКОфлоте за 1942 г. насчитывалось 79 чел. Из них осудили на разные сроки и направили на принудительные работы 61 чел. [16, л. 270]. Дисциплина на судах поддерживалась строгими мерами: только за первое полугодие 1942 г. на «Орочоне» за прогулы осудили трех человек. За опоздание при отходах во Владивостоке и Петропавловске осудили еще двоих моряков [13, л. 29].

По сообщению политрука «Коккинаки» Г. И. Худышкина, с 20 января по 25 ноября 1942 г. из 37 членов экипажа под судом побывали четверо: «Кочегар 1-го класса Тимохин и машинист Русов отказывались выходить на лебедочные работы, за что осуждены по Указу от 26.06.1940 г. Два нарушения устава: бывший третий помощник Цыба Н. Д. при исполнении вахтенной службы допустил распитие спиртных напитков с подчиненными... Приговорен военным трибуналом к четырем годам с отправкой на фронт. Кочегар Левченко (судовой артельщик) за спекуляцию приговорен к трем годам тюремного заключения. Всего 12 административных взысканий, но за то же время 102 благодарности приказами по судну и АКОфлоту» [13, л. 119].

Политрук «Чапаева» докладывал, что «в июле месяце матрос Воронин не явился на вахту, и в сентябре кочегар Бугаев явился на судно в нетрезвом виде и в силу этого не был допущен на вахту. Оба они осуждены к шести месяцам принудительных работ с удержанием из зарплаты 25 %» [13, л. 138].

Приказ по АКО № 259 от 23 июля 1942 г. озвучил решения военного трибунала Тихоокеанского флота:

«1. Капитан танкера “Максим Горький” Козлов П. Н. допустил на судне антисанитарное состояние жилых помещений, не обеспечил надлежащего хранения аварийных и противопожарных средств — к одному году исправительных работ по месту работы.

2. Шелепов Д. М. — третий механик танкера “М. Горький” — 10.03, находясь в нетрезвом состоянии, не мог нести вахту. 5.06, будучи отправлен на берег по служебным делам, напившись пьяным, опоздал к отходу судна — три года исправительно-трудовых лагерей. Приведение приговора отсрочено до окончания войны, а Шелепов направлен в действующий ВМФ.

3. Фролов В. Х. — машинист 1-го класса парохода “Сима” — во время нахождения судна 13.05.1942 г. на Петропавловском рейде, будучи предупрежден вахтенным механиком о том, что с 19 часов должен работать на лебедке, самовольно отлучился на берег в 18 часов и вернулся 14.05 в 2 часа.

Пять лет исправительно-трудовых лагерей, с отсрочкой приговора до окончания войны и направлением его в действующую армию.

4. Шеян П. Д. — второй помощник парохода “Чавыча” — во время нахождения судна на западном побережье Камчатки в условиях дрейфующих льдов 29.04, приняв вахту от третьего помощника и от него распоряжение капитана о промере глубин и отводе судна мористее, не выполнил, и вопреки распоряжения капитана в ночное время полным ходом в течение всей вахты форсировал лед, при этом не выставив наблюдающего за состоянием льда у кормы. В результате произошла авария рулевого управления. С целью скрытия аварии Шеян при сдаче вахты капитану не доложил и не сделал записи в вахтенный журнал. Четыре года исправительно-трудовых лагерей с отсрочкой с направлением в действующий ВМФ...» [18, л. 87].

17 февраля 1942 г. С. П. Емельянов подписал подготовленный начальником ОБП старшим лейтенантом М. Ивановым приказ «О прохождении военно-морской подготовки личным составом дивизионов флота АКО». Их командирам следовало обеспечить учебу моряков согласно разработанным планам. Ответственность за прохождение программ боевой подготовки возлагалась на капитанов и политруков судов. Командирам дивизионов следовало их «контролировать и давать свои указания». Пятого числа каждого месяца результаты учебы и проверок должны были рапортом доноситься начальнику АКО.

С 3 апреля 1942 г. начал действовать утвержденный командиром Петропавловской военно-морской базы (ПВМБ) капитаном 2-го ранга Д. Г. Пономаревым календарный план подготовки первого и второго дивизионов флота АКО на апрель-июнь 1942 г. Он предусматривал 150 часов занятий по каждой боевой части, в том числе 12 часов тревог и учений. Позже программа была увеличена до 240 часов.

15 апреля 1942 г. заработала комиссия по осмотру судов АКО «на предмет оборудования артиллерийским и пулеметным вооружением». Возглавил комиссию М. Иванов, в нее вошли военный инспектор АКО Бут, начальник АКОфлота, капитан и старший механик осматриваемого судна, а также военный специалист от ПВМБ.

По каждому судну следовало составить акт с указанием калибра, количества и мест установки орудий, пулеметов, мест хранения боезапаса и представить его на утверждение командиру ПВМБ. Все это должно было обеспечить самооборону судов от возможных атак авиации и подводных лодок.

Проведение военных занятий на первых порах осложнялось отсутствием специальной литературы и пособий. Помполит парохода «Анатолий Серов» В. П. Румянцев в августе 1942 г. сообщал: «Несмотря на то, что на изучение военного дела положено много трудов, все же результаты освоения... являются некачественными. Объясняется это тем, что у нас на судне нет ни одно-

го командира, знающего военное дело, не у кого позаимствовать в учебе. Из пособий имеется одна единственная книга “Военно-морское дело” на всю команду, что особенно затрудняет самостоятельное изучения материалов».

На «Орочоне» успешно завершили 110-часовую программу всеобщего обязательного военного обучения. Здесь также имелись «трудности в наглядных учебных пособиях. Попытки достать оружие для практических занятий не увенчались успехом. До сих пор не имели даже малокалиберной винтовки, не говоря о другом оружии» [13, л. 22, 29].

На «Чапаеве» действовала первичная организация Осоавиахима из 30 чел. В течение 1942 г. с ними прошли занятия по изучению противогаса, трехлинейной винтовки, устава ВМФ. Палубная команда практиковалась в световой и флажной сигнализации, игрались пожарные и водяные тревоги. Моряки познакомились с типами кораблей ВМФ и самолетов [13, л. 138].

Освоение военного дела на «Максиме Горьком» заключалось в строевой подготовке, четырех занятиях по штыковому бою, изучении винтовки и способов противохимической защиты. Были подготовлены два расчета пулемета Дегтярева, сыграно 16 тревог, в том числе две противовоздушные и две химические. В результате выяснилось, что «команда требует большей подготовки... Помощи от военного сектора АКО никакой нет, кроме разработки программ, а материалом, как правило, по темам не обеспечивает. Все темы, которые на судах не в состоянии провести своими силами, начальник боевой подготовки т. Иванов обещал проводить во время стоянки в порту, но и этого не делается» [13, л. 150].

В течение первого полугодия 1942 г. АКОфлот покинули 95 человек. Из них девятых призвали в армию, а среди прочих много моряков уволилось по болезни — зимой 1941—1942 гг. наблюдались вспышки цинги. Значительная убыль личного состава стала существенной проблемой, так как резерва кадров, особенно командных, не имелось. Из-за этого пришлось прибегать к найму моряков во Владивостоке, причем вновь принимаемые не всегда оказывались на высоте. Выходом из положения стало «продвижение собственных кадров»: так, три старших помощника (В. С. Дубасов, М. К. Виннер, И. Д. Кадет) были выдвинуты в капитаны. По состоянию на 31 декабря 1942 г. в АКОфлоте работали 120 стахановцев и 32 ударника. За год уволились 215 чел., в том числе 35 из-за призыва в армию и на флот [8, л. 18, 26]. Один из призванных — помполит «Ительмена» Николай Никифорович Сильянов — погиб в боях под Сталинградом.

В начале 1940-х гг. на Камчатке стал активно внедряться новый способ заготовки рыбной продукции путем ее замораживания. Первая серия холодильников на базе Морлова Моховая и комбинатах побережья вступила в строй в конце 1940 и первой половине 1941 г.

12 марта 1942 г. начальник АКО распорядился для скорейшего окончания строительства холодильников второй серии (в Кихчике, Пымте, Кировске и Колпаково) «под личную ответственность начальника АКОфлота Драбкина, а также капитанов пароходов “А. Серов” — Кадет, “Чавыча” — Волчкович, “Коккинали” — Коломеец, “Якут” — Гассе, “Орочон” — Барботько, завезти... для утепления холодильников шлака общим количеством по 400 куб. м. по каждому холодильнику» [19, л. 167].

В этот же день, учитывая, что Петропавловский порт АКО не успевает обрабатывать прибывавшие в большом количестве суда, АКОфлот получил приказ бункеровать пароходы углем своими силами, мобилизовав для этого всех членов экипажа, за исключением капитана, старшего механика и старшего помощника, которые были обязаны руководить круглосуточно шедшими работами [19, л. 162].

Весной 1942 г. выяснилось, что своевременная доставка консервных банок комбинатам восточного побережья к началу путины может сорваться. Для ускоренной погрузки банок на пароход «Чавыча» были привлечены сотрудники управления и предприятий АКО, а также служащие городских учреждений. С 28 мая 1942 г. работы организовали круглосуточно в две смены, трудившиеся по десять часов.

Ночная смена собиралась для отправки на жестянобаночную фабрику на Озерновской косе в шесть часов вечера. В течение часа они добирались на плавсредствах до фабрики и после завтрака приступали к погрузке, длившейся до часа ночи. Затем следовал часовой перерыв на отдых и питание, а с двух часов ночи работы возобновлялись и длились до семи часов утра. После завтрака люди отправлялись по домам [18, л. 121, 123].

Экипажи судов принимали все меры к увеличению количества перевозимых грузов и уменьшению балластных пробегов. Пароход «Орочон» при грузоподъемности в 4 600 т за первый рейс в 1942 г. перевез 4 762, в следующем — 5 593, а в последнем — уже 6 033 т. По результатам работы во втором квартале 1942 г. экипаж «Орочона» завоевал первую премию во Всесоюзном соревновании НКРП СССР. За полугодие моряки выполнили план грузоперевозок на 124,9 %. Возглавлял экипаж «Орочона» Г. А. Барботько, работавший капитаном в АКО с 1929 г. Вместе с ним отлично трудились старший механик К. П. Коробов, второй механик П. Г. Кибличенко, боцман А. О. Башкирцев, матрос 1-го класса Ф. Ф. Недолужко [20, № 171].

«Эскимос» под командованием капитана Н. П. Колесникова в своем четвертом рейсе имел задание получить на Сахалине полный груз угля для Петропавловска. При грузоподъемности 3 200 т судно приняло 3 692 т, в Пиленге взяло четыре 10-тонных кунгаса, а в Ныйво — плот-сигару весом 2 574 т. Все это было доставлено в Петропавловск в полной сохранности. Таким образом, «Эскимос» за один рейс перевез 6 305 т. Факт буксировки плота-сигары

с Сахалина в Петропавловск через Охотское море и Тихий океан *не имел примера в истории дальневосточного мореплавания*, а экипаж «Эскимоса» проявил в этом деле инициативу, новаторство и энергию.

С. П. Емельянов и Я. М. Драбкин, считая, «что в дальнейшем буксировка леса в сигарах с острова Сахалин и других пунктов должна стать одним из основных видов завоза леса на Камчатку», обратились к наркому, прося «в целях заинтересованности судозкипажей и для заострения внимания всех моряков на важность вышеуказанного мероприятия», поощрить их приказом по НКРП [18, л. 132].

Наркомат принимал и другие меры для стимуляции деятельности экипажей. Так, начальник флота оповестил моряков: «Распоряжением замнаркома Шередека устанавливается премиальная плата сверх основной зарплаты за каждую тонну рыбопродукции, принятую на комбинатах и доставленную в пункты назначения, в следующих размерах (коп.): “Орочон”, “Ительмен” — 170; “Сима”, “Чавыча”, “Эскимос”, “Щорс”, “Чапаев” — 200; “Якут”, “Коккинаки”, “Анатолий Серов” — 250. За перевыполнение рейсового плана по вывозу... устанавливается дополнительная премия... Капитан имеет право частично или полностью лишать плохо работавших членов команды. Срок действия: по западному побережью 1.11, по восточному — 1.12» [13, л. 25].

План третьего квартала 1942 г. «Эскимос» выполнил на 141,1, а «Орочон» — на 140,1 % [8, л. 24]. НКРП премировал оба судна [21, л. 117].

В начале сентября 1942 г. пароход «Якут» под командованием капитана П. Д. Киселева, имея полный груз рыбопродукции, взял в Усть-Камчатске на буксир плот-сигару объемом 1 384 куб. м. При следовании к месту назначения караван застиг восьмибалльный шторм. Сигару оторвало, ей грозила гибель. «Якут», несмотря на сильную зыбь, смог подойти к плоту, и моряки: боцман Трякин, матрос Мамонтов прямо с борта спрыгнули на сигару и начали крепить буксир. Не считаясь с риском быть смытыми волнами, на сигаре также работали второй помощник капитана Гречищев и матрос Лютый. В результате такой самоотверженности и героизма экипажа плот вновь взяли на буксир и доставили на место назначения [18, л. 161].

Помполит «Анатолия Серова» В. П. Румянцев в августе 1942 г. так докладывал о деятельности своего судна: «За переход Владивосток — Петропавловск ежедневно выпускаем диаграмму с показателями работы в отдельности на каждой вахте: давление пара, обороты винта, пройденные мили за вахту. За этот же переход в порядке тренировки команды произведено шесть учебных тревог. За дисциплинированное поведение, хорошие показатели на ремонте и в рейсе 11 чел. из команды объявлена благодарность и за перевыполнение рейсового плана объявлена благодарность всему экипажу» [13, л. 22].

Лесовоз «Коккинаки» выполнил план грузоперевозок 1942 г. на 108 %, сэкономив 768 т угля, что составило 24,6 % его годовой потребности. Среди

машинной команды стал популярен лозунг: «Ухаживать за механизмами, как боец на фронте ухаживает за своим оружием», позволивший увеличить эксплуатационную скорость судна на 15 %. Экипаж, насчитывавший 25 станхановцев и ударников, выполнял текущий ремонт исключительно собственными силами. Особенно хорошо трудились второй помощник капитана С. Г. Митяев, боцман П. Е. Клименко, второй механик З. Н. Алешков, третий механик А. С. Царев, матрос А. Шавкунов, плотник М. Дурнов, кочегары Г. С. Попов, Ф. Я. Шаталов, П. Наumenко. Большим уважением экипажа пользовалась пекарь М. И. Стрюкова, которой шел шестьдесят второй год.

Вот как выглядели обязательства экипажа «*Чапаева*» на навигацию 1942 г., принятые во время стоянки судна во Владивостоке 1 июля 1942 г.: «Экипаж парохода “Чапаев” в ответ на первомайский приказ т. Сталина (в котором ставилась задача разгрома немецко-фашистских захватчиков в 1942 г. — С. Г.), включается во Всесоюзное социалистическое соревнование на лучшее транспортное судно в системе Наркомрыбпрома. Экипаж обязуется выполнять планы не ниже, чем на 110 %, увеличить грузоподъемность судна на 5 %, увеличить ходовую скорость на 15 % — вместо 7,8 узлов дать 9,1. До конца хозяйственного года не допускать ремонтов с выводом судна из эксплуатации. Междурейсовые ремонты проводить силами экипажа, выполнять сдельные нормы на 150—200 %, принимать активное участие в погрузо-разгрузочных работах — переработать силами экипажа не менее 2 500 т и обеспечить работу на лебедках. Сокращать расход норм топлива и смазочных материалов на 5 % от суточной нормы однотипных судов Госморпароходства, работающих на жидком топливе».

Чапаевцы принимали вызов экипажа «Щорса» и предлагали ежеквартально проводить взаимную проверку хода социалистического соревнования. В качестве «жюри» в состязании выступали начальник АКОфлота Я. М. Драбкин и руководители основных отделов предприятия.

Правда, сократить расход топлива, как позже выяснилось, было сложно: во время зимних плаваний по западной Камчатке пароход сильно повредил корпус и получил течь в районе цистерн. К лету ежедневная потеря топлива достигла 1,5 т. Проведенная во Владивосток электрозаварка трещин положительного результата не дала. Этот дефект можно было устранить только в доке.

В июне 1942 г. специальная комиссия при рыбном порте проверяла технические знания кочегаров и машинистов «*Чапаева*». Все прошедшие проверку получили удостоверения, дававшие им право занимать данные должности [13, л. 135, 138].

Продолжилась практика направления судов за границу. В сентябре 1942 г. из Петропавловска в Портленд вышел «Орочон». Здесь в течение девяти суток он одновременно производил текущий ремонт и принимал груз. Из-за отсутствия в Портленде угля, за бункером пароход направился в Сиэтл, затра-

тив на это 19 суток, в результате чего продолжительность рейса составила два месяца. Во время ремонта пароход снабдили зенитным вооружением. Находясь в США, экипаж «Орочона» приобрел 59 пар теплых носков и 50 пар белья стоимостью 108 долларов, которые решили передать в действующую армию. Во время обратного перехода в СССР экипаж, разбитый на боевые расчеты, провел несколько учебных тревог и девять занятий у орудий. В ноябре 1942 г. «Орочон» прибыл во Владивосток. В результате максимального использования емкости трюмов, вместо положенных 4 600 т судно перевезло за этот рейс 4 925 т снабженческих и оборонных грузов. Всего за год пароход вместо плановых 19 300 доставил 22 061 т груза.

«Орочон» за первое полугодие 1942 г., «как передовой пароход», был представлен НКРП и ВЦСПС кандидатом на получение знамени Государственного Комитета Обороны, но такового не удостоился [13, л. 26].

24 ноября 1942 г. из Петропавловска в Портленд отправился пароход «Щорс». По пути с 1 по 6 декабря 1942 г. он снял с парохода «Турксиб», выброшенного штормом на камни Алеутских островов, 450 т груза. 19 декабря 1942 г. судно встало в ремонт, который шел медленно. Многие работы, в том числе переборку главной машины, выполняла команда. В конце января «Щорс» начал погрузку и 8 февраля взял курс на Петропавловск. Во время рейса дважды приходилось стопорить машину для устранения выявившихся дефектов. В США на «Щорсе» установили пушку и два крупнокалиберных пулемета. Приписанные к ним моряки, по словам помполита М. И. Первущина, хорошо овладели вверенным им оружием. После прихода в Петропавловск экипаж передал местным властям в подарок к 25-й годовщине РККА 92 пары шерстяных носков и ящик сигарет, купленные на личные средства (61 доллар). Кроме этого, моряки, откликнувшись на призыв тамбовских колхозников, внесли на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак» 14 200 руб. наличными [22, л. 15—22].

(В 1943 г. Камчатка получила благодарность Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина: «Прошу передать трудящимся Камчатской области, собравшим, кроме ранее внесенных 32 миллионов рублей и облигациями госзаймов 33 миллионов рублей в фонд обороны Союза ССР, дополнительно 14 миллионов рублей на строительство танковой колонны “Камчатский рыбак” — мой братский привет и благодарность Красной Армии»).

Выполнение плана перевозок людей и грузов, установленного на 1942 г., показано в табл. 2 [22, л. 97]. Как видно, задание по грузам оказалось невыполнено на 5 953 т или на 3,5 %, по пассажирам — перевыполнено на 17,4 %. Общий итог — 97,0 %.

Невыполнение плана стало результатом уменьшения числа сделанных рейсов против плановых: 82 вместо 105, снижения эксплуатационной скорости с 172,8 миль в сутки до 153, увеличением среднего пробега из-за пе-

реходов в ненавигационное время через Цусимский пролив и выполнения не предусмотренных планом «спецрейсов».

В течение 1942 г. резко уменьшилось время, расходуемое на чистки котлов, техосмотры, междурейсовые ремонты, а также на дератизацию, то есть на борьбу с грызунами. Это признавалось свидетельствующим «о плохой постановке эксплуатационной службы» и подтверждалось тем, что из 2 147,6 тыс. руб., выделенных на текущий ремонт, были использованы всего 753,7.

Таблица 2

Судно	Грузы, т			Пассажиры		
	план	отчет	% вып.	план	отчет	% вып.
«Орочон»	19 300	21 670	112,3	600	436	72,7
«Ительмен»	10 800	19 851	183,8	300	96	32,0
«Сима»	19 600	17 596	89,8	600	782	130,4
«Чавыча»	19 600	18 496	94,4	325	320	98,5
«Эскимос»	18 400	21 982	119,5	810	913	112,7
«Якут»	14 200	13 959	98,3	625	845	135,2
«Чапаев»	18 700	11 271	60,3	365	658	187,7
«Щорс»	10 400	6 477	62,3	175	252	144,0
«А. Серов»	16 800	12 497	74,4	120	296	146,7
«Коккинаки»	14 000	13 262	94,7	80	60	75,0
«М. Горький»	9 000	7 786	86,5	—	39	—
Всего:	170 800	164 847	96,5	4 000	4 697	117,4

На чистку котлов потратили только треть от запланированного. Пароходы «Ительмен» и «Чапаев» ее не производили вообще. Результат: перерасход условного топлива по флоту составил 994 т. На дератизацию, имеющую «важное значение при перевозке рыбопродукции россыпью и хлебных грузов», надлежало израсходовать 31,6 тыс. руб., но фактически истратили лишь 7,1.

Сельхозферма в 1942 г. сработала плохо. Она должна была засеять 5 га картофеля (ожидавшийся урожай 80 ц с гектара), 3 га капусты (125 ц), 2 га моркови (80 ц), немного свеклы и лука. Общая посевная площадь определялась в 10 га. Товарной продукции с нее намечали получить 643,5 ц. В течение лета и осени 1942 г. следовало освоить 7,5 га новых земель. Поголовье скота на 1942 г. определялось в количестве 12 коров, 87 свиней, пяти лошадей. Намечалось «ввести птицеводство» и к концу года поднять его поголовье до 160 шт. Для прокорма скотины следовало запасти 150 т сена и силоса [23, л. 1—2].

На деле же посеяли 3,9 га, собрали 278,1 ц продукции, то есть 33 %. Себестоимость центнера картофеля превысила плановую более чем втрое (288 вместо 81 руб.), а капуста обошлась аж в восемь раз дороже (657 вместо 81 руб.). Ферма заготовила 12,6 т сена и 47,5 т силоса и располагала 13 коровами, 15 поросятами, одним быком-производителем, семью телками, пятью бычками, тремя свиноматками и тремя лошадьми. На подсобном хозяйстве имелись шесть жилых помещений [16, л. 271].

В итоге руководство АКО заключило: «Отчетные показатели не дают основания признать хозяйственную деятельность АКОфлота за 1942 г. удовлетворительной» [23, л. 9—11]. Тем не менее, 1942 г. был завершен с прибылью в размере более 7 млн руб. За простои пароходов с грузополучателей (комбинатов) флот взыскал 1 786,8 тыс. руб. штрафов [23, л. 26].

В октябре 1942 г. начальником АКОфлота стал Александр Яковлевич Каменецкий [16, л. 268].

Двухлетний опыт централизации учета в АКОфлоте показал невозможность своевременного контроля работы судов. Ввиду постоянного нахождения их в плаваниях, управление флота не могло регулярно получать отчетность. Текучесть рядовых моряков, частые перемещения комсостава, ненадлежащее оформление дел в процессе их приема и передачи нередко создавали крупные недостатки и невозможность определения ответственных за них лиц. Для предотвращения этого с 1 января 1943 г. все суда снова переводились на полный хозрасчет с самостоятельным балансом. На них возвращались старшие бухгалтеры. В порядке опыта у самых крупных судов открывались отдельные счета в госбанке. В действие вводилось «Положение о хозрасчетном морском транспортном судне Управления флота АКО», представленное А. Я. Каменецким руководству общества 26 декабря 1942 г. [16, л. 282].

Проведенная в феврале 1943 г. сектором местной противовоздушной обороны (МПВО) АКО проверка состояния оборонной работы показала, что на некоторых судах она почти отсутствовала. Посты МПВО здесь не были организованы, занятия и тревоги с моряками не проводились. 16 февраля 1943 г. заместитель начальника АКО Гусев распорядился в трехдневный срок дать указания всем капитанам организовать подготовку к сдаче норм противовоздушной и химической обороны (ПВХО) в соответствии с постановлением СНК СССР от 2 июля 1941 г., а на каждом судне создать комиссии по приемке норм [16, л. 100].

16 марта 1943 г. вышел приказ № 07 по Управлению военизированного флота (УВФ) Камчатского бассейна (так стала называться организационная структура, руководившая первым и вторым дивизионами, то есть АКОфлотом и Морловом) об улучшении боевой подготовки на судах. Командирам дивизионов А. Я. Каменецкому и Г. Я. Ермошкину с приходом судов в Петропавловск совместно с их капитанами и представителями ПВМБ следовало укомплектовать все посты, установленные боевыми расписаниями судов.

Занятия с личным составом проводились по особому расписанию, составлявшемуся перед выходом из Петропавловска или Владивостока. Для них устанавливалось следующее обязательное время: один час в течение рабочего дня во время плавания и два часа ежедневно во время стоянки в порту или на ремонте. На судах, несших вооружение, для ухода за ним боевым расчетам ежедневно отводилось не менее полчаса. Отделу кадров АКОфлота за-

прещалось перемещать без согласования с ОБП АКО личный состав, обученный пользоваться вооружением, и других специалистов, изучивших какую-либо военно-морскую специальность [24, л. 7].

Приказами по дивизионам на каждом судне из числа командного состава назначался помощник командира корабля (то есть капитана судна) по военной части. В течение второго квартала 1943 г. ими стали: на «Орочоне» — третий помощник капитана Алексей Никифорович Бурлуцкий, на «Симе» — старший помощник капитана Иван Дмитриевич Кадет, на «Максиме Горьком» — политрук Василий Григорьевич Швецов, на «Щорсе» — второй помощник капитана Геннадий Александрович Козырев, на «Анатолии Серове» — второй помощник капитана В. В. Скробот, на «Якуте» — второй помощник капитана А. И. Гречищев [24, л. 18—25].

На «Чапаеве» таковым назначили И. И. Петрова. По его словам, он не был знаком с военным делом и выполнять возложенные обязанности не мог. «Прошу освободить от работы на пароходе “Чапаев” с переводом на береговую работу». Резолюция руководства: «Вопрос о списании решен. Работать направлен в Петропавловский городской комитет в отдел пропаганды. 28.10.1943 г.» [14, л. 6].

23 апреля 1943 г. начальник АКО распорядился для совершенствования военных знаний откомандировать на специальные курсы, организованные ПВМБ, следующих руководителей: начальника АКОфлота Каменецкого, начальника организационно-строевого отдела УВФ АКО Пучкова, военного инспектора АКОфлота Бута, капитана-инструктора отдела службы флота Обухова, главного механика отдела службы флота Альфонского, главного инженера АКОфлота Цимбала, начальника Морлова Ермошкина, начальника Петропавловского порта Завадского, капитана плавсредств порта Богданова, капитана Петропавловской моторно-рыболовной станции Сорокина, начальника службы флота Слободенюка. Занятия проводились вечером в нерабочее время по понедельникам и четвергам в помещении Морлова [24, л. 17].

Единая структура УВФ НКРП СССР была определена приказом по наркомату № 1288. Во исполнение правительственного распоряжения, 17 июля 1943 г. был утвержден следующий состав органов УВФ АКО Камчатского бассейна [24, л. 27]:

- руководство: начальник управления Емельянов, помощники Гусев, Макштас, Данилин;
- организационно-строевой отдел: И. О. Пучков;
- отдел боевой подготовки: начальник отдела, флагманские артиллерист, минер, химик, штурман и механик (все — офицеры ТОФ);
- эксплуатационно-технический отдел;
- отдел лова;
- радиослужба.

Принятые меры позволили в 1943 г. улучшить военную подготовку. Суда были обеспечены учебными пособиями и вооружением, наладилась необходимая учеба. Значительное содействие гражданским морякам в овладении вооружением оказали военные специалисты. Так, 8 октября 1943 г. для «помощи в проведении боевой организации и боевой подготовки экипажа парохода “Якут”, инструктажа командиров береговых дивизионов по боевой подготовке военизированных служащих» в рейс на «Якуте» командировался флагманский минер отдела ОБП лейтенант А. В. Скобляков. «Срок командировки — рейс парохода “Якут”» [24, л. 38].

«Якут» прошел ремонт и вооружился во время нахождения в Портленде. Вот что сообщил автору внук капитана «Якута» П. Д. Киселева, живущий в Москве Д. В. Ершов: «Годы спустя дед с иронией (но не без гордости) вспоминал, что его корабль получил самое мощное артиллерийское вооружение среди судов АКО — “якутянам” досталась старая четырехдюймовая (102 мм) пушка вместо стандартной трехдюймовки (76 мм). Расчет орудия, прошедший подготовку в школе ВМФ США, с азартом отдавался выполнению новых обязанностей, придававших тыловой службе желанный боевой характер. Обычным делом стали учебные стрельбы, одна из которых едва не закончилась для экипажа объяснениями с военным комендантом Анадыря. По словам деда, во время короткого захода в этот порт его “артиллеристы” затеяли учения, используя в качестве мишени снежник, ярким пятном выделявшийся на склоне одной из гор, окружавших поселок. Болванка учебного снаряда вызвала сход небольшой лавины, которая, не причинив вреда, тем не менее, наделала в Анадыре немало шума. Пришлось “Якуту” срочно сниматься с якоря и спасаться бегством в Петропавловск...»

После начала в декабре 1941 г. на Тихом океане военных действий между США и Японией для советских судов создавалась прямая угроза атак авиацией или подводными лодками воюющих сторон. Для предотвращения возможных нападений следовало обозначить государственную принадлежность судов. С этой целью был введен в действие приказ НКРП СССР от 26 августа 1943 г. «О порядке несения судовых огней и опознавательных знаков транспортными, плавающими в заграничных водах под флагом СССР». В соответствии с ним, суда должны были иметь бортовые и палубные опознавательные знаки, а также круглосуточно нести кормовой государственный флаг при плавании в Японском, Охотском и Беринговом морях. Опознавательные знаки наносились на обоих бортах в районе мостика, а также на носовом и кормовом трюмах в виде белого прямоугольника размером не менее, чем 1,5 на 2 м с изображением флага СССР и под ним черных букв «USSR».

В ночное время зажигались топовые и бортовые отличительные огни, на гротмачте — условные сигналы, видимые по всему горизонту (вертикально расположенные зеленый — красный — зеленый), показывающие государ-

ственную принадлежность судна. При встрече с другими кораблями следовало освещать кормовой флаг и опознавательные знаки прожекторами, а также семафорить прожектором азбукой Морзе символы «USSR».

При подходе к берегам США капитаны советских судов в части несения опознавательных знаков и огней руководствовались указаниями, получаемыми от представителей американской конвойной службы. Во время плавления суда должны были соблюдать радиомолчание, за исключением аварий и нападений [24, л. 41].

Несмотря на то, что за весь военный период суда АКОФлота атакам не подвергались, меры предосторожности были совсем не лишними: в море погибло несколько транспортов ДВГМП. Так, 17 февраля 1943 г. в Восточно-Китайском море американская подводная лодка торпедировала пароход «Кола», направлявшийся из Владивостока на Камчатку. Судно затонуло, из 73 членов его экипажа и пассажиров спаслось всего четверо. Их принял на борт японский военный корабль [25, № 67]. В том же районе эта лодка потопила пароход «Ильмень». Как вспоминал в 1985 г. капитан А. А. Гринько, «Кола» шла тогда вслед за «Чавычей» в нескольких десятках миль и в ночное время чем-то себя демаскировала... 9 июля 1943 г. еще одна американская подводная лодка потопила в Японском море сейнер Востокрыбфлота.

Во время войны на Дальнем Востоке был сосредоточен крупный отечественный транспортный флот, в состав которого вошли суда, ранее работавшие в западных бассейнах страны. США передали СССР 171 судно, 140 из которых доставляли в порты Дальнего Востока снабженческие и оборонные грузы. Всего через дальневосточные гавани СССР за годы войны прошло около 8,3 млн т такого снабжения или 47,1 % его общего объема [26, с. 18—19]. Существовавших судоремонтных мощностей в дальневосточных портах не хватало, что заставляло отправлять пароходы на «внешний ремонт» — в США. Это тоже было одной из форм помощи СССР со стороны союзной державы. Координацией работ занимались уполномоченные НКРП СССР в США, в частности А. Н. Соляник, ранее бывший капитаном «Ительмена».

В начале января 1943 г. в Сан-Франциско пришел пароход «Чапаяев». НКРП СССР установил срок его ремонта в 35 суток. Судно встало на завод «Harley Marine Works», на котором уже пребывали пять советских пароходов. Предприятие, оказавшееся маломощным и недостаточно оборудованным, определило трудоемкость работ в полтора месяца, но этот срок не выдержало, в результате чего «Чапаяев» простоял в Америке пять с половиной месяцев. На судне установили 75-миллиметровую пушку и два 20-миллиметровых зенитных автомата «Эрликон». Во время стоянки десять чапаяевцев три дня изучали оружие в центре подготовки американской морской пехоты. Перед отходом в СССР пятерых моряков перевели на стоявшие в Сан-Франциско суда Морфлота [22, л. 62].

Единственный теплоход АКО — танкер «*Максим Горький*» — зимой 1942 г. и весной 1943 г. также побывал в США. 23 ноября 1942 г. судно под командованием капитана М. Е. Зеленского отправилось в Сиэтл. Расстояние до него в 3 100 миль из-за низкого качества топлива и неисправностей главного двигателя покрыли за 16 ходовых суток. В Сиэтл судно пришло 9 декабря 1942 г. и встало в док на семь дней. В ходе ремонта своими силами перебрали детали движения машины, исправили руль, очистили танки, заменили часть электропроводки, установили эхолот, подлатали трубопроводы, покрасили корпус. По указанию военного представителя на танкере установили пулеметы, спасательные плоты, аварийный радиопередатчик и два новых приемника. Ремонт закончился 22 декабря. Затем судно направилось в Портленд, где приняло груз горючего. Из Портленда в Петропавловск танкер вышел 1 января 1943 г. и через 19 штормовых суток прибыл в родную гавань. Моряки доставили и «американские подарки» для эвакуированного населения. Их передали на склад во Владивостоке 9 марта 1943 г. [22, л. 24—25, 36].

Следующий рейс в США начался 30 апреля 1943 г. Заводы на Камчатке и во Владивостоке не могли качественно отремонтировать дизельную машину «Горького». В качестве ремонтной базы выбрали Сан-Франциско. Перед походом в Америку танкер должен был доставить нефтепродукты на комбинаты восточного побережья Камчатки. Выполняя ответственное задание по обеспечению малого промыслового флота топливом, срыв которого грозил провалом весенней путины, танкер взял обязательство, несмотря на то, что поршни главного двигателя имели трещины, увеличить скорость хода на 30 миль в сутки (норма — 152 мили за сутки). Для того, чтобы сократить пребывание судна в США, на переходе в Сан-Франциско суточный пробег был доведен до 200—225 миль, а «во время нахождения в Сан-Франциско экипаж взял обязательство произвести чистку танков собственными силами, работая не восемь, а двенадцать часов, также было постановлено во время чистки увольнений в город не производить».

В результате увеличения скорости переход из Корфа в США вместо 21 суток занял 16, а обратный путь в Петропавловск вместо 24 — 19. Дополнительно к грузу, принятому в США в танки, были залиты два кофердама, что позволило доставить на Камчатку еще 100 т драгоценных нефтепродуктов. Грамотная деятельность машинной команды сэкономила за рейс 7 т топлива. Танкер привез домой подарков и белья для красноармейцев на сумму 129 долларов и 3 035 руб. [22, л. 63—65].

17 марта 1943 г. из Петропавловска с грузом консервных банок, продовольствием и рабочими для Усть-Камчатска вышел «*Якут*». После выгрузки 7 апреля он направился в США. Предполагавшаяся здесь замена крайне изношенных котлов не состоялась. За время стоянки был выполнен ремонт машины, заварка и смена части котельных труб, корпуса, рулевого устрой-

ства, установлена пушка, четыре автомата «Эрликон» и спасательные плоты. Палубная команда покрасила пароход и помещения, машинная команда отремонтировала лебедки. Лучше всех работали боцман Трякин, матросы Мамонтов, Лютый, Ступак, механики Зубарев, Боженков, Медведев, машинисты Корольков, Еремин, кочегары Новиков, Чепраков, Полешук, Ковалев. 22 мая «Якут» ушел в Петропавловск. На переходе по метеопричинам и из-за разрыва пяти труб в котлах он потерял четверо суток [22, л. 70].

Ремонт в США в 1943 г. проходил и «Анатолий Серов». Пароход встал на хороший завод «General Engineering Company». У командования и экипажа установились хорошие отношения с руководством предприятия, мастерами и бригадирами. При общении с американцами никаких недоразумений не возникало, они выполнили ряд работ, не предусмотренных планом. Экипаж трудился по 10—12 часов ежедневно. Отлично зарекомендовали себя старший механик Н. Р. Домра, второй механик Д. Р. Винтовкин, третий механик Семенюта, под наблюдением которых находились главные объекты ремонта. Хорошо показали себя машинисты Любченко и Кармелюк, старший кочегар Гаврилов, штурман Баклаг, матросы Шилиутин, Мухин, Кошуба, Дудин, Гришин, Капитонов. Качество ремонта, по заключению механиков, портового инженера Половко и главного инженера при советском представительстве в Вашингтоне Гаврилова, было признано хорошим [22, л. 71].

За время этого заграничного плавания для экипажа проводились лекции и политинформации. Изучалась и военная техника: в военно-морской школе США три дня знакомились с устройством зенитных автоматов «Эрликон» и один день проходили практические стрельбы. В обратном рейсе также занимались изучением материальной части: конвойный офицер Запорощенко провел три занятия по сборке, разборке и чистке оружия. Кроме этого, сыграли пять шлюпочных и пожарных тревог. Подготовка экипажа оценивалась как хорошая.

Показатели плана АКОфлота по грузоперевозкам на 1943 г. начальник АКО С. П. Емельянов утвердил своим приказом по управлению АКО № 238 от 1 июня 1943 г. в объеме 180 000 т, в том числе вывоз рыбопродукции — 41 500 т. Суда должны были выполнить в общей сложности 277 810 тыс. тонно-миль. Грузовая программа по сравнению с итогами 1942 г. выросла на 10 430 т или на 6,2 %. «Учитывая практику 1942 г. буксировки сигар-плотов леса», за АКОфлотом закреплялась доставка всех сигар-плотов с Сахалина с июля по август 1943 г.

На капитальный ремонт флота выделялись 6,9, на текущий — 3,33 млн руб. Средняя суточная себестоимость эксплуатации определялась в 8 695, себестоимость тонны груза — в 154,6 руб. Чартерная стоимость принималась по себестоимости с начислением 20 %. За задержку судна организациями, не входящими в «систему» НКРП СССР, сверх обусловленного в догово-

рах времени следовало применять «штрафную систему в двукратном размере charterной стоимости за время задержки».

В объекты строительства за счет сметы производства вновь включался склад материально-технического склада в Петропавловске стоимостью 105 тыс. руб.

Среднегодовой списочный состав флота определялся в 565 чел. с годовым фондом заработной платы в 6,75 млн руб. Персонал Владивостокского морского агентства включал 16 чел., на его содержание отпускались 167,7 тыс. руб.

Финансовый план АКОфлота на 1943 г. утверждался в сумме 14,388 млн руб. с прибылью 6,39 млн руб. [27, л. 2—3].

Выполнять программу должны были 11 судов общей грузоподъемностью 33 230 т. Позже задания «Орочону» и «Чавыче» уменьшили, но в целом по флоту программа оставлена без изменений. Причинами уменьшения явились запрет наркомата буксировать «Орочоном» в Петропавловск сигары с лесом с Сахалина и большая потеря времени «Чавычей» в заграничье (на 99 суток больше плановой).

Выполнение плана грузовых и пассажирских перевозок за 1943 г. показано в табл. 3.

Таблица 3

Судно	План	Отчет	% выполнения
«Орочон»	23 500	25 790,0	109,8
«Ительмен»	26 500	26 175,0	98,9
«Сима»	21 700	22 521,5	103,8
«Чавыча»	11 600	11 737,5	101,2
«Эскимос»	9 000	11 098,3	123,3
«Якут»	12 000	9 648,8	80,4
«Чапаев»	13 000	13 180,5	101,4
«Щорс»	16 500	19 799,0	119,9
«А. Серов»	11 500	14 176,5	123,3
«Коккинаки»	16 200	17 421,8	107,5
«М. Горький»	8 000	9 649,8	120,6
Всего:	180 000	181 195,8	100,7

Как видно, с заданием справились на 100,7 %. Этого достигли значительным сокращением пробегов в балласте (16 против 28 плановых) и резким повышением коэффициента использования грузоподъемности (0,843 против 0,77). Средняя эксплуатационная скорость судов в 1943 г. оказалась выше плановой на 1,3 и прошлого 1942 г. на 4,7 %.

Результат мог быть лучше за счет повышения оборачиваемости судов (в среднем по АКОфлоту 50,3 суток за рейс с грузом при плане 44,5). Кроме того, не удалось выполнить девять запланированных рейсов. Грузоподъемность флота была недоиспользована на 29 000 т.

На удлинение пробегов судов на 112 % повлияли заграничные рейсы «Чавычи», «Щорса», «Якута» и «Максима Горького», отклонения от курса следования «по условиям военного времени». Средняя скорость пароходов составила 160,1 мили в сутки по сравнению с 158,5 в прошлом, 1942 г. За 1943 г. суда прошли с грузом в общей сложности 125 531 милю, а средний пробег одной тонны груза составил 1 682 мили [28, л. 142, 306].

Потребность в топливе за навигацию 1943 г. устанавливалась в объеме 48 064 т, а его фактический расход выразился в количестве 44 713,5 т, то есть 93 %. Включившись в социалистическое соревнование НКРП СССР, АКО-флот принял на себя обязательство сэкономить в 1943 г. 2 100 т. Фактическая же экономия составила 3 350 т. Такого существенного результата (достаточно сказать, что этого количества топлива могло хватить для одного из крупных судов флота на год) достигли благодаря, наконец, налаженному систематическому централизованному учету и анализу расходования топлива, а также введению премиальной системы за его экономию. Немало способствовали экономии сравнительно постоянный состав судовых механиков и кочегаров, сжигавших хорошо изученные угли одних марок, повторно использовавших несгоревшие куски, проваливавшееся через щели топочных колосников [29, л. 264].

Больше всех дефицитного угля сэкономили «Орочон» (603,8 т) и «Коккинаки» (566 т), а вот «Чавыча» перерасходовала 126 т. «Чапаев», «Щорс» и «Максим Горький», работавшие на жидком горючем, сэкономили его стране 310,6 т [28, л. 141].

Моряки помимо основных судовых работ своими силами провели погрузо-разгрузочных операций на сумму 227 800 руб.

Подсобное хозяйство впервые смогло обеспечить моряков овощами, предотвратив возникновение цинги, имевшей место в прошлые годы. Посевная площадь с 3,4 га в 1942 г. увеличилась до 10 га в 1943 г., приплод рогатого скота составил девять голов. Но полностью поставленных задач решить все-таки не удалось, хозяйство принесло убыток в 103 тыс. руб., его продукция обходилась дорого.

В 1943 г. АКОфлот впервые за все время своей деятельности выполнил, а по отдельным показателям существенно перевыполнил план грузоперевозок. Но все-таки он имел значительный простой — 17,1 % от общего объема эксплуатационного времени, не позволивший «извлечь из транспортного флота возможной производительности». А. Я. Каменецкий полагал, что основной причиной простоя явилось «отрицательное влияние Владивостокской конторы, крайне неудачно изменяющей запланированное направление судов по своему усмотрению и не обеспечивающей обработку судов во Владивостоке, недостаточное обслуживание судов в Петропавловском порту, который считает обработку судов АКО второстепенной задачей... и, нако-

нец, одной из наиболее значительных причин простоев является оперативная горячка и недооценка планового заблаговременного обеспечения завоза топлива на период зимней навигации...» [29, л. 267].

Согласно данным Владивостокского морского агентства, с 1 января по 31 декабря 1943 г. пароходы АКОфлота заходили во Владивосток 18 раз, простояли здесь в общей сложности 14 675 часов, выгрузили 36 472 и погрузили 39 671 т. Они же приняли здесь 6 305 пассажиров [28, л. 4].

Непроизводительные переходы были вызваны попытками судов пройти через пролив Лаперуза. Нередко ухудшавшиеся здесь ледовые условия вызывали необходимость возврата во Владивосток для добункеровки углем и водой. Простои имели место также при проходе судов из Охотского моря в Японское. Направленные через Цусимский пролив суда отзывались во Владивосток. В первом квартале 1943 г. из 9 072 часов стоянки на долю простоев, вызванных тяжелой ледовой обстановкой, пришлось 1 466, то есть 16 % [29, л. 283].

Пароходы «Орочон» и «Коккинаки», танкер «Максим Горький» в январе 1943 г. имели потери времени по проходу через пролив Лаперуза (ввиду закрытия Сангарского и осложнений с проходом через Цусиму) [22, л. 92].

Морские дороги, ведущие из Тихого океана во все дальневосточные порты СССР (их насчитывалось шесть: Владивосток, Находка, Советская Гавань, Николаевск-на-Амуре, Магадан и Петропавловск-Камчатский), за исключением Петропавловска, проходили через проливы Курильских островов, Лаперуза, Сангарский или Цусимский. Проливы контролировались японским военным флотом, нередко задерживавшим и даже топившим советские суда. Имелся еще один маршрут — мелководным Татарским проливом, недоступным для глубоководных в воде крупнотоннажных судов, — в Николаевск-на-Амуре или во Владивосток.

Вот что вспоминал в 1976 г. капитан дальнего плавания И. И. Баклаг, работавший в 1942 г. штурманом на «Анатолии Серове»: «Осенью 1942 г. в проливе Лаперуза случилось то, что нужно было ожидать. Курс пересек небольшой японский ледокол, взвился сигнал “стой”, а для пушек убедительности маленькие юркие люди на нем расчехлили две трехдюймовые пушки. Ход пришлось застопорить. С подошедшей шлюпки на борт поднялись офицер с переводчиком и десяток солдат. Осмотрели все — трюмы, документы. Американского груза на пароходе не оказалось — в трюмах соленый лосось, поверху — россыпью мойва. Разрешили следовать дальше...» [30].

Ходовое время в общем бюджете времени сократилось против плана на 2,8 %, но одновременно повысилась средняя эксплуатационная скорость. При близкой к плановой продолжительности стоянок по метеопричинам, для технического обслуживания и бункеровок непроизводительные простои занимали 17,1 % общего бюджета времени.

Непроизводительное стояночное время за 1943 г. в судосутках показано в табл. 4.

Таблица 4

Пункты	Ожидание грузоопераций	Ожидание бункера	Аварии	Всего	В про- центах
Владивосток	179,1	105,4	—	284,5	48,0
Петропавловск	132,7	15,0	—	147,7	24,9
Загранпорты	13,1	2,5	6,4	22,0	3,7
Маго	10,3	—	0,1	10,4	1,8
Сахалин	5,0	4,3	1,5	10,8	1,8
Западная Камчатка	55,2	—	0,7	55,9	9,4
Восточная Камчатка	59,2	1,5	0,7	61,4	10,4
Всего:	454,6	118,7	9,4	592,7	100,0

Как видно из табл. 4, основные простои по-прежнему приходились на Владивостокский и Петропавловский порты и составляли 72,9 %. При работе на рыбокомбинатах в условиях обслуживания на открытых рейдах суда АКО потеряли из-за организационных недостатков вдвое меньше времени, нежели в оборудованных портах. Это, как гласит отчет о работе предприятия, «в первую очередь свидетельствует о хорошей работе рыбокомбинатов по обработке судов».

1943 г. закончился с прибылью в размере 11,23 млн руб., причем затраты по смете производства уменьшились на 1,626 млн руб., себестоимость перевозки одной тонны снизилась на 16,7 руб. При этом в качестве «неудовлетворительного момента» отмечалось, что на ремонт недоиспользованы 1,97 млн руб., что свидетельствовало о недостаточном проведении профилактических работ и способствовало увеличению износа судов и их механизмов.

Работа флота в 1943 г., впервые за все годы его существования, была признана хорошей. Правда, не удалось оборудовать материально-технический склад: решение этой задачи переносилось на следующий год. В 1944 г. требовалось также построить собственное хранилище горючего. Флот решил обратиться к руководству АКО с просьбой о выделении ему жилплощади, «необходимой для закрепления семей плавсостава, и способствовать его закреплению, произвести ремонт уже занятых семьями плавсостава жилых помещений...» В ближайший срок требовалось «организовать снабжение плавсостава и их семей предметами ширпотреба» через Облрыболовпотребсоюз [28, л. 136].

14 октября 1943 г. был подготовлен проект постановления обкома ВКП(б) и облисполкома «О занесении на областную Доску Почета передовиков рыбной промышленности»: «Утвердить представленных АКО флотом кандидатов: 1. Пароход, где капитаном Коломеец, политрук Петухов, перевыполнивший план третьего квартала на 147,5 %. 2. Пароход, где капитаном Бессмертный, политрук Овечкин — 145,1 %. 3. Пароход, где капитаном Дудник, политрук Румянцев — 141,3 %. 4. Танкер — 144,5 %» [22, л. 88].

Значимость АКОфлота для Камчатки постепенно росла. В полном объеме грузоперевозок для полуострова его доля в 1943 г. составила 57,1 %, в том числе 64,3 % по завозу и 41,6 % по вывозу рыбопродукции. Руководство флота не без оснований полагало, что «некоторое увеличение тоннажа АКО вместе с интенсификацией его работы могут разрешить задачу организации всего завоза на Камчатку исключительно судами АКО. В отношении вывоза рыбопродукции остается в силе необходимость активного привлечения судов других организаций, поскольку сезонный характер вывоза определяет неизбежность привлечения значительного тоннажа».

Доля АКОфлота в общем грузообороте Камчатки за 1943 г. показана в табл. 5 [28, л. 141].

Таблица 5

Грузы	Грузооборот, т	Доля АКОфлота, т	В процентах
Хлебные	13 400	5 236,2	39,1
Соль	58 000	27 134,6	46,1
Уголь	46 500	32 103,2	69,0
Лесоматериалы	17 300	11 734,5	67,8
Тара лесная	6 300	2 761,0	43,8
Тара консервная	5 700	5 226,2	91,7
Стройматериалы	2 900	2 894,0	99,8
Нефтепродукты	9 200	8 839,5	96,1
Метизы	4 700	3 457,7	72,3
Промтехснаряжение	5 700	3 920,0	68,8
Прод- и промтовары	9 800	8 826,2	90,0
Прочие	24 500	19 088,5	77,9
Итого:	204 000	131 221,6	64,3
Рыбопродукция	94 000	39 054,1	41,6
Всего:	298 000	170 275,7	57,1

АКОфлот почти полностью покрывал потребности полуострова в стройматериалах и нефтепродуктах и более чем на 90 % — в консервной таре и предметах потребления для населения. Остальное снабжение доставляли, в основном, суда ДВГМП.

Штат АКОфлота на 1943 г. был установлен в количестве 565 чел. (работали, в среднем, 570). «Руководящими кадрами пароходы, за исключением помполитов на пароходах “Коккинаки” и “Эскимос”, полностью укомплектованы... Несоответствие дипломов занимаемым должностям, в основном, не определяет низкого уровня работающих, а является результатом отсутствия в Петропавловском порту дипломной комиссии, которая могла бы обменивать дипломы по выслуге ценза» [29, л. 261].

31 декабря 1943 г. капитанами, политруками (помполитами) и председателями судовых комитетов, соответственно, состояли [28, л. 307]:

— на «Коккинаки» — Павел Александрович Глинский, политрука нет, Яков Фомич Муценко;

— на «Щорсе» — Петр Яковлевич Жуковский, Павел Иванович Мамонов, Дмитрий Николаевич Матюнин;
— на «Орочоне» — Григорий Акимович Барботько, Григорий Игнатьевич Худышкин, Иван Григорьевич Любченко;
— на «Максима Горьком» — Михаил Ефимович Зеленский, Василий Григорьевич Швецов, Нестор Назарович Балицкий;
— на «Чавыче» — Константин Федорович Квашинский, Иван Андреевич Поздняков, председателя судового комитета нет;
— на «Эскимосе» — Николай Петрович Колесников, политрука нет, Матвей Николаевич Дубовский.

Приведем несколько эпизодов, характеризующих работу флота в 1943 г.

На пароходе «Сима» к началу 1943 г. насчитывалось 11 стахановцев и 10 ударников. Во время переходов судовые вахты соревновались между собой. Победителями в борьбе кочегаров стали Д. Ф. Леонов и А. А. Чернышев, второе место заняли Н. А. Антонов, И. И. Флотов. Эти вахты лучше всех «держали» пар, позволяя машине развивать наибольшую мощность. «Необходимо отметить, что тов. Чернышев раньше считался почти самым плохим кочегаром. С ним никто не хотел стоять вахту», — отмечал в одном из донесений политрук судна. Заслуженным авторитетом в машине пользовался второй механик П. А. Ильяшенко, обеспечивавший отличную работу вверенных ему механизмов и добившийся экономии смазки на 20 %. Лучшими стахановцами на палубе являлись боцман Галкин и матрос Пухов.

Вот как описывается один из осенних рейсов «Симы» в официальном донесении: «С прибытием на западный берег мы обязались все грузовые работы на борту судна проводить своими силами. Весь судозкипаж разбили по бригадам и вызвали на соревнование Микояновский комбинат. В первый же день бригада штурманского ученика В. В. Наугольникова дала 160 % нормы, бригада плотника М. С. Устинова — 171 %. В дальнейшем бригада Устинова довела выработку до 273 %. Могли давать еще больше, но берег задерживал подачу кунгасов... Выгрузили своими силами 3 430 т за один этот рейс... В период рейса проводились занятия по программе “военного рыбака”. Что сами знали, то и рассказали своим людям. В сентябре основной упор брали на сигнализацию. В октябре военных занятий не проводили ввиду круглосуточной работы в трюмах. В рейсе провели подписку на денежно-вещевую лотерею. Сумма подписки 8 280 руб., что превышает 25 % месячного заработка. Отчислили на подарки бойцам на фронт 3 000 руб.» [13, л. 151—153].

2 июня 1943 г. «Сима», стоявшая на якоре в бухте Раковой на рейде жестянобаночной фабрики, подверглась удару стихии. Налетевшим шквалом ее сорвало с якоря и прижало левым бортом к отмели. На следующий день ветер стих, и при помощи заведенных с носа станового якоря и с кормы —

верпа, работой брашпиля и кормовой лебедки судно стянули с грунта. Повреждений оно не получило.

Во втором квартале 1943 г. по результатам Всесоюзного соцсоревнования «Сима» завоевала вторую премию, выполнив план по грузоперевозкам на 154 %, добившись экономии угля на 14,3 и смазки на 21 % [31, л. 222].

Ночью 12 февраля 1943 г. на рейде Олоторского комбината на «Эскимосе» при чистке топок в средней жаровой трубе правого котла обнаружили две трещины. О необходимости замены котлов на этом судне говорили еще в 1936 г. Пока же в качестве временной меры решили не допускать резких колебаний давления пара при чистке топок, для чего снабжать «Эскимос» хорошим углем и вести и тщательное наблюдение за трещинам [16, л. 75].

Утром 31 марта 1943 г. во время маневрирования в Авачинской губе на «Эскимосе» в правом котле заметили новые повреждения. На задней стенке огневой камеры толщиной 18 мм появились два сквозных коррозионных отверстия. Их заделали электронаплавкой. После гидравлических испытаний по требованию Регистра СССР давление в котлах снизили до девяти атмосфер. В результате заметно упала и без того невысокая скорость хода судна [32, л. 200].

В марте 1943 г. при крайне неблагоприятной погоде обезуглился и попал в критическое положение траулер Морлова «Гага». Пароход «Орочон» в сложной навигационной обстановке сумел подойти к траулеру и взять его на буксир. Несмотря на то, что трос неоднократно лопался, пароход благополучно прибуксировал траулер на рейд Озерновского комбината, где дал ему уголь для следования к месту назначения.

6 сентября 1943 г. начальник АКО распорядился выдать за эту работу капитану Г. А. Барботько месячный оклад, бывшему помполиту Слобожанину, бывшему старпому Глинскому, переведенным к этому времени на другие суда, и старшему механику Коробову по 75 % месячного оклада. Переданные Морловым 15 000 руб. предназначались для премирования других моряков «Орочона» [31, л. 60].

18 июля 1943 г. «Орочон», шедший с западного побережья Сахалина на Камчатку, в тумане сел на мель у берега мыса Ниси-Ноторо. Снимаясь своими средствами с мели, для уменьшения осадки с судна выбросили за борт 29 т товарного угля и откачали часть пресной воды. На следующий день пароход сошел с мели. Капитану Г. А. Барботько, «имеющему многолетний капитанский опыт, благодаря которому он не растерялся в сложной обстановке», объявили выговор [33, л. 147].

Весной 1943 г. прямой фарватер через бар реки Камчатки замыло песком, и он оказался непроходимым. В реке остался только неудобный боковой проход. Вечером 5 июля 1943 г. три катера выводили очередную сигару в море сквозь бар старого устья реки к «Анатолию Серову». При выходе из горла

реки передний буксир порвался, плот под действием течения реки носом врезался в прибрежную отмель. При стягивании лопнул и кормовой буксир. После этого плот навалило течением боковой частью на мель, где он рассыпался. Удалось спасти 410 кубометров пиломатериалов, остальные 710 «кубов» и большая часть такелажа погибли [33, л. 45].

В июле 1943 г. на пароходе прошли 11 занятий, охватившие всю команду. Зачеты по их итогам принимала военная комиссия: 19 на «отлично», 24 на «хорошо». Трое не сдали. Изучались дисциплинарный устав, сигнальное дело. Сыграли тревоги: три шлюпочных и одну противопожарную [22, л. 61].

3 августа 1943 г. «Анатолий Серов», возвращаясь из очередного рейса, взял в Усть-Камчатске большую сигару пиломатериала для доставки ее в Петропавловск. Из-за некачественного крепления плота и буксирного троса, допущенного работниками морской слотки усть-камчатской базы снабжения, в пути трос в месте его сращивания ослаб и разорвался. Потерянный плот во время дрейфа сильно деформировался. Его вторично взяли на буксир. Угрозу гибели предотвратили только благодаря энергичным мерам, принятым экипажем парохода. В операции отличились капитан А. И. Дудник, помполит В. П. Румянцев, старший механик Н. Р. Домра, старший помощник В. В. Боровский. Экипаж получил благодарность, капитан — месячный оклад в качестве премии и еще 5 000 руб. для поощрения команды [31, л. 91].

27 августа 1943 г. в Петропавловске при подъеме тяжеловесов — плавсредств — на борту парохода произошла авария стрелы, в результате которой погиб машинист Южанин [22, л. 82].

Осенью 1943 г. моряки «Анатолия Серова» сдали в фонд строительства авиаэскадрильи 5 549 руб., приобрели облигаций госзайма на 26 780 руб. и собрали 1 226 руб. «на посылку бойцу Иванову, поддерживающему постоянную связь с нашим экипажем». Кроме этого, еще 30 000 руб. они внесли на постройку танковой колонны «Камчатский рыбак» [22, л. 72].

29 апреля 1943 г. «Ительмен» под командованием старшего помощника капитана штурмана малого плавания В. В. Боровского производил перешвартовку во Владивостокском порту при помощи маломощного катера «Передовик». Пароход поздно отдал якорь, в силу чего навалился на стоявшую у причала железную баржу. Убытки от повреждений парохода и баржи оценили в 8 000 руб. «Учитывая прошлую хорошую работу т. Боровского... объявить строгий выговор. Убыток принять на счет АКОфлота» [31, л. 93].

Лесовоз «Коккинаки» с 11 июля по 9 августа 1943 г. оказывал помощь терпящему бедствие пароходу ДВГМП «Херсон», спас находившийся на нем груз и доставил его во Владивосток. На аварийные работы затратили 639 часов. Согласно Кодекса торгового мореплавания, пароход имел право на вознаграждение. 14 января 1944 г. Приморский краевой суд определил, что ДВГМП должно выплатить АКОфлоту за спасение «Херсона» 275 820 руб.: «АКОфлотом проведены значительные работы с риском для своего судна

и спасено 2 239 т государственного груза». Приказом по управлению Морфлота № 377 от 9 августа 1943 г. месячным окладом был премирован капитан П. А. Глинский, а также весь экипаж. Сумма месячного оклада экипажа составила 24 817 руб. [28, л. 99—100].

Утром 14 декабря 1943 г. на рейде Колпаковского рыбокомбината во время съемки «Якута» с якоря при переменном ветре и волнении развалилась на куски правая звездочка брашпиля [33, л. 2].

По итогам Всесоюзного социалистического соревнования НКРП СССР премии за работу в первом квартале 1943 г. получил экипаж «Ительмена», во втором квартале — «Симы» и «Ительмена», в третьем — «Чапаева» и «Максима Горького» и в четвертом — «Коккинаки» [29, л. 262].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 августа 1943 г. «за образцовое выполнение заданий Правительства по снабжению Красной Армии и специальных заданий командования Красной Армии» орденом «Красная Звезда» наградили старшего механика парохода «Эскимос» Петра Карповича Кривошея [34, л. 6]. Боцман «Симы» П. М. Иванченко получил медаль «За трудовое отличие».

В течение 1944 г. количество судов АКОфлота выросло до четырнадцати. В состав предприятия вошли три парохода общей полезной грузоподъемностью в 9 219 т: «Терек» (3 896 т), «Кура» (3 093 т), «Шелонь» (2 230 т). Первое судно приняли 9 марта, второе — 16 марта, третье — в мае. Ранее они принадлежали ДВГМП.

«Куру» получили в аварийном состоянии, требующем немедленного ремонта, в результате чего ее эксплуатация началась только с 15 июня 1944 г. Штатное расписание экипажа парохода включало 45 чел. [35, л. 44]. «Терек» и «Шелонь», хотя и были значительно изношены, сразу же вышли в плавание. 20 октября 1944 г. «в соответствии с паспортными данными и наличием постоянного перевоза пассажиров» «Терек» и «Кура» приравнивались к судам пятой группы.

С учетом пополнения общий тоннаж АКОфлота составил 41 449 т полезной грузоподъемности против 33 230 т на начало года. Но фактически прирост оказался меньше указанного на 2 230 т, так как пароход «Шелонь» в первом же рейсе по Приморью с грузом принятой рыбопродукции потерпел серьезную аварию.

АКОфлот принял «Шелонь» (длина 76,75, ширина 14,35, высота 7,38, осадка с грузом 6,42 м; построен в 1918 г., дедвейт 3 530, мощность машины 1 200 л.с., два огнетрубных оборотных котла с поверхностью нагрева по 186 кв. м) 26 мая 1944 г. на основании совместного приказа по НКРП и НКМФ СССР № 82/153 от 29 февраля 1944 г.

Еще 31 апреля 1944 г. приказом по НКРП № 13321 пароход предоставили Главвостокрыбпрому на один рейс по Приморской линии. В ходе его вы-

полнения, 9 июля 1944 г. судно налетело на рифы б. Гроссевич и после длительной спасательной операции, обошедшейся АКОфлоту в 329 660 руб., было доставлено в Советскую Гавань на буксире. Здесь пароход пришлось затопить «ввиду невозможности поддержать его плавучесть».

Затем «Шелонь» подняли и ввели в док, где осматривали с 19 по 27 октября 1944 г. Из-за больших повреждений пароходу требовался очень серьезный ремонт. Его вывели из дока и снова притопили. Решение Государственного Комитета Оборона от 28 января 1945 г. обязывало совгаванский завод № 1 продоковать «Шелонь» в первом полугодии 1945 г., что не было выполнено. Завод объяснял это отсутствием ремонтных материалов. Предприятие предложило временно заварить большие пробоины и зацементировать места течи для того, чтобы судно можно было отбуксировать в Петропавловск для ремонта. Впрочем, и этого не сделали. Руководство АКОфлота полагало, что совгаванский завод не хочет связываться со сложным ремонтом этого сильно разрушенного судна [29, л. 250].

Итак, «Шелонь» с 9 июля 1944 г. до конца года выбыла из действующего состава флота и, как позже оказалось, навсегда. До конца 1944 г. работали 13 судов с суммарной грузоподъемностью 39 219 т.

НКРП СССР установил АКОфлоту плановое задание из расчета наличия у него на 1 января 1944 г. 11 судов. Изменение судового состава на плановые цифры не повлияло: нахождение в США на ремонте «Якута» и «Эскимоса», авария «Шелони» оставили возможности предприятия на прежнем уровне.

Вот как выглядело рейсовое расписание (табл. 6) и бюджет времени парохода «Эскимос» на 1944 г. (табл. 7) [35, л. 23].

Таблица 6

Направление рейса	Время рейса	Груз, т	Пробег, миль	Использование вместимости
Петропавловск — США	2.01—20.06	—	—	—
США — Владивосток	21.06—9.08	Генгруз, 3 200	4 500	0,941
Владивосток — Западная Камчатка	10.08—8.09	Лес, 2 600	1 200	0,765
Западная Камчатка — Владивосток	9.09—12.10	Разный, 3 200	1 700	0,941
Владивосток — Восточная Камчатка	21.11—30.12	Рыба, 3 000	1 600	0,882
Всего:	5	15 000	10 350	0,833

Выдержать это расписание «Эскимосу» не удалось, в первую очередь, из-за значительной задержки в ремонте в США. Фактически пароход перевез 7 024 т, то есть половину запланированного.

Трансфинплан АКОфлота на 1944 г. был утвержден приказом по управлению общества № 209 от 18 мая 1944 г. в объеме 170 500 т и 268,5 тыс. тонномиль. «Считать участвующими на 1944 г. 11 транспортных судов с общей

грузоподъемностью 33 230 т». Средняя себестоимость суток эксплуатации определялась в 8 792, тонны груза — в 165,6 руб. Среднегодовой списочный состав должен был составить 609 чел. с фондом зарплаты 7 295 тыс. руб. Штат управления определялся в 28, морского агентства — в 14 чел. Предприятие намеревалось получить прибыль в размере 5 805 тыс. руб., в том числе и по сельскому хозяйству [35, л. 1—2].

Таблица 7

Направление	Бюджет времени, сутки						
	на ходу	ППР	бункер	метео	прочие	ремонт	всего
Петропавловск — США	25		3		4	140	172
США — Владивосток	30	14	3	—	3	—	50
Владивосток — Западная Камчатка	7	12	3	5	3	—	30
Западная Камчатка — Владивосток	8	14	—	10	2	—	34
Владивосток — Восточная Камчатка	12	14	3	8	2	—	39
Всего:	69	70	12	33	16	140	365

Грузовой план 1944 г. АКОФлот выполнил на 110,8 % (фактически суда перевезли 181 092,8 т и 7 864 чел.), по тонно-милям — на 103,1 %. Но невыполнения достигли за счет эксплуатации переданных пароходов НКМФ, не учтенных в плане.

Непроизводительные простои в 1944 г. составили 932 суток, из них 634 — под грузооперациями, 272 — под бункеровкой и 26 — от аварий. Среднесписочное число персонала выросло до 710 против 609 чел. по плану за счет моряков новых судов, а также из-за экспедиции, организованной для снятия оборудования с парохода «Большой Шантар», разбившегося на скалах Командорских островов рядом с лежбищами котиков (валютным товаром, которым расплачивались за поставки техники и продовольствия в СССР из США и Канады). Это повлекло перерасход зарплаты на 520 000 руб. Экспедиция для спасения ценного имущества «Большого Шантара» отправилась в июне 1944 г., ее состав насчитывал 40 чел. во главе с механиком отдела флота АКО П. И. Александровым.

Сельскохозяйственная ферма работала неудовлетворительно. Невыполнение плана надоя молока и крайне низкая урожайность основных культур резко повысили себестоимость продукции, в результате чего предприятие понесло сверхплановые убытки в размере 146 тыс. руб. Не удалось ему справиться и с программой строительства.

На основании таких итогов 29 марта 1945 г. начальник АКО признал деятельность АКОФлота в 1944 г. удовлетворительной [36, л. 1].

Выполнение плана 1944 г. отдельными судами показано в табл. 8.

Таблица 8

Судно	Грузоперевозки, т			Пассажиры
	план	факт	% выполн.	
«Орочон»	18 200	19 395,3	107,8	213
«Ительмен»	19 000	21 306,0	114,6	458
«Сима»	16 300	21 065,3	132,4	516
«Чавыча»	21 500	18 718,1	91,1	957
«Эскимос»	15 000	7 024,0	50,0	484
«Якут»	11 900	7 473,0	65,7	346
«Чапасв»	17 600	17 839,9	111,1	1 713
«Щорс»	18 900	14 477,8	89,2	662
«А. Серов»	12 500	14 425,0	127,9	1 569
«Коккинаки»	12 300	13 426,4	110,8	204
«М. Горький»	8 000	5 026,4	62,9	3
«Кура»	—	8 317,5	—	96
«Терек»	—	8 165,1	—	642
«Шелонь»	—	4 433,0	—	—
Всего:	170 500	181 092,8	110,8	7 864

В 1944 г. флот действовал в исключительно неблагоприятных метеоусловиях. Зима оказалась суровой и затяжной, сопровождавшейся тяжелой ледовой обстановкой в проливе Лаперуза. Сангарский и Цусимский проливы были закрыты для прохода судов японцами. Льды в проливе Лаперуза потребовали организации ледокольной проводки, которая проходила со значительными перебоями, вызывавшими простои. За первое полугодие только два судна потеряли на ожидание включения в караван во Владивостоке 77,5, а три парохода в Петропавловске — 113 суток. Простои во льдах в самом проливе составили еще 60 суток. Форсируя льды, «Ительмен», «Щорс», «Коккинаки» и «Чавыча» получили пробоины и повредили гребные винты. Именно в проливе Лаперуза «Кура», принадлежавшая тогда НКМФ, была повреждена, что потребовало длительной постановки ее в док.

Ожидая включения в караваны для прохождения через пролив, суда потеряли в общей сложности свыше 190 суток и дополнительно еще 60 суток собственно под проводкой. Учитывая среднюю продолжительность рейса в 40 суток, за все потерянное по независящим от него причинам время флот мог бы дополнительно перевезти 72 500 т груза [36, л. 8].

За год планировалось выполнить 72 рейса с грузом и 30 в балласте, на деле их сделали, соответственно, 67 и 17. Средняя оборачиваемость в рейсе с грузом вместо 36 суток составила 55, но коэффициент использования грузоподъемности увеличился с 0,83 до 0,911, то есть почти на 10 %.

План не выполнили «Чавыча», «Щорс» и «Максим Горький» ввиду того, что были вынуждены сделать меньшее количество плаваний с грузом, чем было предусмотрено. «Эскимос» перестоял за границей 196 суток, «Якут» — завершил ремонт на 26 дней позже ожидаемого.

Комбинаты камчатского побережья задерживали суда под грузовыми операциями, за что им были предъявлены штрафы на 2 778 тыс. руб. за 274 суток простоя. Наряду с этим, часть предприятий обрабатывала пароходы досрочно, сэкономив 16,5 суток и получив вместе с экипажами 121 200 руб. премии [36, л. 14].

Общий грузооборот «системы» АКО за 1944 г. составил 348 тыс. т, в том числе завоз — 228 тыс. т. Участие АКОфлота в этой работе выразилось следующими цифрами: по завозу 69,2, по вывозу рыбопродукции — 27 %. Последняя, достаточно низкая, цифра свидетельствовала о необеспеченности Камчатки собственным тоннажем. Это ежегодно ставило ее рыбопромышленные предприятия в зависимость от свободного тоннажа НКМФ и Главвостокрыбпрома. В результате по состоянию на 1 января 1945 г. из улова 1944 г. осталось не вывезено 14,3 тыс. т тарированной продукции, 35,3 тыс. т соленой рыбы «россыпью» (из за отсутствия тары), 158 тыс. ящиков консервов общим весом свыше 5 тыс. т [29, л. 18].

Опыт прошлых лет показывал, что рассчитывать на привлечение необходимого тоннажа было нельзя. Все это говорило о необходимости устранения диспропорции между возрастающим год от года грузооборотом и стабильной грузоподъемностью АКОфлота.

В конце сентября 1944 г. начальника АКОфлота А. Я. Каменецкого отозвали в распоряжение НКРП СССР. Исполнять его обязанности стал Аркадий Захарович Матусевич [37, л. 24]. Увеличение количества подведомственных судов до 14, по мнению Матусевича, требовало расширения аппарата управления. Судомеханическая служба нуждалась в главном инженере, инженересудоремонтнике и теплотехнике «для организации всеохватывающего обслуживания технической помощью». Для проведения текущего инструктажа судовых механиков требовался групповой специалист. Выполнением расчетов, разработкой эскизов, чертежей и проведением паспортизации судов следовало заняться инженеру-конструктору.

Учетом личного состава флота и работой с ним занимался всего один работник — инспектор по кадрам. Если в начале 1944 г. в АКОфлоте трудилось 608 чел., то к концу года в связи с получением трех судов со 135 чел. экипажа и принятием для обучения 90 юнг общее количество персонала достигло 833 чел., то есть увеличилось более чем на треть. Отделу кадров требовалось не менее двух сотрудников (начальник и ответственный исполнитель). АКОфлот также нуждался в организации при механических мастерских АКО в Петропавловске специальной ремонтной группы по обслуживанию точной механики (секстанов, компасов, барометров, эхолотов, биноклей, лагов) [38, л. 38].

5 июня 1944 г. была утверждена программа испытаний энергетических установок судов, разработанная теплотехником Березкиным. В результате

испытаний котлов и паровых машин должны были находиться их КПД, определяться способы уменьшения потерь тепла, составляться тепловые балансы и на этой основе устанавливаться нормы расхода топлива [35, л. 99]. Введение теплотехнической работы дало результаты: за 1944 г. флоту удалось сэкономить 2 322,7 т угля 446,5 т жидкого топлива (6,9 и 7,7 % к нормам соответственно).

3 июня 1944 г. начальник УВФ АКО утвердил 10 должностей штатных помощников по военно-морской подготовке с месячным окладом 1 200 руб. По одной такой должности вводилось также в Петропавловском порту, Морлове и наиболее крупных рыбокомбинатах. Они не регистрировались и финансировались за счет сметы производства [38, л. 49].

Проводимые мероприятия по военно-морской подготовке на ряде судов дали неплохие результаты. Осенью 1944 г. отмечались пароходы «Якут» (капитан П. Д. Киселев) и «Кура» (капитан И. Д. Кадет). П. Д. Киселеву и командиру БЧ-2 «Якута» второму помощника капитана Князеву за хорошее состояние вооружения и подготовку артиллерийских расчетов были объявлены благодарности. «За образцовое содержание вверенного вооружения и освоение его» поощрили и командира автоматической 20-миллиметровой зенитной пушки «Эрликон» машиниста 1-го класса Королькова.

Впрочем, так было не на всех пароходах. В июле 1944 г. прошла проверка состояния вооружения и боезапаса на «Орочоне». На нем стояли универсальная автоматическая американская трехдвоймовая пушка со стволом длиной 50 калибров и пулеметы «Браунинг». Выяснилось, что за вооружением не следили. В момент проверки пушка была неисправна, у пулеметов сломаны зенитные прицелы, «матчасть всего вооружения грязная, покрыта ржавчиной; кранцы первых выстрелов не заполнены боезапасом, боезапас не смазан; запчасти вооружения находятся в арсенальной смазке и к немедленному использованию непригодны».

За плохое содержание вооружения и боезапаса командир БЧ-2 второй помощник капитана Н. А. Бурлуцкий получил арест «при каюте на пять суток с исполнением служебных обязанностей». Политруку Г. И. Худышкину, как не обеспечившему контроль за состоянием вооружения, объявлен строгий выговор, капитану Г. А. Барботько «поставлено на вид» [39, л. 18].

Еще одна проверка состоялась в октябре 1944 г. Она показала, что командный состав «Терека» (капитан Б. Н. Соколов) и «Анатолия Серова» (капитан П. Н. Козлов) «не следят за состоянием вооружения их судов, не занимаются боевой подготовкой расчетов, сами не изучают оружие... В результате этого матчасть покрыта ржавчиной, грязная, расчеты не знают обслуживаемой ими матчасти и не умеют использовать ее для самозащиты судна».

Капитану «Терека» Б. Н. Соколову и командиру БЧ-2 второму помощнику капитана Е. И. Скаврунскому были объявлены выговоры. Капитана «Анатолия Серова» П. Н. Козлова отстранили от командования судном, правда, по

другой причине. Командир БЧ-2 «Серова» И. И. Баклаг за «невыполнение неоднократных указаний фланганского артиллериста и флагманского минера об организации боевых постов, содержания матчасти вооружения в порядке и боевой готовности, отсутствие занятий с расчетами» арестовывался «при каюте на пять суток» [37, л. 32].

Отчеты о боевой подготовке на судах и в береговых дивизионах за третий квартал 1944 г. свидетельствовали о том, что ею занимались слабо. «Командиры... видимо, забыли, что рыбная промышленность Камчатки, работая в военное время, должна быть готова выполнять государственное задание в условиях воздействия на нее противником. К этому не готовятся. Подыскивают всякие причины, якобы оправдывающие их бездеятельность в важнейшем государственном деле». Не представили отчеты пароходы «Анатолий Серов», «Чавыча», «Орочон», «Сима», «Терек», все траулеры. Капитан лесовоза «Коккинаки» А. А. Гринько отчитался лаконично: «Боевой подготовкой не занимались» [37, л. 27].

Но винить моряков в нерадивом исполнении службы не приходится: нагрузка на них, несших вахты, почти непрерывно занимавшихся саморемонтом, дабы обеспечить возможность дальнейшей эксплуатации судов, работавших на выгрузке, была очень высока, находясь на пределе физических возможностей. Как указывалось в одном из документов, «экипаж единодушно принимает участие во всех работах по текущему ремонту, в погрузо-разгрузочных работах, не считаясь со временем».

В течение 1944 г. руководящий состав УВФ Камчатского бассейна и командный состав судов получил материал для пошивки форменного обмундирования. К тому же большинство судов побывало в заграничных, перед которыми моряков также снабдили форменным обмундированием. НКРП СССР приказом № 1330/15 от 15 сентября 1944 г. требовал от комсостава судов АКО в заграничных находится только в форме.

Отмечая, что отдельные лица продолжали являться на службу одетыми не по форме, 31 октября 1944 г. начальник АКО распорядился: «1. Комсоставу УВФ бассейна и судов в служебное время быть в форменном обмундировании (туужурка при белой сорочке, черный галстук или китель, черные или темно-синие брюки). 2. Капитанам и помполитам судов при нахождении в заграничных портах отпускать личный состав после проверки формы одежды увольняемого. 3. Начальникам отделов УВФ, начальникам АКОФлота и Морлова взять себе за правило не принимать без формы одежды» [37, л. 33].

Вот что вспоминал ветеран флота Т. М. Кривоногов, начавший работать на судах АКО весной 1945 г.: «В здании обкома партии состоялось общешлотское собрание. Как и положено, собрались плавсостав и работники управления АКОФлота. Меня поразила одежда моряков, особенно с учетом того, что

люди в то время одевались очень просто. На улицах преобладали военные шинели и желтые американские ботинки с подковами и кожаными шнурками. Но эти, находившиеся в зале, люди просто поражали своим величием.

Надо сказать, что наши моряки, приходившие в начале войны в американские порты, отличались более чем скромным видом. Естественно, что долго с этим мириться было нельзя. Группа заслуженных капитанов — таких как А. И. Щетинина — обратилась к властям с просьбой одеть и обуть наших моряков подобающим образом... Людей снабдили всем необходимым.

Комсоставу, например, полагались бостоновый макинтош и прекрасный костюм черного или темно-синего цвета, с красивыми анодированными пуговицами и желтыми галунами на рукавах. Кроме них выдавались две сорочки: белая и цвета хаки, а также мичманка с двумя чехлами, белый шерстяной шарф, черный галстук, пара белья, выходные и рабочие ботинки, кожаные и вязаные перчатки. Полагалась и меховая куртка — «канадка», а кожанка приобреталась за свой счет. Портные подогнали форменную одежду каждому моряку по фигуре. Красиво одевалась и судовая команда, правда, немного попроще. Помимо этого, в американских портах была установлена усиленная норма питания...»

На 1944 г. НКРП СССР наметил весь капитальный и текущий ремонт судов АКОфлота на общую сумму 17 250 тыс. руб. провести в США. ПСРВ должна была использоваться только как база для междуреисового обслуживания и производства запчастей. Принятую стратегию выдержали: в 1944—1945 гг. в США отправились семь судов для крупного ремонта продолжительностью в 60—75 суток и два — на текущий.

Перед направлением судов в США их команды подвергались тщательной проверке «соответствующими органами». Этот контроль зачастую отсеивал квалифицированных моряков, личности которых по различным причинам были неуютны властям. «Имеются такие суда, на которых во внешние рейсы допускаются не свыше десяти человек из числа команды», — сообщало в одном из отчетов руководство АКОфлота. Зато на пароходы приходили так называемые «американцы» — случайные люди, поступившие с единственной целью — попасть за границу. Как правило, моряками они не были и для работы на флоте оказывались непригодными. Так, на «Симу» кочегаром устроился учитель одной из петропавловских школ. Слабое здоровье не позволило ему нести тяжелую вахту у котлов, превратив в обузу для экипажа.

10 марта 1944 г. управление АКО секретным приказом № 05 предписало капитанам не принимать на суда радистов без специального разрешения на это органов госбезопасности. В качестве нарушителя имевшихся инструкций назывался капитан «Щорса» П. Я. Жуковский, который в октябре 1943 г. взял практиканта-радиста Карпенко. Теперь виновным в нарушении приказа грозила уголовная ответственность [37, л. 8].

Межрейсовый и аварийный ремонт судов проводился на ПСРВ. Он отличался длительностью и дороговизной и, как правило, полностью не выполнялся, в основном, из-за недостатка необходимых материалов. Это способствовало преждевременному износу пароходов. В 1944 г. только одну «Чавычу» отремонтировали быстро. Несмотря на отсутствие других баз и целевое назначение ПСРВ на обслуживание судов НКРП, АКОфлот правом преимущественного ремонта на ней не обладал. Ремонт во Владивостоке для него был невозможен, так как на имевшихся здесь предприятиях НКРП обслуживание камчатских судов не планировалось и даже прямо запрещалось (например, зимой 1943—1944 гг. для «Ительмена», «Коккинаки» и «Чавычи»). В результате все необходимые минимальные работы пароходы получали только в Петропавловске [10, л. 61—62]. Такое положение заставило всячески поощрять саморемонт. На всех судах (за исключением лесовоза «Коккинаки») были организованы мастерские, оборудованные токарными и сверлильными станками.

В условиях недостаточного технического обслуживания и необходимости активного саморемонта особое значение приобрел вопрос подбора, укомплектования и выдвижения судовых механиков. В течение 1944 г. на «Эскимосе», «Чапаеве», «Тереке» и «Анатолии Серове» вторые механики были выдвинуты в старшие. Кадры, в целом, оказались на должной высоте. Проведенная в 1944 г. аттестация «подтвердила наличие достаточно высокого уровня технически грамотных механиков. По отдельным судам со значительно изношенными механизмами (“Коккинаки”, “Эскимос”, Максим Горький”, “Щорс”), плавание становится возможным только благодаря высокой грамотности, сознательности и самоотверженности машинных команд».

Если состав механиков сохранял стабильность, то большая текучесть наблюдалась у кочегаров и машинистов. «В известной мере эта текучесть является результатом предварительного отбора при эпизодическом уходе судов в заграничье» [10, л. 77]. И все же признавалось, что «укомплектованность судов дипломированными механиками недостаточная. Наши кадры механиков в основном грамотные. Ряд молодых механиков выдвинут на должности механиков и с работой справляются». Со штурманским составом (за исключением капитанов) проблем было больше: «в большинстве технически неграмотные люди, умеющие только прокладывать курсы. Крайне плохо отражается на работе судов частая переброска механиков и особенно штурманов» [39, л. 30].

А вот как обстояло в 1944 г. дело с дисциплиной. С 1 января по 1 ноября 1944 г., то есть за десять месяцев, было совершено 104 проступка (три самовольных ухода, пять опозданий, девять прогулов, 14 случаев небрежного отношения к работе, 16 появлений в нетрезвом виде, 57 нарушений правил внутреннего распорядка). За эти нарушения четыре командира были пони-

жены в должности (переведены в матросы, машинисты и кочегары), наложены 24 ареста, в том числе семь «строгих», 14 чел. привлечены к суду, 19 чел. оставлены «без берега», то есть лишены увольнений, объявлены 43 выговора, в том числе 21 «строгий».

В течение в 1944 г. в АКОфлот пришли 153, перемещено в должностях 132, исключено 133 чел. (в том числе один умерший и пять осужденных) [39, л. 4—5].

1 июня 1944 г. на основании постановления Государственного Комитета Обороны от 18 января 1944 г. и приказа НКРП СССР от 26 февраля 1944 г. № 146 начальник АКО распорядился «в целях воспитания и подготовки кадров квалифицированных моряков-рыбаков для системы АКО путем практического обучения непосредственно на судах» ввести на судах АКОфлота и Морлова институт юнг. Таким способом в будущем можно было покрыть кадровый голод и привлечь к работе на судах не случайных людей, а хорошо подготовленных морально и технически. «Нам нужно, чтобы советская молодежь, наш народ привыкли к морю, любили его, знали его. Это имеет большое значение для поднятия мощи советской страны», — говорил А. И. Микоян, «лучший друг Камчатки», как его называли в то время.

В число юнг зачислялись несовершеннолетние подростки, отцы которых большей частью служили в армии или уже погибли в боях с фашистами. Юнг следовало обеспечить флотским обмундированием по нормам НКРП, для чего в течение июня и июля нужно было организовать его пошивку из материалов, имевшихся в наличии.

С 10 июня начальникам АКОфлота и Морлова следовало приступить к приему ребят в соответствии с «Положением о юнгах — юных рыбаках на судах флота Наркомрыбпрома СССР». Они же должны были обратить особое внимание «на подбор лиц, которым на судах и учебных сборах будет доверено воспитание и обучение юнг». Первоначально количество юных моряков устанавливалось равным: для АКОфлота — 30 палубных и 30 машинных, для Морлова — 12 палубных и шесть машинных, всего 78 чел. [38, л. 50—51].

По состоянию на 1 декабря 1944 г. на 13 пароходах АКОфлота находились 73 юнги: «Максим Горький» — один, «Коккинаки», «Чавыча», «Чапаев» и «Эскимос» — по два, «Кура» — четыре, «Терек» и «Щорс» — по пять, «Сима» — шесть, «Орочон» — девять, «Якут» и «Ительмен» — по десять. Больше всех юных моряков — 21 — пребывало на «Анатолии Серове» [10, л. 70].

В течение 1944 г. имелся ряд происшествий на судах, обошедшихся, к счастью, без человеческих жертв и больших материальных потерь. 21 марта в семь часов утра на «Щорсе», стоявшем в Ковше рыбного порта на якорю и швартовах в группе пяти судов АКОфлота, в котельном отделении под правым котлом загорелось подтекавшее топливо. Вахта быстро приступила к ту-

шении, одновременно старший помощник капитана «Щорса» Б. Н. Соколов отправил посыльного за помощью на «Симу». Дым, идущий из надстройки «Щорса», заметил вахтенный матрос «Анатолия Серова» Саламатин. «Принятыми мерами вахтенных: кочегара, машиниста и сбежавшимися командами с огнетушителями стоявших рядом пароходов “Эскимос”, “Сима”, “Серов” была полностью затухшена в 7.26. Материального ущерба не имеется».

На будущее главному инженеру АКОфлота предписывалось разработать инструкцию для машинных команд судов, сжигавших жидкое топливо, «о режиме работы отдельных топков и о переходе с одной топки на другую при стоянках судов в портах» [40, л. 185].

В ночь с 24 на 25 июля «по причине конструктивного недостатка в буксирном устройстве» был потерян в море новый корпус кавасаки без мотора, шедшей на буксире «Анатолия Серова» из Усть-Камчатска в Олюторский залив.

Ночью же с 15 на 16 сентября «Орочон» с сигарой на буксире проходил Первый Курильский пролив. При выходе в Тихий океан сигара начала разрушаться при относительно хорошей погоде. Разрушение продолжалось до прибытия в Авачинскую губу. В итоге потеряли 989 куб. м круглого леса и часть такелажа. Вины в этом экипажа не было, убытки в размере 93 237 руб. отнесли на счет Сахалинского Погранкомбината, плохо скрепившего сигару. Во избежания повторения подобных происшествий, капитанам судов предписывалось получать от лесокOMBINATОВ схемы сборки и крепления плотов, а также инструкции по их буксировке и «сбережению в море». Плоты следовало выводить к судам обязательно в присутствии представителя их администраций [41, л. 56].

Вечером 25 сентября на «Ительмене», находившемся в районе Усть-Камчатска, обнаружили течь сварного шва надводной части левого борта, который в момент удара волны пропускал воду. Трещина с усилением волнения до семи баллов начала раскрываться, течь через нее усиливалась. Не имея возможности из-за большого волнения производить грузовые операции, капитан Войтенко не рискнул продолжать рейс и направился в Петропавловск для ликвидации трещины. В порту выяснилось, что металл борта в районе повреждения износился до половины первоначальной толщины. Восстановление работоспособности судна стоило 5 049 руб. [41, л. 3].

В 1945 г. АКОфлот пополнился новым судном. Им стал буксир «Кашалот», спущенный на воду в конце 1944 г. в США, в Портленде. В Петропавловск в счет ленд-лиза его в марте 1945 г. перегнал капитан К. К. Берг. В 1944 г. он привел в Портленд на ремонт «Эскимос». Во время стоянки произошло чрезвычайное и весьма опасное по тем временам для руководителей происшествие: судно покинул кочегар. К. К. Берга сняли с командования «Эскимосом» и направили на идущий в Петропавловск «Кашалот».

7 февраля 1945 г. заместитель начальника АКО П. М. Макштас распорядился: «1. Приобретенный в США буксирный деревянный катер “Кашалот” с 12 ноября 1944 г., дня поднятия на нем флага СССР, считать в составе судов морского транспортного флота АКО с отнесением к категории судов восьмой группы морских буксиров и числить в системе судов АКОфлота. 2. Приемку б/к “Кашалот” комиссией, назначенной приказами по АКО № 516 от 9.12 и № 585 от 25.12.1944 г., начатую 12 января с. г., со дня прибытия судна в Петропавловский порт, считать законченной 27 января 1945 г. Материалы приемки утвердить. 3. При ледовых условиях работу б/к не производить, установив его нахождение в Петропавловском порту, и на период зимней навигации законсервировать, оставив на судне экипаж 11 чел.» [42, л. 92].

Буксир имел прочный деревянный корпус, машину мощностью 1 000 л. с., водотрубный паровой котел системы «Бабкок-Вилькокс», работавший на угле. Вот что вспоминал работавший на «Кашалоте» в 1945 г. Т. М. Кривоногов: «Поражало на этом судне, полученном из новостроя, снабжение: имелся тройной комплект белья, шерстяных одеял, много спецодежды, большой запас краски, столярных и плотницких инструментов, посуды и камбузного имущества. Покрашенный шаровой краской буксир смотрелся внушительно. Но поскольку война уже приближалась к концу, на него не установили никакого вооружения».

Потребность в хорошем и мощном буксире у АКОфлота была основательная. В начале лета 1945 г. «Кашалот» начал выполнять рейсы в Усть-Камчатск. Оттуда он буксировал плоты-сигары, катера и кунгасы, собранные на местном сплаве и на Ключевском лесокомбинате. Кроме этого, буксир всегда вел две баржи грузоподъемностью по 250 т. На ботдеке размещали пассажиров. Теперь судном командовал Г. Т. Ленский, старшим механиком трудился В. А. Васильев.

17 мая 1945 г. была определена стоимость суток эксплуатации буксира при транспортировке судов, барж, кунгасов, а также при перевозке грузов, кроме буксировки лесоматериалов в плотях, составившая 7 880 руб. [43, л. 127].

Летом 1945 г. «Кашалот» отправился в экспериментальный рейс. Вот что свидетельствует об этом приказ начальника АКО № 306 от 16 июля 1945 г.: «Для доставки такелажа для морсплотки в порт Маго, доставки рыбобпродукции в г. Комсомольск... направить в рейс в г. Комсомольск-на-Амуре буксир “Кашалот” с двумя баржами (по 200 т). Для проверки возможности прохода транспортов с баржами из Петропавловска в порты Маго, Николаевск-на-Амуре и Комсомольск-на-Амуре командировать заместителя начальника Петропавловского порта тов. Херсонского А. С...» [43, л. 268].

А вот что рассказывал об этом плавании Т. М. Кривоногов: «В августе 1945 г. буксир получил задание доставить в Комсомольск-на-Амуре две баржи с рыбой, предназначенной для питания рабочих авиационного завода.

Рыбу закупили под руководством направленного для этой цели инженера завода Шведова.

Когда “Кашалот” проходил Первый Курильский пролив, мы узнали о том, что Японии объявлена война. Возвратиться в Петропавловск уже не было возможности, и капитан Григорий Трофимович Ленский повел судно не в Магадан, как гласило указание руководства флота, а в устье Амура. Риск, конечно, был велик. Но японцы, к нашему счастью, активных действий не предпринимали, что позволило нам благополучно завершить рейс. Пришли мы в Комсомольск-на-Амуре, встали к пристани Дземги.

Рейс, конечно, был необычный, и по приходе буксира на борт прибыл корреспондент местной газеты. Он, красочно описал весь переход и сделал отличные фотографии буксира и капитана Ленского. Упомянули в газете и членов экипажа. Буксир на фотографии выглядел внушительно. Фактически так оно и было. Все на нем блестело, как и положено на новом судне. Поскольку морские суда в речной порт приходят нечасто, возле борта на пристани собирались люди. Кроме молодежи, подходили и прошедшие горнило войны фронтовики.

Война с Японией была скоротечной, и вскоре, 3 сентября, мы уже праздновали победу».

Трансфинплан АКОфлота на 1945 г. был утвержден приказом по АКО № 160 от 4 апреля 1945 г. со следующими показателями: 354 480 тыс. тонно-миль, 200 000 т груза, буксировка плотов-сигар общим объемом 7 000 куб. м, объем транспортных услуг (фрахт) — 36 779 тыс. руб. «Считать на 1945 г. участвующими в грузоперевозках транспортный флот в количестве 13 судов общей грузоподъемностью 38 770 т и один буксирный катер “Кашалот”». Четырнадцатый транспорт — «Шелонь» — был выведен из эксплуатации. «Кашалот», имевший деревянный корпус, зимой не работал (по прибытии в Петропавловск во время зимней стоянки 28 марта во время проворачивания главной машины при помощи ручного валоповоротного устройства отломилась часть фланца его станины. Фланец сломался по месту некачественной сварки, которую во время приемки судна в США не обнаружили под слоем краски. 31 марта 1945 г. на нем из-за неправильной консервации разморозили воздушный колпак питательного насоса котла [29, л. 99]. Это стало первым происшествием такого рода, в результате которых судно довольно быстро вышло из строя. Остатки корпуса «Кашалота» ныне можно наблюдать в одной из бухт вблизи Петропавловска).

Тарифы на перевозки, согласно распоряжения НКРП, сохранялись на уровне 1941 г., оплата за перевозку пассажиров устанавливалась на уровне действующих тарифов НКМФ.

Весь личный состав флота, включая береговой аппарат, по плану на 1945 г. должен был насчитывать 828 чел., в том числе 729 моряков. Среди них пред-

полагалось иметь 120 юнг, на содержание которых выделялись 230,4 тыс. руб. В управлении флота должны были трудиться 28, в морском агентстве — 14, на подсобном хозяйстве — 20 чел. [44, л. 2].

Для полного укомплектования штатов моряков недоставало шесть дипломированных старших помощников капитана, девять вторых помощников, трех механиков 1-го разряда, девять — 2-го, шесть — 3-го, трех радистов, девять матросов 1-го класса, шесть токарей, двух машинистов 1-го класса, 19 кочегаров 1-го класса и 10 кочегаров 2-го класса. Все они замещались «работниками низших квалификаций». Резерв специалистов для замены отпускников отсутствовал.

Управление АКОфлота, включавшее 28 чел., не имело собственного помещения и ютилось в здании управления АКО (на месте нынешнего административного здания Камчатрыбпрома), где для него выделили четыре комнаты. Оно располагалось примерно в трех километрах от порта, что создавало трудности для оперативного обслуживания судов [29, л. 24].

План 1945 г. оказался выполнен на 76,9 % по грузам и на 74,4 % по тонно-милям. Причиной невыполнения стало уменьшение числа выполненных рейсов с грузом (76 при 87 по плану), причем общее количество затраченного эксплуатационного времени определилось в 3 895 суток при плане 3 951. Фактическое эксплуатационное время оказалось таким же, как и в плане: это свидетельствовало о большой потере времени на непроизводительные стоянки, что привело к снижению фактического количества рейсов. Ходовое время сократилось на 15,7 % из-за уменьшения числа рейсов с грузом. Себестоимость грузоперевозок выросла на 2 956 тыс. руб. или на 9,6 % против 1944 г. и на 8 205 тыс. руб. или на 32,3 % против плана 1945 г. Следует отметить, что это в значительной степени стало результатом военных действий, начавшихся в августе 1945 г.

Непроизводительные потери в размере 1 391,9 суток складывались из ожидания: погрузки и разгрузки (817,1), бункера (252,8), разрешения на выход (304,6) и прочих причин (17,4). Из-за медленной оборачиваемости флот потерял 630 судосуток, то есть 8 рейсов или 19 000 т дополнительно перевезенного груза.

Благодаря проведенным мероприятиям по повышению квалификации персонала машинных команд и реально начавшейся теплотехнической работе, «на базе развернутого социалистического соревнования среди судоконд», флот в 1945 г. сэконобил 4 269 т топлива или 10 % (3 750 т угля и 519 т жидкого горючего). При этом среднесуточная эксплуатационная скорость судов выросла до 172 миль против 159 плановых. Наибольшей экономии добились «Орочон» — 16,9, «Максим Горький» — 16,7 «Чапаев» — 15, и «Сима» — 14 %.

«Орочон» и «Чавыча» сжигали в этом году высококалорийные угли, «Кура» работала на хорошем сахалинском, на «Якуте» переделали в котлах колосники, «Максим Горький» использовал тепло выхлопных газов главного двигателя, что в сравнении с 1944 г. дало большую экономию горючего. Пережог топлива имел «Эскимос» ввиду того, что на нем установили новые котлы с большей производительности, но сохранили старые нормы расхода [45, л. 19].

Стоимость топлива в 1945 г. выросла. Это также отрицательно сказалось на себестоимости грузоперевозок. Удорожание произошло вследствие изменения пунктов бункеровки: теперь пароходы в большем объеме получали уголь в Петропавловске, где цены были заметно выше, чем во Владивостоке или на Сахалине.

Еще одной причиной роста себестоимости стал перевод судов на снабжение ремонтными и расходными материалами, в основном, через местные склады. Это обходилось гораздо дороже, «в отличие от имевшей место практики непосредственного снабжения в 1944 г. в США, в плане 1945 г. также предусматривалось непосредственное снабжение в США» [45, л. 21].

Фактическая численность личного состава флота к концу 1945 г. насчитывала 838 чел.: управление — 41, плавсостав — 649, юнги — 78, подсобное сельское хозяйство — 35 [45, л. 8].

В течение 1945 г. весь действовавший флот подвергся различного вида ремонтам (табл. 9).

Таблица 9

Судно	Время стоянки		Характер ремонта	
	план	отчет	план	отчет
«Орочон»	30	11,2	Профилактический	Профилактический
«Ительмен»	100	66,8	Капитальный	Профилактический
«Сима»	90	118,0	Капитальный	Капитальный
«Чавыча»	45	98,6	Средний	Аварийный
«Эскимос»	45	20,8	Капитальный	Профилактический
«Якут»	30	5,0	Профилактический	Профилактический
«Чапаев»	35	10,2	Средний	Профилактический
«Щорс»	75	158,4	Средний	Капитальный
«А. Серов»	65	157,8	Средний	Средний
«Коккинаки»	95	80,4	Капитальный	Капитальный
«М. Горький»	10	2,4	Профилактический	Профилактический
«Кура»	65	13,0	Средний	Профилактический
«Терек»	40	11,8	Средний	Профилактический
«Кашалот»	15	14,6	Профилактический	Профилактический
Всего:	740	769,0		

С учетом того, что ни в Петропавловске, ни во Владивостоке суда не могли получить технического обслуживания в требуемом объеме, девять транспортов по графику НКРП должны были ремонтироваться в США. Фактически ремонт в США получили пять пароходов (табл. 10).

Таблица 10

Суда	Стоянка в ремонте, сутки		Отклонения	
	план	факт	план	факт
«Ительмен»	100	50,5	—	49,5
«Сима»	90	118,0	28,0	—
«Чавыча»	45	—	—	45,0
«Чапаев»	35	—	—	35,0
«Щорс»	75	158,4	83,4	—
«А. Серов»	65	157,8	92,8	—
«Коккинали»	95	80,4	—	14,6
«Терек»	40	—	—	40,0
«Кура»	65	—	—	65,0
Всего:	610	565,1	204,2	249,1

Вот что вспоминал один из юнг АКОфлота — Александр Ражев о своем пребывании в американском ремонте (передано Т. М. Кривоноговым): «На шестнадцатом году своей жизни я поступил юнгой на пароход АКОфлота “Ительмен”. В конце 1944 г. нам посчастливилось пойти на ремонт в США. Капитаном был Борис Николаевич Соколов, старшим помощником Александр Александрович Чеков. Стармехом, если не изменяет память, был Лабут, имя и отчество, к сожалению, забыл (Валентин Петрович Лабут. — С. Г.).

Шли мы туда долго. Уголь был плохой, скорость неважная, погода, как на грех, штормовая. Наконец мы пришли в порт назначения — Портленд, штат Орегон, на реке Колумбия. После нашего захолустья все нас здесь удивляло. Другая природа, хорошие дороги, много автотранспорта. Американцы к нам относились доброжелательно. Самое главное, что нас стали хорошо кормить — по нормам заграничавания. На столе появились фрукты и прекрасный белый хлеб. В скором времени нас одели и обули с ног до головы. Выдали хорошую робу, теплые меховые канадки, белье и ботинки. Комсостав одели в прекрасные бостоновые костюмы с золотыми галунами и пуговицами, красивые мичманки. В общем, все мы преобразились на глазах.

Дисциплина была строгая, по законам военного времени. Часть ремонтных работ экипажу пришлось взять на себя. Как правило, самые грязные — обивку ржавчины, чистку балластных танков, канатных ящиков и тому подобное. Нас же, юнг и палубных учеников, администрация решила поставить на вахту. Таким образом, освобождался матрос, которого использовали на более серьезных работах...

Вскоре мы отремонтировали свой пароход и весной 1945 г. покинули гостеприимный Портленд, пошли в свой родной Петропавловск. Дома я вручил гостинцы своей семье и знакомым. Все интересовались, как к нам относились американцы. Рассказов было, конечно, много...»

Вот что стало причинами неполучения ремонта судами, отмеченными в табл. 10.

«Чавыча» должна была выйти в США 16 января 1945 г. До 27 декабря 1944 г. она стояла во Владивостоке, готовая к выходу, но из-за стремления отправить судно с обязательным завозом «попутного» груза в Петропавловск его заполнили углем. Только 24 января 1945 г., просрочив время выхода в США, пароход снялся в Петропавловск. 27 февраля «из-за непроходимости пролива Лаперуза» он вернулся во Владивосток и простоял до 12 апреля, а затем вновь отправился в Петропавловск. Таким образом, этот рейс, закончившийся в Петропавловске 2 мая 1945 г., длился 127 суток.

Не имея возможности получить качественный ремонт ни в Петропавловске, ни во Владивостоке, «Чавыча» эксплуатировалась до конца года, «латая» поврежденный котел по время стоянок в портах, поддерживая тем самым свое рабочее состояние. За истекший год пароход простоял в ремонтах 25,6 % всего эксплуатационного времени. Несмотря на затраченное время и силы «Чавыча» к навигации 1946 г. была не готова и вместо намечавшегося в 1945 г. среднего ремонта требовала в следующем году капитального.

«Чапаев» должен был выйти в США на средний ремонт 1 февраля 1945 г. Прибыв во Владивосток с рыбопродукцией, простоял под выгрузкой с 8 января до 10 марта по вине местного рыбного порта. 7 марта 1945 г. во время грузовых операций вследствие небрежной работы грузчиков на лебедках сломалась станина одной из них. Ее временно скрепили планками на болтах. В течение года силами экипажа пароход поддерживался в рабочем состоянии, а в начале 1946 г., прибыв в Дайрен, встал в там в ожидании капремонта, так как из-за плохого состояния корпуса больше эксплуатироваться не мог.

«Терек» собирался выходить в США 21 января 1945 г. из Петропавловска. Ввиду необходимости избежать лишних расходов по перегрузке находившихся на борту 216 т рыбопродукции, управление флотом получило распоряжение АКО догрузить пароход рыбой и отправить его во Владивосток. 1 января 1945 г. «Терек» с 2 117 т рыбы вышел в море, но 20 марта, не сумев пройти пролив Лаперуза, вернулся обратно. Лишь 25 апреля он имел возможность окончательно сняться во Владивосток, куда прибыл 5 июня. Этот рейс длился 156 суток.

Пароход «Кура» должен был выйти в США 1 февраля, но задержался во Владивостоке, где с 21 декабря 1944 г. до 10 февраля 1945 г. выгружал 2 292 т рыбопродукции. 10 февраля 1945 г. судно начало принимать соль, в связи с чем не получило ремонт продолжительностью 65 суток, утвержденный в начале года. Это впоследствии привело к необходимости поставить пароход с 19 ноября 1945 г. на ПСРВ, где он пребывал до июля 1946 г.

Из-за неполучения своевременного ремонта «Чавыча» и «Чапаев» по сравнению с 1944 г. резко снизили скорость хода, в то время как однотипный с «Чапаевым» пароход «Щорс», прошедший обслуживание, заметно ее повысил [45, л. 13—14].

В течение 1945 г. суда флота неоднократно попадали в сложные навигационные условия, нередко становившиеся причиной их серьезных повреждений. Вот лишь несколько примеров.

Вечером 25 января во время околки льда вокруг «Щорса» для вывода его из бухты Раковой, на рейде жестянобаночной фабрики подвижкой льда погнуло перо руля и свернуло баллер. Ремонт рулевого устройства решили произвести во время нахождения судна в США. Регистр СССР разрешил переход судна в Америку в таком состоянии [43, л. 25—27 об.].

20 апреля «Чавыча», следовавшая из Владивостока в Петропавловск, в результате удара о льдину потеряла одну лопасть гребного винта и согнула вторую. 15 мая на ней во время швартовки к пирсу Петропавловского порта были срезаны пять болтов, соединявших фланцы промежуточного вала брашпиля. От перекоса вала надвое разломился подшипник.

16 апреля «Якут», шедший из Владивостока в Петропавловск, в Японском море застиг сильный шторм. Волны смыли за борт с носовой палубы 32 т бункерного угля, разбили спасательный плот, правое крыло мостика и трап на спардеке, выбили в коридоре спардека переборку, пробили правый борт шлюпки, выломали дверь коридора, разбили иллюминатор в каюте второго помощника, смыли с ботдека за борт четыре пожарных ведра и два спасательных круга. Такие повреждения судно получило в непосредственной близости к проливу Лаперуза, где свобода его маневрирования была ограничена близостью запретной зоны Японии. Убыток от этого происшествия оценивался в 9 000 руб. [43, л. 163—165].

Великая Отечественная война завершилась в мае 1945 г. Всего за военные годы 42 работника флота были награждены орденами и медалями, а по ее окончании более 350 чел. получили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.» [10, л. 46].

В августе 1945 г. СССР объявил войну Японии. Решением исполнительного комитета Камчатского областного Совета депутатов трудящихся № 470 от 9 августа 1945 г. на территории Камчатской области было введено военное положение [46]. Но еще 6 августа произошло трагическое происшествие: два самолета без опознавательных знаков атаковали на траверзе Гаврюшкина камня пограничные катера ПК-7 и ПК-10. Несколько человек при этом погибли. Помощь пограничникам оказал сторожевой корабль «Киров».

Заключительным военным аккордом стала Курильская десантная операция, проведение которой советское командование возложило на силы Камчатского оборонительного района (КОР), возглавляемого генерал-майором А. Р. Гнечко. Суда АКОфлота принимали в ней непосредственное участие.

ПВМБ не располагала достаточным количеством транспортных средств для доставки десанта на острова. Часть десантников разместилась на мобилизованных гражданских транспортных и рыболовецких судах. Их погрузка

проводилась в Петропавловске. Недостаток здесь пирсов привел к тому, что с каждого из них приходилось обслуживать одновременно несколько плавсредств. Для того, чтобы упорядочить эту процедуру, суда обрабатывались по специальному графику. Приняв людей и грузы, они отходили на рейд Аванчинской губы, а их места занимали следующие.

Посадка десанта закончилась к вечеру 16 августа 1945 г. Рано утром следующего дня караван из 64 выпелов двинулся в путь на Курилы. Всего на борту кораблей и судов разместились 8 824 десантника, 95 орудий, 123 миномета, 120 тяжелых и 372 легких пулемета. Во время перехода волнение моря составляло три-четыре балла, движение каравана затрудняла малая видимость. С одной стороны, это скрывало суда и корабли от неприятеля, а с другой — мешало им выдерживать график движения, который и без того нарушался в силу того, что военные и гражданские моряки не имели практики совместных плаваний в таком крупном соединении на большое расстояние (350 миль) [47, с. 31—35].

Десантная операция началась 18 августа 1945 г. высадкой на о. Шумшу — основной опорный пункт японской обороны на Курилах. Бои здесь шли до 23 августа. К концу августа силы КОР заняли всю северную гряду Курильских островов, включая о. Уруп.

С 8 августа по 3 сентября 1945 г., то есть во время войны с Японией, пароходы АКОфлота «Ительмен», «Чапаев», «Коккинаки» и танкер «Максим Горький» использовались для перевозки людей, вооружения, боеприпасов, снаряжения и горючего, будучи мобилизованы «как временный военный транспорт». Четыре парохода в общей сложности 69 суток находились в распоряжении командования КОР. За это время они перевезли 6 704 т военных грузов и 3 363 чел., что составило по отношению к общему объему перевозок 4,2 % по грузам и 22 % по пассажирам. Прделанная ими работа отражена в табл. 11.

Таблица 11

Судно	Количество судосуток	Перевезено	
		груза, т	пассажиров
«Ительмен»	11	2 120	73
«Чапаев»	21	3 300	2 075
«Коккинаки»	19	930	1 715
«Максим Горький»	18	354	—
Всего:	69	6 704	3 363

Как указывает отчет о работе флота, «эти четыре транспортных судна в общем количестве перевозок имели значительный удельный вес пассажиро-перевозки и небольшое количество груза» [45, л. 17]. Под «пассажирами» здесь подразумевались советские десантники, высаживавшиеся на Курилы, и японские военнопленные, вывезенные из своих гарнизонов на островах по окончании боев.

Часть флота во избежание боевых потерь рассредоточили в закрытых бухтах и портах. Это отразилось на нормальной работе невыполнением плана грузоперевозок из-за того, что четыре судна простояли 89 суток.

Условия военного времени нашли отражение и в ассортименте перевозимых грузов (табл. 12). Из нее видно, что рыбопродукции в 1945 г. сняли втрое меньше, чем в 1944 г., и почти впятеро меньше, чем по плану 1945 г. Леса, основным источником которого служил Сахалин, доставили вдвое меньше плана. Все это явилось следствием военных действий, пришедшихся на август — традиционно являвшийся месяцем наиболее активного вывоза заготовленной продукции с полуострова и доставки на него древесины.

Таблица 12

Ассортимент	Отчет 1944 г.	План 1945 г.	Отчет 1945 г.
Соль	37 037,8	16 300	16 509,7
Уголь	40 845,6	36 100	36 338,3
Нефтепродукты	5 375,6	4 000	12 043,1
Рыбопродукция	32 336,4	51 400	10 819,0
Лесные	10 487,1	23 800	11 100,1
Тарные	16 983,9	16 800	11 236,8
Продпромтовары	11 614,2	5 200	14 063,1
Прочие	26 412,2	53 400	46 981,8
Всего:	181 092,8	270 000	159 091,9
Пассажиры	8 864	—	17 603

Во время высадки на Курилы и после завершения операции войскам большую помощь оказали не только моряки, но и работники Петропавловского рыбного порта, добровольно пошедшие с десантом. Портовики принимали участие в разгрузке транспортов, разместили на берегу пришедшие на пароходах грузы, обеспечили работу мелких плавсредств. За организацию и руководство этой работой начальник рыбного порта Я. Я. Завадский был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени, а начальник погрузочного отдела порта Н. К. Мельничук получил орден Красной Звезды.

К награде «за умелое руководство и организацию работ по разгрузке боеприпасов, снаряжения и техники десантных частей в условиях боевых действий и выгрузке их на островах в районе боев» был представлен стивидор А. Т. Бабилов, а также «за самоотверженный труд по выгрузке техники, боеприпасов и вооружения под обстрелом противника с судов за период боев на островах» — грузчики и их бригадиры: Наданов, Чугунчиков, Корецкий, Ленский, Жуган, Казюнов, Михайлов и другие.

Семеро моряков парохода «Коккинаки» во главе со старшим помощником Я. Я. Изаком и 19 членов команды парохода «Чапаев», возглавляемого капитаном А. Д. Коломейцем, награждались за образцовую подготовку судов и экипажей «к спецрейсу с десантными частями КОР на Курильские острова и успешную доставку десанта, его высадку в условиях боевых дей-

ствий». Остальной личный состав экипажей своим самоотверженным трудом и личным участием в погрузо-разгрузочных работах по переброске боеприпасов, вооружения и техники с пароходов на берег заслужил благодарность командования КОР. Помимо этих работ, моряки организовали прием с берега раненых десантников, оказали им первую медицинскую помощь, предоставили уход и питание. Особенно заботились о пострадавших воинах уборщица «Коккинаки» М. С. Заболотская, помполит «Чапаева» В. А. Кортиков и буфетчица этого же парохода В. Т. Завалина.

Девять моряков танкера «Максим Горький», снабжавшего суда и корабли топливом: старший помощник капитана А. Н. Бурлуцкий, четвертый помощник А. Л. Кошелев, старший механик В. А. Устименко, четвертый механик И. Д. Зинченко, радист М. Т. Жукова, матросы П. М. Алексеев, В. П. Медведев, А. В. Мыкольников, моторист А. Н. Пупыкин — поощрялись «за образцовое выполнение задания командования КОР по снабжению кораблей в зоне военных действий в трудных метеоусловиях. Своей успешной и самоотверженной работой личный состав судна содействовал успеху операций по захвату Курильских островов, заслужив тем самым благодарность командования КОР».

Вот что вспоминал об участии в Курильской десантной операции Арнольд Рихардович Янсон, тогда студент Петропавловского морского рыбопромышленного техникума, проходивший практику на «Чапаеве» (впоследствии А. Р. Янсон руководил Камчатрыбфлотом — наследником АКОфлота).

«В августе 1945 г. при объявлении войны Японии “Чапаев” с экипажем был мобилизован для участия в Курильской военно-десантной операции. После погрузки в трюма боезапаса, боевой техники (около 600 т), солдат из зенитной роты, 17 августа 1945 г. в составе первого эшелона боевых десантных кораблей “Чапаев” вышел в район Первого Курильского пролива. После высадки десантников и частичной выгрузки боезапаса, “Чапаев” получил приказ принять на борт пленных японских солдат и следовать в Усть-Больше-рецкий рыбокомбинат для принятия на борт артиллерийской части. Приказ был выполнен, и после капитуляции японцев на острове Шумшу “Чапаев” выгрузил в Четвертом Курильском проливе артиллеристов, погрузил на борт трофейное оружие, раненых и 3 сентября 1945 г. прибыл в Петропавловск. Судно вышло на рейд, готовясь к постановке в ремонт на судоверфи, а мы, курсанты, списались с “Чапаева” и продолжили учиться в Морском рыбном техникуме...» [48].

Впереди моряков ждала мирная работа. 4 октября 1945 г. в связи с преобразованием АКО в Камчатский госрыбтрест (КГРТ) АКОфлот был переименован в Управление транспортного флота КГРТ (Камчатрыбфлот, КРФ) [49, л. 1—2].

По словам начальника флота В. М. Слободенюка, произнесенным 12 сентября 1945 г., «современные суда, представляющие многомиллионную ценность, требуют от личного состава, его обслуживающего, высоких специально-технических знаний, что возможно лишь при условии закрепления постоянных кадров, как в целом на водном транспорте, так и на каждом судне в отдельности».

Закрепить же кадры можно было при условии обеспечения их нормальными жилищно-бытовыми условиями и заработной платой. С жильем для моряков в Петропавловске было плохо. Их семьи размещались на площади Комхоза АКО и горсовета и частично во Владивостоке. В Петропавловске жили 211 (36,4 %), во Владивостоке — 129 (22,3 %), на судах — 240 чел. (41,3 % общей численности).

На время стоянки в порту плавсостав оказывался предоставлен сам себе «за отсутствием клуба... культурного отдыха не имеет... проявляет желание получить возможность отдыха в специальных домах». Отсутствие специальной «водной поликлиники», санатория и дома отдыха также не способствовали стабильности персонала.

Жизнь требовала решения жилищной проблемы путем предоставления семьям капитанов и старших механиков отдельных домов «типа коттедж» в три-четыре комнаты, комсостава — квартир из двух-трех комнат, рядовых моряков — «индивидуальных квартир в одну комнату в домах общего пользования»; постройки общежитий для комсостава, рядовых моряков и женщин; сооружения клиники; «на базе местных минеральных источников» следовало организовать санаторий; построить дом краткосрочного отдыха, клуб моряков и водно-спортивную станцию.

Уровень зарплаты и столового довольствия должен был превышать ставки ДВГМП и приближаться к условиям Главсевморпути, так как камчатским судам приходилось работать в более тяжелых условиях, чем судам Морфлота [29, л. 25—26].

Характер деятельности АКОфлота за военное время существенно изменился. Работая в условиях ограниченных материальных и людских ресурсов, в 1941 г. он впервые за годы своего существования получил прибыль. В 1943 г. также впервые был выполнен, а по отдельным показателям значительно перевыполнен план грузоперевозок. В 1944 г. количество завозимых судами АКО на Камчатку грузов достигло 75,5 % от их общего поступления (до войны оно не превышало 30—35 %). В том же 1944 г. после многолетних неудачных попыток в практику вошли теплотехнические испытания судов, в результате которых были определены их экономические скорости, выявлены наиболее благоприятные режимы эксплуатации и установлены технически обоснованные нормы расхода топлива.

В течение 1941—1945 гг. ремонт в США прошло большинство судов АКО-флота, однако они не получили его в требуемом объеме. Как правило, так называемый «ремонт военного времени» выполнялся под контролем американских технических комиссий не в привычном для советских моряков объеме из расчета четырех-пяти лет службы судна после его окончания, а на срок в один-два года. Так, на «Эскимосе» замененные в котлах трубки вышли из строя ровно через год после их установки, а в котлах «Симы» они потекли через полтора года после смены. Судовые администрации зачастую не могли вмешиваться в ход работ, в том числе, иногда и по причине собственной некомпетентности. В результате после американских «капитальных» ремонтов суда через короткий промежуток времени требовали проведения нового технического обслуживания.

По собранным автором данным, суда АКОфлота побывали в США и Канаде не менее 21 раза:

- «Эскимос» находился в Сан-Франциско в июне 1941 г. и 1944 г.;
- «Анатолий Серов» посетил порты США в июне 1943 г. и в апреле 1945 г.;
- «Ительмен» был в марте и апреле 1945 г. в Сиэтле и Портленде;
- «Максим Горький» в декабре 1942 г. ремонтировался в Сиэтле, в апреле 1943 г. — в Сан-Франциско и в мае 1944 г. — в неустановленном порту;
- «Щорс» в январе 1943 г. посетил Портленд, был в США в 1945 г.;
- «Чапаев» находился в Сан-Франциско в июне 1943 г. и в 1945 г.;
- «Орочон» ремонтировался в Портленде в июне 1941 г., там же был в сентябре 1942 г., посетил США в марте-июне 1944 г.;
- «Сима» в мае 1944 г. посетила Портленд, в декабре 1944 г. пришла в Канаду, в июне 1945 г. прибыла во Владивосток;
- «Якут» в августе 1941 г. был в Сан-Франциско и в мае 1943 г. в Портленде;
- «Коккинаки» ходил в США в 1945 г.

За годы войны АКОфлот освоил новый вид перевозок — транспортировку леса, заготовленного Ключевским и Сахалинским Пограничным лесокombинатами в виде морских плотов («сигар»). Проведение подобных операций требовало немалого мужества.

Вот что докладывало командование парохода «Якут» об одном из таких рейсов: «Исключительно большая работа была произведена палубной командой при буксировке плота из Усть-Камчатска в Петропавловск. Несмотря на свежую штормовую погоду (до девяти баллов) и неоднократный обрыв плота, последний был в целости доставлен в Петропавловск, за что часть коллектива начальником АКО была премирована, части объявлена благодарность и отпущены средства для премирования команды».

За 1943 г. флот отбуксировал 26 сигар общим объемом 18 900 куб. м. В этом году Ключевской лесокombинат сплавил 14 и доставил на рыбо-

комбинаты восточного берега Камчатки и Петропавловск 12 сигар общим объемом 8 900 куб. м [50, л. 49]. За навигацию 1944 г. из Усть-Камчатска были отправлены 11 сигар общим объемом 6 171 куб. м (шесть в Петропавловск, по одной в Анапку, Карагу и Хайллюлю и две в Корф). Первая из них вышла 11 июля в Петропавловск, последняя объемом 359 куб. м прибыла в Петропавловск 18 октября 1944 г. на буксире «Анатолия Серова». Из сигары № 5 объемом 454 куб. м было потеряно 346 куб. м, то есть 76 %. Сигара № 10 объемом 428 куб. м, предназначенная в Анапку, полностью разбилась в пути. Сигару № 9 из Петропавловска лесовоз «Коккинаки» отбуксировал в Микояновск, куда она благополучно прибыла 16 сентября 1944 г. Это стало *первым случаем доставки леса морем с восточного берега Камчатки на западный через Петропавловск* [51, л. 70].

Вот что сообщается в подготовленной 26 октября 1944 г. «Справке о буксировке леса сигарами» о некоторых операциях с плотами:

«1942 г. “Эскимос”, 22.04—30.08 — рейс № 4 из Мгачи на Сахалине в Петропавловск, плот-сигара в 3 117 т.; “Якут”, 21.08 — рейс № 4 из Усть-Камчатска в Петропавловск — 1 381 кбм.

1943 г. “Коккинаки”, 9.06 — рейс № 3 из Усть-Камчатска в Корф, 515,3 кбм; “Коккинаки”, 30.06 — рейс № 4 из Усть-Камчатска в Петропавловск, 1 160 кбм; “А. Серов”, 3.08 — рейс № 3 из Усть-Камчатск в Петропавловск, 1 154,2 кбм; “А. Серов”, 3.07 — рейс № 2 из Усть-Камчатска в Олюторку 563 кбм; “Эскимос”, 23.08 — рейс № 4 из Усть-Камчатска в Петропавловск — 447 кбм.

1944 г. “Коккинаки”, 21.08 — рейс № 3 из Ныйво на Сахалине в Петропавловск — 1 850 кбм; “А. Серов”, 27.08 — рейс № 3 из Усть-Камчатска в Петропавловск — две сигары 418,6 и 651 кбм; “Коккинаки”, 12.09 — рейс № 4 Петропавловск — Микояновск — 561 кбм.; “Сима”, 12.09 — рейс № 5 из Усть-Камчатска в Корф — 500 кбм; “А Серов”, 13.10 — рейс № 6 из Усть-Камчатска во Владивосток — 359 кбм; “Орочон”, рейс № 3 Сахалин — Петропавловск, 1 031 кбм, не доставлена» [39, л. 14].

В годы войны на полуострове впервые начала действовать система морского и рыбохозяйственного образования. Одним из ее элементов стал «институт юнг», положивший начало основанной в 1946 г. Петропавловской мореходной рыбопромысловой школе.

ИСТОЧНИКИ

1. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 103.
2. Рыбак Камчатки. — 1987. — № 26, 26 июня.
3. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 36.
4. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 108.
5. Там же. Д. 116.
6. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 31.
7. Там же. Д. 7.

8. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 44.
9. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 117.
10. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 18.
11. Там же. Д. 32.
12. Камчатская правда. Комплект за 1941 г.
13. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 507.
14. Там же. Д. 593.
15. ГАКО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 494.
16. Там же. Д. 130.
17. Там же. Д. 125.
18. Там же. Д. 126.
19. Там же. Д. 124.
20. Камчатская правда. Комплект за 1942 г.
21. ГАКО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 127.
22. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 597.
23. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 40.
24. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 495.
25. Камчатская правда. Комплект за 1943 г.
26. *Галас М. Л.* Петропавловск-Камчатский морской порт в годы Великой Отечественной войны: транзит грузов ленд-лиза // Российский флот и история Камчатки / Тез. докл. научн. конф. 17—18 октября 1996 г. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 71 с.
27. ГАКО. Ф. 284. Оп. 1. Д. 49.
28. Там же. Д. 50.
29. Там же. Д. 35.
30. За высокие уловы. — 1976. — 12 дек.
31. ГАКО. Ф. 106. Оп. 1. Д. 132.
32. Там же. Д. 131.
33. Там же. Д. 133.
34. Там же. Ф. 88. Оп. 3. Д. 1.
35. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 53.
36. Там же. Д. 54.
37. Там же. Д. 496.
38. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 128а.
39. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 55.
40. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 136.
41. Там же. Д. 139.
42. Там же. Ф. 106. Оп. 1. Д. 142.
43. Там же. Д. 143.
44. Там же. Ф. 284. Оп. 1. Д. 60.
45. Там же. Д. 62.
46. Камчатская правда. — 1945. — 9 авг.
47. *Акишинский В.* Курильский десант. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — 160 с.
48. Рыбак Камчатки. — 1994. — 6 мая.
49. ГАКО. Ф. 470. Оп. 1. Д. 6.
50. ЦДНИКО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 588.
51. Там же. Д. 668.

АНТИСОВЕТСКИЙ ПЕРЕВОРОТ 1918 г. В ПЕТРОПАВЛОВСКЕ

Работ, посвященных этому событию, в отечественной исторической науке, насколько нам известно, нет, о нем почти ничего не знают краеведы. Советские историки касались этой темы вскользь — не углубляясь в причины переворота и не прослеживая его ход. Все написанное ими сводилось к объяснению, данному некогда И. Е. Лариным: «Свержение власти Совдепа на Камчатке произошло... когда из членов ячейки (ядра) в Петропавловске никого не было. Часть находилась во Владивостоке... часть командирована по области. Оставшиеся советские работники не были на своем месте...» [1]. «В апреле... и мае рабочие-охотники и солдаты разъехались и разбрелись, кто на работы, кто по домам. В Петропавловске остались одни спекулянты, чиновники и черная сотня» [2].

В 1918 г. население Петропавловска не превышало 1 200 чел. Из них «насчитывалось до двухсот пролетариев, занятых физическим трудом на различных прилегающих к городу промыслах и городских стройках частников (плотники, столяры, монтеры, мотористы и другие)» [3]. Остальные — чиновники, домовладельцы, интеллигенция...

Захвативший власть в городе с помощью распропагандированной местной воинской команды Петропавловский Совдеп предотвращает попытку контрпереворота, предпринятую в марте 1918 г. членами Областного комитета и гласными городской Думы. В этом же месяце горсовет рабочих и солдатских депутатов запрещает продажу и выдачу спиртных напитков, а облсовет предписывает мировому судье Петропавловско-Командорского участка прекратить нотариальные сделки по купле-продаже недвижимости. 19 апреля единственные на Камчатке коммунисты — председатель горсовета И. Е. Ларин и его товарищ А. С. Олейник — сообщают в Далькрайком Советов свои соображения по поводу работающих на Петропавловской радиостанции «главарей контрреволюционного выступления» марта 1918 г.: «Заведующий радио инженер Рыбкин и чиновник Пурин... идут вразрез с Советской властью, агитируя темное население для разгона Совета... Желательно устранение от занимаемых должностей как принимающих участие для свержения Советской власти» [4].

30 апреля облсовет предлагает «родителям, желающим воспитывать своих детей в духе православной или другой религии, самим заботиться об изыскании средств на содержание законоучителей» [5], что находится в полном соответствии с советским декретом об отделении церкви от государства и школы от церкви. А горсовет, выдав по ходатайству Петропавловско-

го причта для собора вместо тридцати бутылок красного вина пятнадцать, принимает решение о формировании отряда милиции из двадцати человек с окладом содержания 250 руб. в месяц. Однако исполком горсовета через день постановляет: из-за недостатка средств временно ограничиться штатом из девяти.

14 мая исполком горсовета вводит пошлины на вывозимую из области пушнину: лиса-чернобурка — 30 руб., соболь — 15, медведь бурый — 8, пыжик — 50 коп., белка — 25, заяц — 10...

20 мая облсоветом запрещено вывозить «наличку». Предлагается переводить ее на материк в банковские отделения по почте и через Казначейство.

4 июня публикуется постановление областного Совета об упразднении окружных судов, прокурорских надзоров, судебных следователей, но им рекомендуется «оставаться на местах под наблюдением комиссара (М. Шиманчика. — В. П.) и общим руководством облсовета» [6].

7 июня, ввиду «сгустившейся атмосферы в Петропавловске» и объявления военно-революционного положения в Приморье и водах Тихого океана Россией, «влияния в связи с угрозой Дальнему Востоку банд Семенова», членам облсовета Е. И. Кумпану и И. А. Верещакову поручено «организовать охранный отряд в 30 человек для самоохраны и защиты революции и свободы» [7]. Кроме них, этим занимается председатель горсовета А. С. Олейник, отставка которого 3 июня на заседании исполкома не была принята, несмотря на то, что «массы, пославшие его в Совет, в большинстве своем недовольны им и выносят ему недоверие», каковое тяготит его и в «ущерб завоеваниям трудового народа» [8].

10 (11) июня руководители областного Совета И. Е. Ларин и С. А. Бушуев направляют телеграмму во Владивосток консулу Северо-Американских Соединенных Штатов, выражая уверенность, что «светоч социализма, зажженный Россией, при поддержке могущественной свободной Америки в недалеком будущем воссияет над миром, исстрадавшимся под гнетом капитализма» [9].

11 июня А. С. Олейник доложил на заседании горсовета: им совместно с Е. И. Кумпаном и И. А. Верещаковым «сняты печати из цейхауза бывшей Камчатской команды и взято оружие и патроны для... поддержания порядка в городе ввиду распространившихся слухов об организации и предполагаемом выступлении белой гвардии...» [10].

А за три дня до этого в связи с иными слухами — о событиях на Дальнем Востоке и Сибири — распространяемыми «темными силами», в облсовет были вызваны представители китайской и японской колоний, которые насчитывали около ста человек, Межан, Винзан, Когуро и Огава. Советские руководители посоветовали им «не верить разным слухам и продолжать мирную и тихую трудовую работу» [11].

Середина июня. Появление на рынке большого количества чавычи позволяет торговцам понизить цену до 10 руб. за пуд. Вопреки постановлению горсовета о санитарных порядках, по огородам и тротуарам безнаказанно разгуливают коровы и свиньи. Некое лицо из почтовой конторы объявило через газету о желании приобрести «ружье-маузер с патронами» [12].

С 20 июня в Продовольственной управе началась продажа мануфактуры по карточкам. В это время в Петропавловске по карточкам отпускали также сахар, крупу и муку. Тогда же, 20-го числа, бывший наборщик типографии, ответственный секретарь советской газеты «Камчатские Известия. Официальный орган Рабочего и Крестьянского Правительства по делам Камчатки» М. К. Бэ-Блажейчик без объяснения причин сложил полномочия члена горсовета, выйдя ранее из комиссии по народному образованию. 20 июня рыбопромышленники и все остальное население области уравниваются в длине неводов — не выше 75 сажень.

22 июня — день отъезда в Хабаровск на Четвертый съезд Советов Дальнего Востока большевиков И. Е. Ларина (председатель облсовета) и А. С. Олейника, остающегося главой городской советской власти. С ними едут еще два члена облсовета — И. А. Верещак и (вместо отказавшегося Бушуева) М. К. Попов. Суточное довольствие командированным «на человека по 1 000 рублей» [13].

В двадцатые годы, уже в эмиграции, А. А. Пурин писал: «...Ларин и члены “Чрезвычайной следственной комиссии по контрреволюционным делам” выехали в Хабаровск для доклада Дальневосточному Совету Народных комиссаров о положении дел на севере. До нас доходили сведения, что Совдеп будет настаивать на применении к автономистам (участникам мартовского выступления. — В. П.) высшей меры наказания, и чтобы таковое в назидание другим было приведено в исполнение в Петропавловске. Это должно было случиться с приходом красного военного корабля, на котором должен был прибыть Военный Суд.

Между тем события продолжали развиваться. Глухим эхом приходили с материка известия, что там не все благополучно. В радио-телеграммах сообщалось, что завоеванию пролетариата угрожает контрреволюция, буржуазия и чехословаки. Местный Совдеп все чаще и чаще устраивал митинги, призывал к организованности, увеличивал число красногвардейцев, реквизировал оружие, вооружался сам и вооружил своих единомышленников» [14].

С 22 июня постановлением облсовета всей области предписывалось перейти на новое правописание, введенное Совнаркомом на советской территории. 23 июня в Народном доме в Петропавловске открылась общедоступная библиотека. В тот же день городской сход мирян выразил «пожелание, чтобы для отправления религиозных треб в городе были оставлены два священника с окладом 400 рублей в месяц» [15].

Положение противников советской власти с апреля по 11 июля 1918 г. характеризуется А. А. Пуриным как весьма серьезное, хотя никто из них арестован не был: «Несмотря на неоднократные требования, я не являлся в Следственную комиссию и никаких сведений не давал. То же делали и другие мои соратники. Следственная комиссия раз заглянула к нам на квартиру, но после того, как она задумала над нами поиздеваться, мы ее выгнали. Обещали прислать красногвардейцев и арестовать нас, мы заявили, что живыми в руки не дадимся (что было исполнено в отношении себя 2 декабря 1922 г. жителем казачьей Сероглазки Г. Н. Поповым после окончательного утверждения Советской власти. — *В. П.*), и в каждого, кто задумает приблизиться к дому, будем стрелять. Совдеп чувствовал себя настолько слабо, что ничего не мог поделать и ждал помощи из Владивостока...» [16].

Какие же обвинения предъявлялись А. А. Пурину как бывшему председателю Областного комитета и его товарищам? Непризнание власти Совнаркома и Советов, организация вооруженного восстания против этой власти. Попытка отделиться от России и продать северную окраину Японии. Призыв населения встать на защиту Всероссийского Учредительного Собрания, «составленного из буржуазных классов» [17]. Стремление связаться с Сибирским автономным правительством и Сибирской областной Думой и признать ее власть в Камчатской области.

Все это А. А. Пурин называет искажением намерений той власти, которая была избрана летом 1917-го на Первом съезде населения области и которую большевики «выдали» весной следующего года.

Самым тяжким обвинением Облкому (и тогда, и потом на протяжении советских лет) был его приказ № 1 от 19 марта 1918 г., подлинник которого, по словам Пурина, пропал [18]. В копии Камчатского ГПУ значится: «Ввиду полного разгрома и неслыханного мирового унижения государства Российского союзные державы, дабы оградить Дальний Восток от немецкого захвата и губительной Советской власти, принимают чрезвычайные меры вплоть до оккупации русских областей. В целях ограждения Камчатки от посягательств на захват или оккупацию ее соседями, Камчатский Областной Комитет, как выразитель воли народной, взял всю полноту власти в свои руки и впредь до созыва Всероссийского Учредительного Собрания, установления прочной и твердой власти в России объявил Камчатскую область автономной по отношению к Русскому Государству...» [19]. Этим же приказом расформировывалась воинская команда и Петропавловский совдеп. Вся полнота исполнительной власти в городе предоставлялась горсовету народной милиции в составе Закржевского, Рыбкина, Артюхина и Крупенина.

Но, победив в марте 1918 г., Советы не смогли решить социально-экономические проблемы. «Продукты в области исчезли. Запасы денег в Казначействе истощились, так как все лица, имевшие сберегательные и текущие счета,

таковые закрыли. «Начинался рыболовный сезон, но не было соли и бочек...» [20]. Анархические элементы «разграбили японские рыбалки и склады товаров при них в разных местах Охотского моря» [21].

25 июня в Петропавловск пришла телеграмма из Хакодате: «Арестован ли Совдеп? В противном случае соль не будет выпущена. Российский консул Лебедев» [22]. В двадцатых числах власти этого японского порта, куда обычно заходили по пути к нам из Владивостока пароходы, задержали российское судно с продуктами. Телеграмма была адресована Петропавловской городской Думе, но так как ее разогнали большевики, попала в Совдеп, а копия — А. А. Пурина как предыдущему главе областной администрации.

26 июня исполком горсовета обязал рыбаков, привозящих улов на продажу в Петропавловск, до десяти часов утра продавать его исключительно горожанам, а только потом скупщикам. Торговцам устанавливался ценовой «потолок»: фунт чавычи 70 коп., одна штука красной — 60.

27-го числа состоялся многолюдный митинг сторонников советской власти, «на котором говорилось о провокации, о контрреволюции, о защите Советской власти, о предательстве японцев, и из всех речей можно было заключить, что Совдеп что-то скрывает и боится, чтобы население не узнало правду. Одним из присутствующих на митинге, который был посвящен в суть дела, был поднят вопрос о продуктах. Выступившее лицо пыталось убедить толпу, что она ошибочно надеется на Дальсовнарком, что нельзя закрывать глаза перед надвигающейся опасностью быть без продуктов, что нечего искать крамолы там, где она пустой звук, что нельзя обрекать промысла и жителей на гибель, но ему не дали говорить. Ответом на это послужил призыв к расправе с контрреволюционерами и к защите Советской власти.

Вместо того, чтобы заявить публично, что члены Совета признают для себя невозможным оставаться далее во главе области, они приняли резолюцию просить Дальсовнарком выслать триста тысяч пудов соли, послали ему привет и проклятие белогвардейцам...

Как Совдеп ни скрывал истинного положения дел, однако население проведало о задержке парохода с продуктами». «Ко мне, — вспоминал далее А. А. Пурин, — обратились некоторые инородцы от волостей с вопросом, действительно ли имеется телеграмма (от Лебедева. — В. П.). Я подтвердил документально факт ее получения.

27 июня у меня собрались некоторые из бывших общественных деятелей и представители селений (по-видимому, Завойко и Сероглазки. — В. П.) на совещание о создавшемся положении для области. Совещание носило секретный характер и приняло решение выступить против Советов активно, в каком-то направлении и были начаты работы...» [23].

28 июня вышло постановление горисполкома о регистрации всего огнестрельного оружия, находящегося у частных лиц и в магазинах в городе.

29 июня. Антисоветский переворот во Владивостоке. Накануне его ночью сюда прибывают на пароходе «Сишан» Ларин и его спутники. Ознакомившись с обстановкой, Ларин пишет на Камчатку в прошлом приисковому рабочему, а ныне народному комиссару юстиции области М. Г. Шиманчику с расчетом, что его письмо прочтут и другие — кому следует.

«Товарищ, крепитесь, скоро, наверное и мы приедем. Как я уже писал, Владивосток взят чехословаками в один день при помощи десанта с крейсеров. Как горько было смотреть на улицу: высыпали все толстобрюхие с веселыми лицами. Пока хотя на воле. Выручайте нас. Нас не должны задержать, так как комитет областной избран по четырехчленной формуле и еще при Временном Правительстве в июле прошлого года, так и пишите, телеграфируйте. В случае, если окрепнет власть правительства автономной Сибири, шлите уполномоченных в состав ее, оно будет полезно пока. Не знаю, а может быть, еще и меня арестуют и товарищей не выпустят. За что, про что... Вот попал из огня да в полымя — в чужой похлебке расхлебывай.

Управляйте благоразумно, не делайте осложнений. Крепко и стойко держитесь до Второго съезда Камчатки. Мы не самозванцы, а посланники народа, избраны по четырехчленной формуле. Делайте чаще собрания и разъясняйте народу правду. Организуйте вокруг себя крепче массы, отсюда никакой поддержки не ожидайте — кроме плохого. Ну так действуйте честно, прямо, благоразумно и энергично. Не дайте возможности выступить реакции» [24].

Из протокола заседания исполкома горсовета от 29 июня 1918 г.: «Доклад члена исполкома Лисового: член Козленко пьянствует, неаккуратно является на службу и вообще игнорирует своими обязанностями. Считать на будущее время не допустимым и доложить пленарному заседанию, которое должно вынести определенную резолюцию по отношению к тов. Козленко» [25].

В одной из брошюр, выпущенной в Петропавловске в 1970-е гг., можно было прочитать: «Заговорщики форсировали события. И вновь, как и в марте 1918 г., своею ставкой они избрали село Завойко (сейчас — Елизово. — *В. П.*). Здесь особое холуйское рвение проявили председатель волостного комитета Ворошилов и товарищ его Бибилов. 1 июля в экстренном порядке они сообщали своим патронам в город о том, что Завойкинская волость на стороне контрреволюционеров и что, в “крайнем случае, Завойкинская волость первой вышлет людей”, если “осложнится положение” в городе» [26].

В начале июля подготовка к смене власти вступила в завершающую фазу. «В первых числах июля нам стало известно о перевороте во Владивостоке и об образовании правительства Автономной Сибири, ближайшей задачей которого являлась борьба с большевиками и освобождение Сибири от коммунистического ига. Ознакомившись с декларацией Правительства, мы признали ее отвечающей интересам и чаяниям населения и именем этого Правительства решились освободить Камчатскую область от большевиков» [27].

«По получении телеграммы из Хабаровска об аресте Соввласти во Владивостоке, — рассказывал П. А. Крупенин, — в областном Совете было назначено заседание членов Совета, на котором должны были обсуждаться вопросы о вооружении членов Совета и жителей для защиты Соввласти. Не будучи защитником большевизма, я на заседание не пошел, за что наложили на меня штраф в размере 5 руб.

Потом областной Совет выработал также объявления населению, которыми предупреждалось о предстоящей опасности Советской власти. Одновременно представили проект воззвания председатель (замещающий А. С. Олейника. — В. П.) городского совета Колмаков и секретарь канцелярии Станчиковский. В последнем говорилось, что Камчатка в политическом отношении не может принять активного участия, ибо она должна прислушиваться к центру, так как какая власть будет установлена там, такая должна быть и здесь» [28].

Но М. Г. Шиманчик, М. К. Бэ-Блажейчик, председатель продовольственного комитета П. И. Дудко, члены облсовета И. Д. Дыптан и Е. И. Кумпан «страшно восстали против проекта воззвания, составленного городским Советом, и настаивали на выпуске воззвания по их проекту, призывающего к защите Соввласти. Кроме того, Дыптан заявил, что воззвание по проекту городского Совета могут выпустить только черносотенцы, и он же добавил, что свобода, завоеванная большевиками, досталась пролитием крови, а потому и отстаивать ее будет силой оружия, ибо никогда не согласится на свержение Советской власти, несмотря на то, какая бы власть не была установлена на материке. Он — Дыптан — признает исключительно Советскую власть. К заявлению Дыптана присоединились Кумпан, Блажейчик, Шиманчик и Дудко, которые настаивали на своем, то есть требовали выпустить воззвание по проекту областного совета» [29].

8 июля утром в селение Завойко ушел по телеграфу текст воззвания за подписью представителя от этой волости П. А. Крупенина, адресованный теперь исключительно завойкинцам. Воззвание соответствовало проекту горсовета. В нем подчеркивалось, что великая Русь повсеместно истекает кровью и долг камчатцев не допустить на полуостров страшные бедствия, переживаемые жителями других краев страны, ибо наряду с противоборствующими сторонами всегда страдают ни в чем не повинные женщины и дети.

9 июля Камчатский областной Совет рабочих, крестьянских и инородческих депутатов опубликовал свое воззвание: «Граждане, товарищи крестьяне и рабочие! Завоевания крестьян и рабочих в опасности. На Дальнем Востоке меньшевики, буржуазия с чехословаками употребляют все усилия, чтобы свергнуть власть Советов. Заняты некоторые пункты, остальным городам ничего не угрожает». Облсовет в который раз просит не верить слухам, выпускаемым «темными силами», и обещает землякам постоянно держать их в курсе событий [30].

Подписал воззвание облсовета ларинский заместитель С. А. Бушуев. На него в упоминавшейся выше брошюре возлагается большая часть вины за падение советской власти на Камчатке; он «перелицовал обращение Дальсовнаркома к рабочим и крестьянам выступить на защиту завоеваний революции» и «создавал ширму, за которой камчатские контрреволюционеры разрабатывали планы внезапного удара по Советам» [31]. Там же мы находим ссылку на И. Е. Ларина, утверждавшего, что В. И. Артюхин, П. А. Крупенин, Е. А. Колмаков, С. А. Бушуев, В. Г. Сивцев (отказавшийся голосовать за Ларина при выборах председателя облсовета) «были членами областного и городского Советов только на бумаге, а на деле оказались злостными преступниками и служили в контрразведке у белых» [32]. Откуда ему об этом известно, Ларин не говорит. Документированных подтверждений приведенному выше обвинению нами не обнаружено.

11 июля. Последнее заседание исполкома Петропавловского горсовета. Один из рассматриваемых вопросов — отпуск со склада распушенной воинской команды (с помощью которой совдеповцы захватили власть) десяти пар шаровар и девяти мундиров для милиции. Постановили: выдать, однако «носить только при исполнении служебных обязанностей» [33].

11 июля. «К нам в село вечером приехали рыбопромышленники, работавшие в с. Авача, фамилии их не знаю, — показывал сероглазкинский охотник В. С. Атласов в 1934 г. в ОГПУ, — и с ними был житель с. Сероглазки Крупенин Василий Егорович, и зайдя ко мне в дом, предложили мне идти с ними в Петропавловск арестовывать членов Совдепа. Так как они усиленно настаивали, то согласился. Из нашего села Сероглазка для свержения Соввласти поехали почти все жители, ехали на трех лодках, было примерно человек 19. Основную роль в этом восстании сыграли Крупенины Василий Александрович, Петр Васильевич, Александр Васильевич, Поповы Георгий Никодимович, Федор Никодимович, Львов Иван. Прибыв к Петропавловску, мы высадились у радиостанции, где жил сам Пурин...» [34].

А. А. Пурин указывает время, когда «прибыл на шлопках отряд повстанцев от волостей» — около десяти вечера [35] и уточняет его численность — «25 вооруженных казаков-камчадалов, оцепивших мою квартиру и район радио-станции на окраине города» [36]. Начали собираться «посвященные в сущность дела горожане. Прилегающая к радиостанции местность была оцеплена, телеграфное и телефонное сношение с городом и окрестностями прервано» [37]. «Все приходившие оттуда задерживались и обратно в город не выпускались. Вслед за этим прибыли делегаты от волостей и члены Областного Комитета, проживавшие в Петропавловске» [38].

«В город направились отдельные разведчики» [39]. «В полночь открылось заседание, на котором представители населения просили Областной Комитет взять в свои руки власть в области» [40]. В. С. Атласов, по его сло-

вам, на этом заседании не присутствовал, на него, как утверждал П. А. Крупенин, «были вызваны жители с. Сероглазка, Авача, Хутор и Завойко, команда с парохода “Адмирал Завойко” и проживающие в городе: Плотников, Абдул Газизов, Караев Федор. Из Сероглазки... был и мой дядя Петр В. Крупенин и брат Василий А. Крупенин и др.» [41].

«Все готовы были сложить свои головы, если бы красногвардейцы думали оказать вооруженное сопротивление. Представители населения уверяли, что на пути находится несколько сот вооруженных туземцев и казаков, отпавленных волостями в распоряжение Областного Комитета» [42].

Начальником отряда назначили бывшего учителя — поручика А. П. Токаревского. «Через каждые полчаса, — вспоминал А. А. Пурин, — мы получали точную информацию о положении в городе. Там все было спокойно, никто не полагал и не ожидал никаких выступлений. Население мирно спало, советские деятели и красногвардейцы частью спали, частью пьянствовали. К двум часам ночи наш отряд состоял из тридцати шести человек, у многих не было пока оружия, но зато все мы были спаяны единой волей, единой верой в правоту своего дела, единой любовью к поруганной несчастной Родине, и это давало нам возможность черпать силы и надеяться на успех. Ряд лиц, которые обещали принять участие в перевороте, не надеясь на успех, не явились, но тем не менее мы решили выступить в два часа ночи и произвести арест Областного, Городского Советов, красногвардейцев и всех сочувствующих им» [43].

Из составленного в ОГПУ в 1932 г. протокола допроса начальника расформированной в мае 1918 г. местной воинской команды Д. С. Плотникова: «В этот день вечером часов около двенадцати ночи я был в гостях у Деушева (торговец. — В. П.), где были два брата Деушевы, Дудко, Абдул Газизов и еще кто-то, не помню, выпив пива-водки, я пошел в то время судейский городок, теперь Красный городок, где была моя квартира, но около ворот меня арестовал матрос с парохода “Завойко” и повел на радио, к Пурину, где было, кроме названных, человек двадцать и среди них Василий Александрович Крупенин...» [44].

Часа через полтора, рассказывал далее Д. С. Плотников, «все вышли из квартиры Пурина в Петропавловск и на попутном кладбище Пурин с Рыбкиным объявили всем, что идут арестовывать членов Совдепа» [45]. В. С. Атласов получил от Токаревского бердану и несколько патронов...

Это был звездный час ученого-сейсмолога Александра Антоновича Пурина: «На востоке чуть занималась заря. Моросил мелкий дождичек, когда мы двинулись в путь» [46]. Атласов подчеркивает, что арестами руководили Пурин и Токаревский, «которые шли во главе нашего отряда, насчитывавшего тридцать человек» [47].

Д. С. Плотников: «В Судейском городке в квартире т. Дудко они арестовали гражданина Блажейчика...» [48], «...а Дудко дома не было, дальше — в дом

губернатора, там арестовали Кумпана, забрав... двенадцать штук бердан и арестовали Бушуева, там же, у Кумпана в квартире, который сказал, что меня, ребята, наверно, арестовали по ошибке...» [49], «...бердан дали нести мне штуки три и Кумпану одну штуку, а прочие кто нес, не помню» [50].

«Тут они разделились на две части, говоря: пойдут по порядку» [51]. «Отряд разбился на две группы, осторожно подходил к намеченным зданиям, оцеплял их, разоружал одного за другим активных работников Совдепа и отдельных красноармейцев и отобранным ружьем и снаряжением вооружались теперь мы».

«В три часа ночи, — читаем далее у А. А. Пурина, — было оцеплено здание Военного Комиссариата и казарма красноармейцев, где не было даже часовых. Начальник отряда в сопровождении трех повстанцев вошел в помещение и произвел страшнейший переполох. Все оружие было выдано без сопротивления, а красноармейцы присоединены к арестованным. Многих трясла лихорадка, многие спрашивали конвой, что с ними сделают. К пяти часам утра арестованных было свыше ста человек, для конвоирования которых пришлось отрядить половину нашего отряда.

Продвигаясь вперед без единого выстрела, мне около шести часов утра пришлось наткнуться на чисто житейскую сценку. В одном из домов Председатель Продовольственного Комитета, Члены Совдепа и различных организаций спокойно сражались в карты. Стол был уставлен батареей бутылок» [52]. И хотя всех без труда разоружили, в показаниях Плотникова имеется такой штрих: «...у Деушева они арестовали Дудко, который, будучи выпивши, им револьвер не сдал, а выйдя на двор, выстрелил раз пять и отдал револьвер Токаревскому...» [53].

«Затем пошли на Никольскую улицу в дом Картакая, где долго ломились в квартиру, где арестовали его жену...» [54]. «В общем за ночь, — завершает описание арестов А. А. Пурин, — мы так привыкли разоружать своих противников, что один человек входил свободно к десяти красноармейцам, направлял на кого-нибудь из них револьвер, отбирал оружие и выгонял к остальным. Товарищи никак не ожидали подобной дерзости и беспрекословно повиновались отдаваемым распоряжениям» [55].

До сих пор остается невыясненным, о каком Военном Комиссариате и казарме красноармейцев идет речь в воспоминаниях А. А. Пурина. Существование того и другого не подтверждается советскими источниками, как, впрочем, и указываемая им в юбилейном сборнике численность отряда «красной гвардии» до 250—300 человек, к тому же вооруженных «отобранным от фирм оружием» [56]. Тут же — через абзац — автор говорит: «Отряд в 35 человек между двумя и шестью утра разоружил красную гвардию, областной и городской советы и весь анархически настроенный элемент в числе до 400 человек».

«Арестовывали нас по одиночке и препровождали в здание школы. В аресте каждого из нас участвовал весь отряд белых. Часть отряда во главе с Пуриным окружала дом, а вторая часть во главе с Сусляком входила в дом, — вспоминала в 1957 г. в переписке с историком Б. И. Мухачевым О. А. Картакай. — ...арестовано было только 17 человек. Оружие было взято не более чем у 10 человек. Остальное попрятали у соседей» [57].

Обратимся вновь к А. А. Пурину: «От топота ног и с наступлением утра пробуждались горожане и пугливо выглядывали из дверей. Многие нас приветствовали, многие брали винчестера и присоединялись к нам.

К семи часам утра все арестованные были доставлены в зал Высшего Начального Училища. В городе то там, то здесь появились национальные флаги, и многие, не зная о том, что произошло под покровом ночи, были поражены случившимся. Ни с той, ни с другой стороны... не было ни одной жертвы. Отобранное оружие исчислялось сотнями. Часть его впоследствии была выслана во Владивосток для вооружения войск Сибирского правительства.

За отсутствием арестного помещения для столь большого числа задержанных, Революционный Штаб после отеческого внушения освободил почти 80 % арестованных. Многие из них проклинали Совет, втавивший их в невыгодную сделку, многие просили зачислить их в отряд милиции или команду, обещая верой и правдой служить Родине и народу» [58].

Таким образом, власть в Петропавловске с семи утра в пятницу 12 июля 1918 г. перешла к Областному комитету. В девять часов председатель Областного комитета и его товарищ — педагог П. Я. Сусяк подписали обращение к гражданам Камчатской области. В нем, в частности, говорилось: «Советская власть на Камчатке в лице Областного Совета, приведя страну в затруднительное положение и не умея из него выйти, усилиями местных жителей лишена полномочий». Сообщалось, что принявшие власть Облком и городская Дума, как законные органы, избранные населением в 1917 г., «неуклонно и твердо пойдут... по пути революционной законности, права и справедливости в измученной стране». Обращение завершалось призывом к рабочим, крестьянам, казакам, туземным племенам, всем классам быть гражданами, быть едиными «в своем стремлении к спасению Родины и Камчатки» [59].

12 июля в одиннадцать утра на стоящем в порту пароходе «Адмирал Завойко» [60] состоялось экстренное заседание облкома и Петропавловской городской Думы, на которое были допущены представители населения и общественных организаций. Первым в повестке дня стоял вопрос о текущем политическом моменте и конструкции власти. Постановили: «В Камчатской области признать власть Камчатского облкома. В г. Петропавловске хозяйственная власть выполняется городским самоуправлением». Произведенные аресты — правильные и «в дальнейшем арестовывать лиц, которые будут

признаны вредными в целях общественной безопасности и упрочения власти Областного Комитета».

Комендантом Петропавловска заседание назначило А. П. Токаревского и поручило ему «организовать вооруженные отряды для охранения города и арестного помещения» [60], куда перевели взятых ночью и под утро 12 июля 1918 г. По словам О. А. Картакай, их перевели в арестный дом на третьи сутки. «Меня поместили в одной камере с т.т. Дудко и Коробко» [62].

В те дни в облом и гордому поступило заявление от Подпругина, Ф. Попова и Крупенина: «Мы, члены Камчатского областного комитета и граждане г. Петропавловска просим Вас освободить из-под ареста граждан Колмакова и Лисового, от которых нельзя ожидать какого-либо вреда, за что ручаемся и берем на себя ответственность» [63].

На экстренном соединенном заседании 12 июля было поручено облому в срочном порядке принять меры к созыву 2-го съезда населения области, а городскому самоуправлению организовать «в самом непродолжительном времени выборы на законном основании» [64] в Петропавловскую Думу. Предстояло заслушать (опять-таки в срочном порядке) доклад Продовольственной управы и представителей фирмы Чурина и Сун-ин-туна на предмет того, что ими сделано по снабжению области продуктами продовольствия. Газету переименовали в «Камчатский вестник».

14 июля вышел первый номер «Камчатского вестника» с телеграммами-откликами на антисоветский переворот в Петропавловске: «*Начики*. Арест хулиганской власти приветствуем, да поможет Всевышний Областному Комитету восстановить хозяйственное и экономическое положение... Председатель Уваровский, секретарь Бурнашев»; «*Сопочное*. Приветствуем Вас, истинных граждан, любящих свою Родину. Примите уверение в поддержке Вашего шага... Сычев, Ушаков»; «*Завойко*. Завойкинский волостной исполком благодарит вас за спешное сообщение об арестовании советской власти... просит вас от имени Завойкинской волости приветствовать городскую думу и областной комитет. Волостям, именующим до сего времени “советами”, выражаем протест. Председателей этих “советов” не мешало бы телеграфно арестовать. Завойкинский волисполком выражает недоверие председателю Продовольственной Управы Дудко. Да здравствует Учредительное собрание! Власть народу по выборам! Председатель Ворошилов, товарищ его Бибиков»; «*Утхолок*. Поздравляем... Будем всеми силами поддерживать и не дадим более восторжествовать деспотизму в лице большевиков-насильников. Председатель Заев, секретарь Миронов»; «*Хайрюзово*... Боритесь с демагогией, да здравствует революционная свобода. Нужен продукт. Селения голодают. Председатель продкома Бочкарев».

В том же номере печатается объявление коменданта Петропавловска: «В интересах успокоения населения и прекращения всяких тревожных и не со-

ответствующих истинному положению дела слухов, всякие собрания граждан, как на улицах города, так и в закрытых помещениях не допускаются. Собрания профессиональных организаций для обсуждения вопросов чисто профессиональных могут быть разрешены мной только по представлению мне повестки вопросов, подлежащих к обсуждению». Воскресным днем 14 июля на площади напротив Петропавловского собора отслужен молебен по случаю свержения Советской власти. Присутствует много людей [65].

15 июля открывается чрезвычайное заседание Завойкинского волостного съезда, совместно с представителями Командорских островов, Охотского уезда и некоторыми жителями г. Петропавловска, провозглашающего в своем лице «для всей Камчатки временную диктатуру, то есть власть местного населения области... впредь до созыва Камчатского областного съезда» и передающего всю полноту исполнительной власти на это время областному комитету состава 1917 г. Решено «о настоящем постановлении довести по телеграфу до сведения Временного Сибирского правительства и всех волостей Камчатской области и просить их подтвердить Завойкинскому съезду и Камчатскому Комитету свое согласие на принятие такой исключительной, но совершенно вынужденной обстоятельствами момента меры, клонящейся к поддержанию порядка, спокойного течения трудовой жизни и восстановлению поправленных прав коренного населения Камчатки» [66].

Завойкинский съезд оставил в облоке бывшего члена облсовдепа Бушуева (без права подписи служебных бумаг), отстранил Столярова и выразил недоверие И. Ф. Голованову ввиду того, что он, «стоя на точке зрения Советской власти, помогал таковой» [67].

В специальном постановлении съезда значилось: «Всех лиц, причастных к Соввласти, также не подчиняющихся распоряжению власти Областного комитета, — выселить из пределов Камчатской области без права обратного въезда как вредных для мирного течения жизни. 1. Выселить немедленно Картакай с женой, Дудко, Пахомова, Коробко, Шиманчика, Кумпана, Дыптана, Блажейчика, Бахтина, Илинича, Чурляева, Складорова, Рожкова. При четырех против Косыгина отдать на поруки местным коренным жителям до областного съезда, взяв с него подписку о том, чтобы он не участвовал ни в каких митингах и не занимался провокацией и агитацией. В противном случае будет выслан на материк. Заколотного (телеграфист, передавший 8 июля воззвание П. А. Крупенина в Завойку. — В. П.) освободить. 2. Поручить областному комитету принять меры к немедленному выселению их в трехдневный срок в Хакодате и сдать русскому консулу для дальнейшей переправки, изыскать для этого всевозможные средства. В крайнем случае, отправить на пароходе “Адмирал Завойко”» [68].

Рассмотрев вопрос об организации народной милиции из местного коренного населения, съезд срочно поручил облкому нанять в нее надежных

людей «ввиду предстоящего хода рыбы и текущих работ» [69]. В областной комитет в помощь П. А. Крупенину были доизбраны от Завойкинской волости еще три представителя — Г. А. Машихин, Г. Н. Попов и М. Г. Подпругин, «которые должны участвовать в заседаниях Областного комитета с правом решающего голоса» [70].

Председательствовал на чрезвычайном заседании Завойкинского волостного съезда Рязанцев — по-видимому, Николай Иннокентьевич, дореволюционный староста Авачи, основавший в этом селении школу.

15 июля облком телеграфирует в уезды и волости об отмене пошлины, наложенной Совдепом на вывозимую с Камчатки пушнину, накладывает арест на движимое имущество Рабочего Союза (профсоюза) за нарушение договора о доставке дров в устье р. Авачи. Комендант Петропавловска А. П. Токаревский обращается к горожанам с требованием сдать все казенное оружие, в том числе «благоприобретенное», под расписку, с возвратом его владельцам «со снятием военного положения» [71].

16 июля. Новое обязательное постановление коменданта: «В целях сохранения в г. Петропавловске спокойствия и общественной безопасности, устанавливается следующий порядок спуска на берег пассажиров, имеющих прибыть на пароходе “Сишан”»: 1. Никто из пассажиров не может выносить на берег с собой огнестрельное оружие и спиртные напитки. 2. Ходить по улицам разрешается только в трезвом виде и группами не более трех человек. 3. Лицам, прибывшим на пароходе, строго воспрещается всякая пропаганда и прочая провокация по отношению к существующей административной власти, стоящей на программе правительства Сибирской республики, и отнюдь не допускается критика распоряжений, исходящих от Камчатского Областного Комитета и учреждений, ему подчиненных. 4. Распространение ложных слухов на политические темы воспрещается. 5. Надзор за выполнением настоящего постановления возлагаю на чинов городской милиции. 6. Виновные в нарушении настоящего постановления будут привлекаться к строгой ответственности, вплоть до арестов и высылки из пределов Камчатской области» [72].

Примечательно, что пункты 2, 3, 4 распространялись и на жителей Петропавловска. Ложные слухи, однако, не прекращались, в том числе об уменьшении жалования служащим, хотя были увеличены оклады в Продуправе, а милиционерам выдано дополнительное жалование за апрель, когда правили еще Советы.

16 июля облком принял «к исполнению и руководству» [73] протокол чрезвычайного заседания Завойкинского съезда от 15-го числа. «Камчатский вестник» сообщил об аресте во Владивостоке всех делегатов, кроме И. Е. Ларина. Из Тигиля поступила телеграмма о преобразовании Совета в Комитет с выражением доверия прежним членам. «От ареста Совета голосованием воз-

держались» [74]. В тот же день в Петропавловск прибыл отряд охраны из ближних селений [75].

16 июля 1918 г. начальник Петропавловской гормилиции М. К. Станчиковский приступает к дознанию по делу арестованных в областном центре советских работников. Член облкома С. А. Бушуев охарактеризовал бывшего наркома местной юстиции Шиманчика как действительно стоявшего на страже интересов своих избирателей — рабочих. О Бэ-Блажейчике он сказал: «Человек двуличный... переходил на ту или другую сторону, где платят больше денег, но в то же время производил всевозможные агитации» [76]. А. Т. Коробко Бушуев знал мало, но слышал от Ларина, что тот участвовал в расстреле благоговещенских контрреволюционеров. В нашей области он появился в 1910 г. «Дабы избежать воинской службы, я выехал на Камчатку», — напишет он позднее в автобиографии члена РКП(б) [77].

Опрошенный 16 июля член облкома П. А. Крупенин показал: «Ильинич подозревается в краже 59 шт. соболей из канцелярии милиции в ноябре 1917 года, пьяница и провокатор и, как развращенный, крайне нежелателен на Камчатке. Чурляев — известный пьяница и скандалист с анархическими направлениями. Тип этот развращающе действует на местное население, поэтому необходимо его выселить» [78]. В представлении новой власти председатель советской следственной комиссии Е. И. Кумпан был «плут и мошенник, вечный лентяй и паразит, присосавшийся, как пьявка, к народному пирогу, и грязными сапогами наступавший на дорогую мебель — собственность целой области» [79].

Областной комитет объявляет находящимся под стражей советским работникам о предстоящем их отъезде на пароходе «Адмирал Завойко». «Держать их под арестом не было никакого смысла — это требовало, во-первых, значительного расхода, а во-вторых, вызывало нежелательные нарекания и слухи, — вспоминал А. А. Пурин. — Кроме того, не было у нас и достаточно людей для охраны арестного помещения. Прокурор окружного суда г. Кадышевский не находил достаточных улик для привлечения их к уголовной ответственности. Он неоднократно требовал от меня освобождения арестованных и в результате привлек меня, как Председателя комитета к уголовной ответственности за свержение Советской власти. Областной Комитет был чрезвычайно возмущен таким поступком и не видел иного вывода, как распустить Окружной Суд... Это был незаконнейший акт, но выхода не было. В тот момент, когда вся Россия начинала борьбу с коммунистами, Прокурор Камчатского Окружного Суда г. Кадышевский вместо того, чтобы помочь восстанавливать государственный порядок, всячески подрывал авторитет власти и всячески подыгрывался к большевикам.

Окружной Суд все-таки распущен не был, но между административной краевой властью и Прокурором Суда до того были натянуты отношения, что

стоило многих трудов не допустить ареста и высылки прокурора... Прокурор несколько раз посещал арестованных и заявлял им, что он не находит в их действиях ничего противозаконного, что им неоднократно отдавалось распоряжение об освобождении их из-под ареста, но что распоряжениям его Областной Комитет не подчиняется. Когда о действиях прокурора стало известно населению области, оно категорически потребовало, чтобы Окружной Суд был с Камчатки убран» [80].

Днем обкомовцы работали в канцеляриях, ночью по очереди несли караульную службу. «В городе начиналось брожение, многие предпринимали меры к освобождению арестованных. Комендант ответил на это рядом арестов и обысков...» [81], во время которых было найдено приведенное выше письмо И. Е. Ларина Шиманчику. Личное участие в карауле, подчеркивает А. А. Пурин, «вызывалось необходимостью момента и желанием не допустить произвола, так как среди чинов отряда было несколько горячих голов — во что бы то ни стало хотели разделаться с некоторыми членами Совдепа» [82].

17 июля на очередном заседании обкома решили организовать местную воинскую команду из двадцати человек, разместить в ее прежнем здании, положить оклад по 250 руб. в месяц. Рассмотрели также вопрос об оплате ассигновок в счет выданных денег членам обл- и горсовдепа, откомандированных в Хабаровск. Постановили оплатить из переходящих сумм и взыскать деньги с Ларина, Олейника, Попова и Верещакова [83].

Рано утром 18 июля в Петропавловск пришел пароход «Сишан» с продовольствием и — главное — солью. На нем прибыла экспедиция Приморского переселенческого управления, возглавляемая В. К. Арсеньевым. Вот каким он увидел наш город: «Петропавловск имеет вид села... Все дома деревянные. Одна улица и один тротуар... Около домиков кое-где есть небольшие огороды. Некоторые дома построены из корабельного леса... Это постройки времен Завойко и Невельского. К таким постройкам относятся: дом Завойко, обросший кругом старыми тополями, старинная церковь (против него), казарма и цейхгауз. Чем-то особенно сентиментальным веет от этих построек. Невольно переносишься в далекое прошлое и думаешь: как жаль, что я не жил в то время, когда русская армия и флот были гордостью России» [84].

На следующий день гости были приглашены на заседание Областного комитета. Речь шла о перспективах края, гидротехнических, ихтиологических и иных планах экспедиции. 19-го же июля А. А. Пурин и заведующий дорожной партией старший техник И. А. Шкляев отправляют во Владивосток телеграмму, где в срочном порядке испрашивается кредит в размере 30 тыс. руб. для немедленного начала работ по ремонту дороги между Петропавловском и Начиками» [85].

19 июля обком обращается с воззванием к гражданам области: касса государственного казначейства пуста, а «начинается творческое строитель-

ство, требующее энергии и денег... Несите же, граждане, доверчиво свои сбережения в государственное казначейство и тем помогите воссоздать разрушенное» [86].

«Ко дню свержения власти Советов в Казначействе, — утверждал А. А. Пурин, — оставалось около 16 тысяч рублей, после опубликования... возвания население стало вносить деньги, и в ближайшие же дни мы располагали средствами свыше, чем 200 тысяч...» [87].

Между тем, в «Камчатском вестнике» был напечатан ряд сообщений с мест в поддержку облкома, гордумы с признанием власти Временного Сибирского правительства. Общее собрание граждан с. Большерецкого, созданное, по всей видимости, по инициативе председателя селькома Бречалова и волосткома Федотьева, от имени всех слоев населения посылало избранникам народа пожелания «выполнить трудную работу по установлению порядка и законности на Камчатке» [88]. Соболевчане под предводительством Самборко высказывались за скорейший созыв Учредительного Собрания и областного съезда, делегатом последнего избрали Владимира Спешнева. С западного берега поступила телеграмма за подписью «председателя соединенного заседания Сметанина». Она гласила: «Граждане Облуковинской волости приветствуют борцов, установивших народную власть в лице облкома, избранного съездом в 1917 году, а также присоединяются к Временному Сибирскому правительству (белому, находящемуся во Владивостоке. — В. П.) которое, уверены, встанет на путь спасения Родины и Камчатки» [89].

Газета писала также, что высылаются в г. Владивосток «без права въезда на Камчатку до пятнадцати большевиков, поправших права камчадал» [90]. Следует уточнить: в буквальном смысле большевиков, то есть членов компартии, среди персон нон грата не было — большевиками называли тогда всех советских работников. Среди высылаемых, «вносивших беспокойство и дезорганизацию в дела области» [91], числились Орехов и Каширин.

О том и другом есть свидетельство П. А. Крупенина: «Виктора Орехова знаю с 1912 г., когда была произведена кража денег из Петропавловского Казначейства 260 тысяч руб. В краже этой обвинялся и он, как соучастник, судили его, и сидел в тюрьме около двух лет. Кроме того, Орехов привлекался за гонку спирта, были арестованы все принадлежности. При мне в бывшем полицейском управлении дал клятву, что больше приготовлением спирта заниматься не будет, ибо ему надоело скитаться по тюрьмам. Вообще он крайне неблагонадежный во всех отношениях, способен на любое преступление для личной выгоды. Желательно выселить его из пределов Камчатской области, дабы своим порочным поведением не развращал трудовое местное население, которому необходимо прививать хорошие, а не дурные нравы. Кроме того, когда зимой он ездил по Камчатке, то торговал спиртом и этим страшным злом причинял бедствия некультурному местному населению.

Каширина знаю как авантюриста и провокатора, никого и ничего не признающего. В 1917 г. летом был арестован за провокаторство. Публично ругал и издевался над чиновниками и высшими чинами Петропавловского Окружного суда. В интересах спокойствия и общественной безопасности крайне необходимо его выдворить... как нежелательного элемента с анархическими направлениями, развращающе действующими на местное коренное население» [92].

Нелестным был отзыв С. А. Бушуева о Бахтине (в документах исполкома горсовета конца апреля 1918 г. он фигурирует как кандидат в милиционеры) — «этот человек, считаясь с личностями, всецело стремился произвести среди населения и прочих граждан какое-либо насилие и до последнего времени стоял на том, чтобы переизбрать областной совет, закрыть школы, так как учителя все провокаторы» [93]. Логунова Бушуев называет организатором Красной Армии, который «умышленно уничтожил списки красногвардейцев» [94].

19 июля в 19 часов «Адмирал Завойко» покинул Петропавловск. На его борту, помимо высылаемых и конвоиров, находились 25 семей промартели — переселенцев, ехавших на жительство в устье р. Озерной (на восточной Камчатке).

Заход бывшей губернаторской яхты «Адмирал Завойко» в Озерную подтверждает В. С. Атласов — один из конвоиров. По его словам, в охране сотрудников были: «старшим Сусяк Павел Яковлевич (убит в 1922 г.), его помощник прапорщик Иванов, имя не знаю, где он сейчас (допрашивали Атласова в ОГПУ в 1934 г. — В. П.) неизвестно, учитель Малахов Николай — где сейчас, не знаю, были рядовыми я, Атласов, Коршунов Михаил, Толстихин Василий, Ширинкин Николай Семенович, Кох Николай Семенович...» [95].

Атласов говорил, что яхта заходила еще на Командоры и в Хакодате, где пробыли часа два. Во Владивостоке арестованных передали милиции. Охрана по пути следования судна состояла из «охотников-камчадалов», замечает историк М. П. Стельных и продолжает: «Справедливости ради надо отметить, что версия о том, что арестованных на пароходе стража подвергала “жестоким истязаниям и пыткам” не соответствует действительности» [96].

Между тем эта «версия» длительное время подавалась как непреложный факт: «Один из пассажиров, ехавший на этом пароходе, впоследствии писал: “Арестованных и высланных сопровождал прапорщик Иванов, сын бывшего начальника радиостанции Петропавловска Иванова. Несмотря на то, что высланные арестованные, за исключением Шиманчика, были беспартийные (Шиманчик не состоял в компартии. — В. П.), они держались вполне революционно и своим поведением выражали действительно революционное настроение трудовых слоев Камчатки, которое они и представляли. Я был свидетелем, как арестованные, особенно Шиманчик, демонстративно распева-

ГРАЖДАНЕ КАМЧАТКИ!

Цѣлый годъ прошелъ со времени I-го Областного Съѣзда, на которомъ рѣшалась судьба нашей глухой и далекой окраины. Цѣлый годъ прошелъ съ того времени, когда впервые свободные граждане Камчатки могли сказать свое слово, могли внести свои знанія и опытъ въ строительство новой жизни на началахъ равенства и справедливости. На Первомъ Областномъ Съѣздѣ нашъ край, который долгъ прозвѣлать въ нищету и невѣжество по милости царскаго режима, всталъ на путь самостоятельности и творческой работы, положилъ начало будущей культурной и свободной Камчаткѣ. Былъ намѣченъ цѣлый рядъ неотложныхъ вопросовъ, отъ разрѣшенія которыхъ зависело все будущее нашей страны. Первымъ Областнымъ Съѣздомъ былъ выбранъ Комитетъ, поставленный во главѣ края для осуществленія тѣхъ великихъ задачъ, выполнение которыхъ было признано съѣздомъ крайне важнымъ и необходимымъ. И, надѣленный довѣріемъ всей страны избранный на первомъ съѣздѣ Областной Комитетъ приступилъ къ великому дѣлу возрожденія и обновленія края. Но недолго пришлось Областному Комитету вести страну по пути, намѣченному съѣздомъ. Въ далекой Россіи разыгрались событія, которыя сказали влияние и на нашу глухую окраину. Въ Россіи пронеслась буря отголоски которой докатились и до нашей Камчатки, которая только, что начинала выходить на путь свѣтлаго будущаго, которая только, что начинала жить на демократическихъ, свободныхъ началахъ. Явились люди, которые захватили власть помимо воли страны и, называя себя „избранныками народа“ творили произволъ и насилие. Они не захотѣли считаться съ населеніемъ, которое на первомъ Областномъ Съѣздѣ вручило свои судьбы своимъ представителямъ. Эти люди тормозили дѣло развитія края и изъ всего того, что было намѣчено на I-мъ Областномъ Съѣздѣ почти ничего не сдѣлано. И неизвѣстно до какого предѣла упадка дошла бы Камчатка, если бы тамъ, на материкѣ, не разыгрались событія въ результатъ которыхъ была свергнута совѣтская власть по всей Сибири. Камчатка тоже сбросила иго большевиковъ и у власти снова стала единственный хозяинъ страны—народъ, въ лицѣ избраннаго имъ же самимъ Областного Комитета, который получилъ власть изъ рукъ Перваго Камчатскаго Съѣзда. И теперь послѣ той разрухи, которую внесли въ жизнь края большевики, послѣ угара, въ которомъ нѣсколько мѣсяцевъ жила Камчат-

ка Комитетъ считаетъ своимъ первымъ и святымъ долгомъ созвать II-го Областного Съѣзда для разрѣшенія всѣхъ насущныхъ и неотложныхъ вопросовъ. Открытіе Съѣзда состоится 15 августа стараго стиля.

Необходимо сейчасъ же на мѣстахъ приступить къ выборамъ представителей на съѣздъ—на каждые 100 человекъ по одному представителю и снабдить ихъ полномочіями для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, могущихъ возникнуть на съѣздѣ. Второму Областному Съѣзду придется получить тяжелое наследство, и продолжить и воплотить въ жизнь все намѣченное на первомъ Съѣздѣ; конечно внеся свои собственные дополненія и измѣненія. Въ программу Съѣзда входитъ масса серьезныхъ и неотложныхъ вопросовъ какъ то: организація власти и управленія на Камчаткѣ, правильная постановка хозяйства страны (горное дѣло, рыбный, пушной и лѣсной промыслы, сельское хозяйство), медицинско-санитарное дѣло, ветеринарная помощь, школьное образованіе, организація народнаго театра, созданіе областного печатнаго органа, финансовое положеніе края, почтово-телеграфное дѣла, инородческіе и переселенческіе вопросы, дорожное строительство, гидротехническіе работы и много другихъ мѣстныхъ вопросовъ. Изъ всей этой программы можно ясно видѣть что второму Съѣзду предстоитъ большая и важная работа, къ которой нужно отнестись крайне внимательно и серьезно. На этотъ Съѣздъ должны быть выбраны люди, которые дѣйствительно могутъ разобраться во всѣхъ этихъ вопросахъ и принять дѣятельное участіе въ работахъ съѣзда. На съѣздѣ должно быть поменьше словъ и побольше дѣла. Пора митинговъ прошла и настало время дѣловой работы. Пусть на этотъ съѣздъ придутъ настоящіе работники, которые поймутъ всю важность поставленныхъ задачъ и всю ответственность, которая будетъ на нихъ возложена. Отъ второго Съѣзда будетъ зависеть Ваше будущее и на этомъ съѣздѣ должны быть созданы такія условія, при которыхъ Камчатка быстрыми шагами пойдетъ по пути расцвѣта и возрожденія.

Областной Комитетъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы Областному Съѣзду, этому единственному хозяину Камчатки, передать всю полноту власти, и авторитета.

Камчатскій Областной Комитетъ.

ли революционные песни на глазах у стражи и подвергались за это жестоким истязаниям и пыткам со стороны последней, особенно со стороны прапорщика Иванова» [97].

Реакцию на данное свидетельство непосредственной участницы событий, причем, в качестве арестованной, М. П. Стельных воспроизвел на последней странице своей работы «Победа Великого Октября на Камчатке»: «Неправда это, что над нами издевались! Камчадалы относились к нам гуманно. Мне с мужем исхлопотали даже каюту. Куда в океане убежишь с парохода? Когда нас привезли во Владивосток и вели те же камчадалы-охотники в тюрьму, то некоторые владивостокские буржуйки пытались ударить нас или как-то оскорбить действием.

— Куда лезешь? — окрикивал камчадал и даже грозил штыком в живот пырнуть» [98]. Рассказ депутата Петропавловского горсовета О. А. Картакай историк записал на магнитофон, что им оговорено в сноске.

Аналогичные показания дал 27 июля 1934 г. на допросе в НКВД механик Ушковского рыбоводного завода, бывший конвоир Н. С. Ширинкин: «С арестованными не было никаких насилий, и обращение со стороны конвоя было хорошее. Случаев другого отношения — издевательств над арестованными или их родственниками со стороны конвоя, в том числе и меня, не было...» [99]. Но это заявление покоилось в архивах госбезопасности до передачи дел на политрепрессированных в начале 1990-х гг. в ЦДНИКО. Да и самого Н. С. Ширинкина (как, впрочем и других, причастных к июльскому перевороту) на то время, когда издавалась брошюра М. П. Стельных, еще не реабилитировали. Опровержение идеологически выгодного факта папахивало «буржуазным объективизмом». Чтобы пойти на это, советскому историку надо было иметь не только профессиональную, но и гражданскую смелость.

В книге «Первый Совдеп», откуда нами взято свидетельство «одного пассажира», следом за ним помещена выдержка из письма законспирированно-го в 1918—1919 гг. большевика М. П. Воловникова: «Июльский переворот в Петропавловске... совершен под руководством Сибирского временного правительства с помощью японцев». Никаких аргументов автор письма не приводит. Некоторые другие данные позволяют с большой долей вероятности предположить, что он и есть тот самый «один пассажир», засвидетельствовавший «жестокое издевательство и пытки».

...Старшему охраны П. Я. Сусляку облом выдал авансом на содержание караула и иные нужды три тысячи рублей. Он был командирован во Владивосток вместе с членом комиссии по продовольствию И. Г. Подпругиным. Сусляку поручили приобрести «стройматериалы для нужд казенных зданий», а Подпругину — «защитить интересы Камчатской области» [100]. В разговоре с командованием прибывшего 31 июля в Петропавловск японского крейсера «Мусаши-Кан» А. Д. Пурин заметил: «Пароход “Адмирал Завойко” —

единственный корабль... в распоряжении Областного Комитета... послан до Караги на Командорские острова, откуда он должен зайти в Японию и во Владивосток и на обратном пути быть на Сахалине и обойти все западное побережье Камчатской области. На этом корабле с особыми поручениями выехал Товарищ Председателя Областного Комитета П. Я. Сусяк. По пути своего следования корабль несет охранную службу промыслов и береговой территории, для каковой он и был построен, имеет два орудия и небольшой отряд областной милиции» [101].

Беседуя с бывшей пассажиркой — «узницей» парохода «Адмирал Завойко», М. П. Стельных узнал такой эпизод. Весной 1918 г. она приняла в свою семью бесприютную девочку Афросинью Киселеву и «нежно заботилась, как о дочери, вплоть до своего ареста 12 июля... Печальные, полные слез глаза ребенка, оставшегося на берегу, — это то, что видела Ольга Александровна с борта парохода, уходившего во Владивосток. Это воспоминание тревожит ее и поныне» [102].

Несколько позже, но тоже летом 1918 г. Камчатский Областной комитет принял постановление: «Просить начальника экспедиции, снаряженной переселенческим управлением по обследованию Камчатки, В. К. Арсеньева разработать к предстоящему областному съезду проект и смету постройки приютов в Камчатской области» [103].

Второй Камчатский областной съезд, созданный осенью 1918 г., «полностью одобрил деятельность Завойкинского волостного комитета по борьбе с коммунистами и Советами» [104]. Первый коммунист Камчатки (слесарь-сантехник по профессии) И. Е. Ларин, арестованный во Владивостоке и освободившийся «только благодаря стечению обстоятельств» [105], писал о нашей области: «Главная масса населения (31 013) — инородцы, стоящие на весьма низкой степени культурного и умственного развития... Русское население в большинстве своем состоит из так называемых казаков-выходцев Сибири и переселенцев, между которыми рассосались чиновники (старого покроя), спекулянты, барахольщики и другая нечисть — высасывающая соки населения, для которых необходима железная метла» [106]. В ее отсутствии — притуплении революционной бдительности — камчатские историки 1950-х гг. видели одну из ошибок Совдепа [107], что в ряду других и привела «к временному поражению Советской власти... и победе контрреволюции» в июле 1918 г. [108].

ИСТОЧНИКИ

1. ЦДНИКО. Особый фонд. Д. 5. Л. 23.
2. Там же. Ф. 19. Оп. 1. Д. 24. Л. 8.
3. АДНИ ГАХК. Ф. 44. Оп. 1. Д. 300. Л. 5.

4. ГАКО. Ф. 497. Оп. 1. Д. 6. Л. 66.
5. Первый Совдеп. Документы и материалы о Петропавловском Совете рабочих и солдатских депутатов. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 100.
6. Камчатские известия. Официальный орган Рабочего и Крестьянского правительства по делам Камчатки. — 1918. — 4 июня.
7. Там же. 11 июня.
8. Там же. 30 июня.
9. Там же. 12 июня.
10. Там же. 2 июля.
11. Там же. 3 июля.
12. Там же. 18 июня.
13. Там же. 5 июля.
14. *Пурин А. А.* В дни революции в Охотско-Камчатском и Чукотско-Анадырском крае. 1917—1918 гг. Ч. 2 // Вольная Сибирь. — Прага, 1928. — № 3. — С. 61.
15. Камчатские известия. — 1918. — 27 июня.
16. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 1 // Вольная Сибирь. — Прага, 1927. — № 2. — С. 87—88.
17. Там же. С. 88.
18. Там же. С. 87.
19. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 653. Л. 351.
20. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки // Камчатка. Юбилейный сборник. В память 200-летия основания гор. Петропавловска-на-Камчатке. — Шанхай, 1940. — С. 137.
21. Там же. С. 137.
22. ГАКО. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2. Л. 125.
23. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 62.
24. Камчатский вестник. — 1918. — 20 июля.
25. Там же. 11 июля.
26. *Стельных М. П.* Победа Великого Октября на Камчатке. — Петропавловск-Камчатский, 1975. — С. 126.
27. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 62.
28. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 22.
29. Там же.
30. Камчатские известия. — 1918. — 9 июля.
31. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 121—122.
32. Там же. С. 123.
33. Первый совдеп. — С. 128.
34. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 3245. Л. 12.
35. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 62.
36. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
37. *Пурин А. А.* В дни революции... — Ч. 2. — С. 62—63.
38. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
39. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
40. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
41. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 14 об.

42. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 138.
43. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
44. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2711. Л. 20 об.
45. Там же.
46. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
47. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 3245. Л. 12.
48. Там же. Д. 2711. Л. 20 об.
49. Там же. Л. 7 об.
50. Там же. Л. 20 об.
51. Там же. Л. 7 об.
52. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
53. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2711. Л. 21.
54. Там же. Л. 7 об.
55. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 63.
56. *Пурин А. А.* Из прошлого и настоящего Камчатки. — С. 137.
57. ГАКО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1. Л. 8, 11.
58. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 64.
59. Там же.
60. ГАКО. Ф. 190. Оп. 1. Д. 2. Л. 23.
61. Камчатский вестник. — 1918. — 19 июля.
62. ГАКО. Ф. 280. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.
63. Там же. Ф. 130. Оп. 1. Д. 2. Л. 10.
64. Камчатский вестник. — 1918. — 19 июля.
65. Там же. 16 июля.
66. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 19.
67. Там же.
68. Там же. Л. 20.
69. Там же.
70. Там же.
71. Камчатский вестник. — 1918. — 15 июля.
72. Там же. 18 июля.
73. Там же. 20 июля.
74. Там же. 17 июля.
75. Там же. 16 июля.
76. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 2593. Л. 100.
77. Там же. Ф. 19. Оп. 2. Д. 8. Л. 7.
78. Там же. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 22 об.
79. Камчатский вестник. — 1918. — 18 июля.
80. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 66—67.
81. Там же. С. 67.
82. Там же. С. 68.
83. Камчатский вестник. — 1918. — 24 июля.
84. *Тарасова А. И.* Владимир Клавдиевич Арсеньев. — М., 1985. — С. 165—166.
85. Камчатский вестник. — 1918. — 23 июля.
86. Там же. 19 июля.

87. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 70.
88. Камчатский вестник. — 1918. — 24 июля.
89. Там же. 19 июля.
90. Там же. 23 июля.
91. Там же.
92. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 1877. Л. 22 об.
93. Там же. Д. 2593. Л. 100.
94. Там же.
95. Там же. Д. 3245. Л. 12—12 об.
96. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 126.
97. Первый Совдеп. — С. 129.
98. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 126.
99. ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 891. Л. 17 об.
100. Камчатский вестник. — 1918. — 24 июля.
101. *Пурин А. А.* В дни революции... Ч. 2. — С. 80.
102. *Стельных М. П.* Указ. соч. — С. 109—110.
103. ЦДНИКО. Ф. 800. Оп. 1. Д. 3. Л. 33—34.
104. *Махоркин И., Слободчиков Ф.* Годы борьбы и побед // За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.). Сб. статей. — Петропавловск-Камчатский, 1957. — С. 27—28.
105. *Мухачев Б. И.* Борцы за власть Советов на Камчатке, Петропавловск, 1977. — С. 24.
106. ЦДНИКО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.
107. *Махоркин И., Слободчиков Ф.* Годы борьбы и побед. — С. 23.
108. Там же. С. 22.

В. П. ПУСТОВИТ

ДУМСКОЕ ДЕЛО

КРИКИ ИЗ ОДИНОЧКИ

В конце октября 1921 г. Камчатка перешла под юрисдикцию Временного Приамурского правительства. В Петропавловске находилась гражданская администрация и гарнизон этого правительства. Власть сменилась безболезненно. Горожане продолжали заниматься своими обычными делами. Действовало местное самоуправление.

С февраля 1922 г. приступила к работе Петропавловская городская Дума (ПГД) пятого созыва. Ушедший партизанить в сопки накануне высадки военных облнарревком не признал новую Думу и повел против нее борьбу. Она мешала большевикам развязать на Камчатке братоубийственную бойню по материковскому сценарию. Более того, ПГД пыталась помирить, насколько

это было возможно, белых и красных, направляла в стан последних мирную делегацию, от встречи с которой партизанские вожаки уклонились, не считая Н. П. Фролова, беседовавшего с ней «в частном порядке». Дума брала на себя роль посредника и в конфликте в среде белых, когда едва не дошло до вооруженного столкновения между сторонниками генерал-майора Н. А. Полякова и особоуполномоченного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирича.

22 мая 1922 г. Второй чрезвычайный Петропавловский уездный съезд, созданный вне города большевиками, объявил всех парламентариев (гласных и кандидатов к ним), чьи подписи стояли под думскими постановлениями, врагами трудового народа; их ожидал суд революционного трибунала, а до него все они были вне закона. Раздавались и другие угрозы, особенно в адрес руководства ПГД — вплоть до физического уничтожения.

Торжественное возвращение в город Облнарревкома состоялось 10 ноября 1922 г., спустя неделю после того, как белые покинули Петропавловск. 11 ноября начались аресты думцев. Первыми были взяты председатель ПГД врач Чеслав Куприянович Щипчинский, городской голова фотограф Елизар Александрович Колмаков, гласный рыбак Николай Васильевич Савин. 14 ноября 1922 г. арестовали еще одного рыбака — кандидата к гласным Тимофея Григорьевича Вичиркина. Через шесть дней его, правда, выпустили, предварительно «отобрав подписку» в том, что не будет вести никакой агитации против власти трудового народа, а наоборот — помогать в ее укреплении, и если слово свое не сдержит, то ответит «по всей строгости законов советской республики». Из этого документа неясно одно: кто расписался за Вичиркина, так как сам он сделать этого не мог ввиду неграмотности.

После Т. Г. Вичиркина в арестах наступил недельный перерыв. Затем они возобновились. 21-го числа забрали ведущего свое хозяйство Иосифа Павловича Ривацкого, 22-го — товарища председателя ПГД педагога Прокопия Трифоновича Новограбленова. 26 ноября в арестное помещение привели секретаря органов местного самоуправления Вячеслава Ивановича Румянцева. 2 декабря там оказался агент Добровольного флота, главный парламентар, ездивший в стан красных партизан, Василий Иванович Артюхин.

В. И. Румянцев «напросился» сам: 24 ноября он написал письмо коменданту г. Петропавловска Н. П. Фролову как бывшему своему коллеге по Думе четвертого созыва: «Николай Павлович! Зная Вашу гуманность и отзывчивое отношение к людям, хочется вкратце побеседовать с Вами, хотя на бумаге, так как до сих пор лично встретиться никак не удалось...» Думается, товарищ Фролов был не столько загружен, сколько томил бывшего думского секретаря (ПГД распустили в середине ноября), давая ему возможность как можно больше поволноваться, попереживать...

Румянцев напомнил Фролову, что «по милости старого состава» Думы 1920—1921 гг., куда входил и И. Е. Ларин, его избрали секретарем ПГД и городской Управы, сам он туда вовсе не рвался.

«Кто раньше заискивал перед ушедшей властью, тот теперь юлит перед Вами, — писал В. И. Румянцев, — заискивает в свое оправдание и в обвинения других. Моя вина: я выражал чужие мнения в протоколе Думы и заседаний общих Собраний. Мне было безразлично, кто говорит, а я лишь записывал все, даже не относящееся к заседанию и сказанное вгорячах и сейчас, думаю, мои заметки в протоколах Вам пригодились...»

Автор письма добавляет: многие знали, что он лично никогда в политику не мешался, был «националист, любящий русских, свою Родину, и таким же остался и теперь». Далее он излагает просьбу, ради которой, скорее всего, и сел за письмо: «Сами знаете, что без службы тяжело, а мне с женой и ребенком прямо невозможно, тем более, и квартир свободных нет в городе.

Теперь, по сдаче всех дел, я являюсь свободным человеком, поэтому, если имеются за мной какие-либо преступления, то поскорей арестуйте меня для отбытия наказания, но только жену с ребенком не гоните с квартиры. Если же вина моя не настолько велика, то примите меня на службу в Вашу канцелярию секретарем и, думаю, не раскаетесь. Работы не боюсь и довольно хорошо ее знаю». Вячеслав Иванович еще не осознает всей серьезности своего положения, все еще числит себя, в лучшем случае, «летописцем событий» или, в худшем, — техническим работником.

«Зная Ваше справедливое предубеждение против нашей братии», — то есть думцев, трафит тов. Фролову Вячеслав Иванович, льстя себя надеждой получить от него уведомление о просимом «из чувства прежней дружбы», о коей вряд ли догадывался адресат. Конечно, «готовый к услугам В. Румянцев» не исключает и отказ: «Ничего не останется, как пойти в тайгу на охоту...» Он наивно полагает, что его отпустят, подобно Н. В. Флетчеру.

В начале декабря 1922 г. под стражей находилось восемь из тридцати одного думца. Сидели они вместе с другими гражданами, заподозренными во враждебном отношении к партизанскому облнарревкому. Уже в двадцатых числах ноября численность населения арестного помещения достигла двух десятков человек.

В каких камерах располагались парламентарии, в точности неизвестно. По-видимому, в общей, хотя были там и одиночки. Об этом свидетельствует приводимый ниже документ: «Коменданту г. Петропавловска. Рапорт. 1922 г. декабря 17 дня 19 час. был доставлен в пьяном виде в арестное помещение гр. Зубков, которого посадили в одиночную камеру, через некоторое время Зубков стал проклинать все правительство, всех красных и все губревкомы, называя разбойниками, картежниками, грабителями и т. д., говорит, что раньше у нас были правители белые образованные, а эти

правители из-под метлы, я его посадил в темную камеру, а потому просив Вас, гражданин Комендант, обратить внимание и не оставлять без наказания, кроме того оскорбил и весь караул. Подлинный подписали: начальник караула Метальников, Рыкин, Знамеровский».

Попадали в арестное помещение, помимо врагов, «друзья трудового народа»... красные партизаны. 28 ноября здесь очутились Василий Ким и Александр Кирины. Нарушали тишину и спокойствие на улице. В нетрезвом виде, конечно. Им грозил товарищеский суд — «самое строгое взыскание вплоть до увольнения из рядов революционных отрядов».

Сведений об условиях содержания арестованных немного. Сохранилась записка коменданта города завпроду (от 14 ноября 1922 г.) отпустить для них «рыбы пять пудов, два пуда рису и чаю два кирпича». В свидетельстве врача Лисициной говорится о том, что пациенту Н. Савину «необходимо удаление зуба ввиду могущих возникнуть осложнений в связи с опухолью челюсти». Свидетельство приложено к заявлению Ф. Н. Савиной о врачебной помощи мужу. Резолюция коменданта — «Отвести под конвоем».

Так же водили 8—22 декабря на службу сдававшего дела бывшего инспектора училищ области П. Т. Новограбленова. 13 декабря освободили из-под ареста «до отхода парохода из Петропавловска» агента Добровольного флота В. И. Артюхина, приставив к нему члена партизанского отряда И. Сновидова «при исполнении им своих обязанностей». С 14-го числа Артюхина обязали ежедневно отмечаться в комендантском управлении.

Жена экс-председателя ПГД Ч. К. Щипчинского стала переезжать на другую квартиру. Мебель ей перевозили 22 декабря с 9 до 14 часов под усиленной охраной арестанты П. и В. Крупенины, Е. Колмаков, а также супруг Чеслав Куприянович.

5 декабря 1922 г. Камчатский облнарревком принял постановление: «Разрешение вопроса о воспомоществовании семьям арестованных возложить на начальника милиции в зависимости от их материального положения».

Известно, что первое время охрана арестного помещения состояла из восьми отрядников. С 23 ноября политические арестованные зачисляются за следственной комиссией при ревтрибунале, которой предоставляется «право освобождать и арестовывать всех граждан, согласно законов РС.Ф.С.Р.».

30 декабря 1922 г. эта комиссия получает подписки о невыезде из города без разрешения властей у одиннадцати думцев: Е. М. Бандурина, С. В. Ганцева, И. Ф. Голованова, Л. Е. Захарова, Н. П. Косыгина, В. Е. Лунева, И. Т. Новограбленова, В. А. Огородникова, Е. Ф. Одынца, П. И. Федорова, Н. В. Флетчера. Затем последнего отпускают, как уже говорилось, на охоту, а Федорова — на материк.

По поводу всего этого Ч. К. Щипчинский высказался так: «Возникновение дела Петропавловской городской Думы есть отчасти сведение личных счетов одной группы с другой, чему может служить столь разнообразно примененная мера пресечения к гласным, как преступникам».

УБИЙЦА В РОЛИ СЛЕДОВАТЕЛЯ

До приезда экспедиционного отряда Красной Армии следственная комиссия состояла из партизанской тройки: Григорий Трухин, Александр Федоров и Петр Офицеров.

Председателем был Г. Трухин (или, как он подписывался, Трухин 2-й). Его людская молва зачислила в «хищники». Таковым считался каждый, кто незаконно промышлял пушного зверя в запретное время «запусков», кто обчищал чужие капканы. Он, входя в террористическую группу Фролова по устраниванию начальника военно-политического розыска Павла Дмитриевича Пояркова, убил подпоручика выстрелом в окно.

Трухин и «Шура» Федоров значатся в списке красных партизан как присоединившиеся к «основному ядру» — к бежавшим в сопки ревкомовцам накануне высадки в Петропавловске отряда Русской Армии под командованием генерал-майора Н. А. Полякова.

Петра Демьяновича Офицорова в партизанских списках разных лет нет. Не упоминается он и в дневнике председателя облнарревкома И. Е. Ларина, что хранится в Государственном архиве Камчатской области. Родился П. Офицеров в 1886 г. В начале 1906 г. высылался по неблагонадежности в Сибирь без права возвращения. В 1918 г. возглавлял Жупановский сельсовет. До марта 1923 г. состоял членом Камчатского губревтрибунала. В 1959 г. проживал в с. Авача.

Эти сведения почерпнуты нами из заявления И. Е. Ларина в отдел социального обеспечения Камчатского облисполкома для установления П. Д. Офицерову персональной пенсии местного значения. «Активный партизан», — подчеркивает Ларин.

Работать с фигурантами по «Думскому делу» следственная комиссия начала 5 декабря 1922 г. Первыми опрашивались (допрос тогда именовался опросом) руководители ПГД Ч. К. Щипчинский и П. Т. Новограбленов.

Щипчинский открещивался от сотрудничества с представителями Приамурского правительства, говорил, что признавал облнарревком, даже когда тот ушел партизанить, что никого из гласных на заседаниях Думы не называл большевиком, что охрана города «была исключительно только от банд Бочкарева», что протокол ПГД № 1 от 7 февраля 1922 г. подписал, не читая, и что некоторые думские заседания, например, 18—20 марта, созданные по инициативе городского головы, незаконны...

В более сложном положении оказался П. Т. Новограбленов. Он тоже подписывал постановления Думы, состоял, кроме этого, в комиссии по выработке обращения к населению Петропавловского уезда с призывом повлиять на партизан, чтобы они отказались от наступления на город «и тем самым предотвратить никому не нужное кровопролитие между русскими людьми с явным вредом для НАЦИОНАЛЬНЫХ РУССКИХ ИНТЕРЕСОВ».

Но — главное — Прокопий Трифонович неоднократно, в том числе публично, на заседаниях ПГД давал определения красным партизанам, как-то: «банда разбойников», «шайка большевиков», — и это было запротоколировано. Новограбленов пытался объяснить следственной комиссии, что в этот момент не имел «никакого представления о положении вещей в том масштабе, каким владел отряд партизан на Камчатке» и облнарревком. И, вслед за Ч. К. Щипчинским, оправдывался: нарревкомовцы ушли из города внезапно, «не оставив... никаких инструкций».

Он, Прокопий Новограбленов, действовал «так, как, казалось, лучше для предотвращения кровопролития, не понимая заданий и цели партизан, считая их выступление абсурдным», однако ругал только их, «то есть кучки людей, но не Советскую Россию». В качестве объективной причины Новограбленов приводит «давление с внешних сторон» и делает вывод: «Мы, гласные, были простыми пешками между молотом и наковальней».

И все же следственная комиссия записала в своем заключении, что П. Т. Новограбленов «в настоящем процессе является одним из больших преступников перед народовластием и добровольческими отрядами... настолько был озлоблен к красным, как он выражается, что никогда не скупился на самые грязные выражения по адресу Комитета и добровольцев, не будем перечислять, и так, как их много, и не было ни одного заседания (на котором были вопросы, связанные с Комитетом и отрядами), чтобы Новограбленов воздержался бы от выражений. По его требованию была прекращена всякая переписка и сношения с Областным Комитетом».

Вместе с тем, комиссия предъявила педагогу и ученому претензии по поводу его поведения после эвакуации белых и возвращения Облнарревкома в Петропавловск: «Будучи инспектором училища и чувствуя, что ему уже не придется учительствовать, он враждебно настроил малышей-учащихся против нового Инспектора, примером может служить то, что в следственную комиссию явилась делегация из нескольких девочек с просьбой об его освобождении, и при выходе из помещения одна сказала, что не будет учиться, а другая добавила, что так велел говорить Новограбленов... Этот факт с виду незначителен, сам по себе очень важен, что, будучи учителем, он намеренно развращал почтение к старшим».

Процитированное выше также взято из заключения следственной комиссии. В конце документа упоминается о раскаянии Новограбленова. Проко-

пий Трифонович жалел об избрании гласным, участии «в принятии различных резолюций...» Но это не повлияло на решение комиссии: «...хотя он и признался, и раскаялся... все его преступления требуют более строго взыскания. Подлежит Губтрибуналу при Губревкоме г. Петропавловска».

15 декабря 1922 г. следственная комиссия опрашивает В. И. Румянцева, после чего ее работа по «Думскому делу» замирает на двадцать суток, что, по-видимому, связано со сменой руководящей верхушки в Камчатской губернии. В новую должность ответственного секретаря губбюро РКП(б) вступает прибывший с красноармейским отрядом В. М. Кручина, а бывший партийный вожак М. И. Савченко становится вместо И. Е. Ларина председателем губревкома. Членами следственной комиссии назначаются приехавшие в составе отряда А. Марков и Н. Глушков. 1 января 1923 г. на Камчатке создается губернское ГПУ.

На следующий день арестованный В. И. Румянцев передает начальнику этой организации заявление, где жалуется на то, что с момента заключения под стражу (26 ноября 1922 г.) находится на собственном содержании, но в дальнейшем его семья не в состоянии нести такое бремя.

Как показала Вячеславу Ивановичу, он проходил по делу скорее в качестве свидетеля, нежели обвиняемого: протокол следственной комиссией почти не велся, а контрреволюционных обвинений он за собой не обнаружил. «Если мне ставится в обвинение моя служба в Городской Управе секретарем, — пишет Румянцев, — то почему-то не арестованы другие служащие Управы, а если я обвиняюсь как кандидат в гласные, то, опять-таки, все гласные пользуются свободой, а я же, секретарь, исполнял приказания и постановления только всех гласных и главы Учреждения, где я служил, а не проводил свои идеи, и только честно добывал кусок хлеба для себя и семьи».

Удивление Вячеслава Ивановича вызывает такой факт: лица, которые близко стояли «к павшей власти», продолжают состоять на госслужбе, вдобавок, «несколько мелкой сошки в чинах», а он — в тюрьме, «не зная своей участи». В. И. Румянцев обращается к начальнику ГПУ с покорнейшей просьбой разобраться с его делом, «так как без суда и неизвестного будущего тяжело быть заключенным», тем более, что семья лишилась кормильца.

3 января 1923 г. пишет письмо жена Румянцева. Ее адресат — следственная комиссия. Надежда Степановна добивается, чтобы ее мужа, хотя бы временно, до суда, выпустили на волю. Она квартирует у частного, и приходится ей, судя по письму, действительно нелегко: «Во-первых, нет дров, имея на руках больного восьмимесячного ребенка, не имею никакой возможности искать дрова, во-вторых, квартира, занятая мною, требует неотложного ремонта, в-третьих, наступает праздник (Рождество Христово. — В. П.), а у меня на исходе даже предметы первой необходимости, не говоря уже о праздничных припасах, и, в-четвертых, хотелось бы привести свою квартиру к празд-

нику в более приличный вид, также сшить к празднику кое-что и для себя, и для сына, и для мужа, а что я сделаю, имея на руках больного ребенка».

На письме супруги Румянцева какая-либо резолюция отсутствует.

4 января 1923 г. начальник Камчатского губернского ГПУ Н. К. Глушков на основании постановления губревкома от 26 декабря 1922 г. принял все дела следственной комиссии и — временно, до утверждения штата — взял на работу к себе Григория Трухина и Александра Федорова.

Правда, трудятся они в ГПУ недолго. 26 марта Глушков издает приказ № 8: «Уполномоченного по разработке вверенного мне отдела тов. Федорова за допущение в своей квартире пьянства и участие в нем арестовываю на 10 суток с исполнением служебных обязанностей... Коменданту ГПУ тов. Трухина приказываю привести в исполнение § 1 сего приказа — арестовать тов. Федорова и содержать под арестом при комендантской ГПУ, освобождая на время занятий с 9 час. утра до 3 часов и на один час на время обеда и ужина».

6 апреля того же года А. Федоров освобождается от занимаемой должности «как несоответствующий своему назначению», исключается из списков ГПУ, снимается со всех видов довольствия.

Фамилия его товарища по следственной комиссии Г. Трухина встречается в приказе № 19 от 3 июня 1923 г., который он подписывает после начальника «за секретаря Камгуботдела Г.П.У.». 7 июля 1924 г. руководитель губгормилиции Н. П. Фролов направляет в учетно-распределительный отдел РКП(б) бумагу следующего содержания: «Для замены начальника Анадырской уездной милиции тов. Трухина прошу выдвинуть на таковую должность желательно для северного района партийца». Беспартийным остается Г. Ф. Трухин, работая в 1926 г. там же, на Чукотке, председателем Марковского волостного ревкома.

В списках красных партизан Камчатки, представленном в окрбюро ВКП(б) в январе 1928 г., помечено, что и А. Федоров, и Г. Трухин находятся во Владивостоке. В этом городе их следы теряются...

ЯД И УКРАДЕННЫЕ ДЕНЬГИ

Официальные обвинения думцам — и то не всем — были предъявлены только в начале 1923 г. Соответствующие постановления подписали члены следственной комиссии Н. Глушков и А. Марков. Первый — 6 января в отношении Е. А. Колмакова, второй — Ч. К. Щипчинского и В. И. Румянцева в последующие два дня.

Е. А. Колмаков, как городской голова, обвинялся в контрреволюционных действиях, «направленных на свержение завоеваний пролетарской революции, власти рабочих и крестьянских советов, выразившихся в открытом признании Временного Приамурского Правительства и всемерному ему содей-

ствию... участия в организации выборов гласных в Петропавловскую думу, руководствуя ей по добровольному желанию, сознавая, что дума создана незаконно, исключительно для оплота реакции... содействия вооруженным силам белогвардейцев на Камчатке... контрреволюционной агитации и пропаганды среди населения».

Вина Ч. К. Щипчинского состояла «в активном сотрудничестве с... Правительством братьев Меркуловых и Дитерихса, выразившихся в добровольном согласии быть гласным, а затем председателем гор. думы г. Петропавловска», а она «проводила политику Временного Приморского (Приамурского. — *В. П.*) Правительства по удушению Русской Революции».

Более конкретное обвинение предъявило следствие В. И. Румянцеву: а) в 1921—1922 гг. принимал активное участие «в организации в Петропавловске городской думы, организуемой агентами правительства Меркулова как база для своих дальнейших действий»; б) выдал представителя облнарревкома тов. Рябикова в день его приезда в г. Петропавловск, послав сторожа Управы за поручиком (подпоручиком. — *В. П.*) Поярковым, начальником контрразведки... после чего прибывшим поручиком тов. Рябиков был арестован»; в) «... в 19 году, служа в армии Колчака, сражался против Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

И, наконец, — «будучи членом и секретарем городской думы принимал активное непосредственное участие в составлении различного рода воззваний к населению с призывом подчиниться существующему в Приморье правительству с дискредитацией Камчатского Народно-революционного Комитета».

Из обвинений, предъявленных руководителям городского самоуправления, логично вытекали и вопросы, которые следствие задавало им, а также другим думцам: «Считаете ли законной организацию Думы (пятого созыва. — *В. П.*)? По чьей инициативе она создавалась? Считаете ли законными распоряжения Облнарревкома? Что заставило Вас баллотироваться в Думу?»

В процессе «опросов» подследственных были отработаны новые, на сей раз однотипные, обвинения из трех пунктов.

Точкой отсчета контрреволюционной деятельности теперь стало 15 января 1922 г. — дата выборов 5-й ПГД. Каждому думцу вменялось с вину то, что он «по личному желанию состоял гласным... Думы, организованной группой reactionеров вопреки всем существующим Колчаковским правилам о производстве выборов гласных путем обмана населения Камчатки с исключительной целью укрепления черносотенного меркуловского Правительства и содействия бандам Бочкарева и Полякова в вооруженной борьбе с Советской властью».

Во втором пункте обвинений говорилось об участии «в решении вопросов политического характера», в третьем — «о содействии Думе в ее злостных намерениях путем агитации и провокационных воззваний, шпио-

нажа и организации вооруженной силы свергнуть власть Рабоче-Крестьянского Правительства».

«Опросы» шли три месяца. Постановление губревкома от 9 января 1923 г. — поручить начальнику ГПУ в срочном порядке закончить следствие — выполнено не было.

«Думское дело» оказалось не столь простым, как полагали сначала его ведущие. 5 мая 1923 г. начальник ГПУ Н. К. Глушков докладывал в губбюро РКП(б): «...сложность Думского дела усугубляется тем обстоятельством, что с ходом следственного производства вскрылись некоторые промахи и ошибки Нарревкома, которыми воспользовались обвиняемые: например, перед эвакуацией облнарревкома из Петропавловска (перед его занятием белыми в октябре 1921 г. — *В. П.*) дума, конструкция и состав которой был контрреволюционный, что подтверждает дальнейшая ее деятельность, не была распущена и продолжала свое существование до срока, установленного облнарревкомом, т. е. до 1 января 1922.

В январе состоялись перевыборы, и после перевыборов, когда она находилась всецело в руках Бирича, в думу поступило постановление Нарревкома о незаконности Петропавловской гордумы, требование ее роспуска и объявление о предании суду гласных думы».

Ошибкой Облнарревкома считает начальник ГПУ и «командирование чрезвычайным съездом в Петропавловск для переговоров председателя 2-го чрезвычайного съезда тов. Рябикова после того, как съезд постановил вести активную борьбу с белобандитами и для этой цели перенес свою резиденцию в с. Завойко; было известно Биричу».

«Поэтому, — пишет начальник ГПУ Н. К. Глушков в губбюро партии, — ...приходилось с особенной тщательностью разбираться во всех вопросах, избегать те места, где могли быть затронуты ошибки Нарревкома, и резко подчеркивать и выделять факты, обнаруживающие преступную деятельность гласных.

Обвинительное заключение два раза мною переделывалось и неоднократно зачитывалось Предтрибунала, ответственному секретарю Губбюро Р.К.П. т. Кручине и Предгубревкома т. Славскому, и последним оно было одобрено».

Во время следствия по Думскому делу вскрылось еще одно обстоятельство, «повлекшее за собой чуть ли не склоку в нашей среде, — подчеркивается в докладе начальника ГПУ, — перед уходом в сопки Облнарревкома начальник милиции т. Фролов продал с аукциона имущество Лисового (гласного ПГД 3-го созыва. — *В. П.*) всего на сумму 1 200 рублей, дело об имуществе Лисового было оставлено в Камере Мирowego судьи Успенского, а деньги, вырученные с аукциона, и аукционный лист т. Фролов взял с собой и с разрешения Облнарревкома израсходовал на нужды партотряда.

Реакция воспользовалась этим, и в думе был поднят вопрос о растрате т. Фроловым денег... в деле Лисового есть даже бумажка, где говорится, что начмилиции бежал с деньгами в сопки. Слухи эти продолжают существовать до настоящего времени, тем более, что с некоторых граждан и до сего времени не взыскиваются деньги за проданные ими с аукциона вещи, так как вопрос этот должен фигурировать в думском деле, и виновные в распространении таких слухов должны быть привлечены к ответственности, я счел необходимым выяснить этот вопрос, для чего мною был опрошен начмилиции т. Фролов, которому я предложил представить отчет об израсходовании денег для привлечения к ответственности мирового судьи Успенского, так было объяснено и т. Фролову, об этом было известно т. Кручине и прокурору Пересвет-Солтану.

После этого до меня стали доходить слухи о том, что Г.П.У. подкапывается под местных работников, собирает материалы и т. д., о чем мною было доложено тов. Кручине, и я прошу Губбюро РКП изъять из Г.П.У. материалы по делу об имуществе Лисового... тем более, что т. Фролов является членом РКП и объяснения свои может дать через посредство Губпартбюро...»

Григорий Афанасьевич Лисовой в декабре 1917 г. на первом заседании Петропавловского горсовета избирался членом исполкома. В момент гибели в возрасте 37 лет он состоял на службе в Петропавловском кооперативе. 5 июня 1921 г. «Известия Камчатского Облнарревкома» сообщали о трагедии, разыгравшейся 30 мая. Некая А. В. Шалаева, придя в четыре часа утра на квартиру Лисового, убила его выстрелом из револьвера, после чего заявила на себя в комиссариат народной охраны (милицию) и была посажена в арестное помещение. «На другой день перед снятием с нее дознания, она принесенным в прическе стрихнином отравилась, оставив предсмертную записку. Причины столь жуткой драмы романтические».

Губбюро РКП(б) удовлетворило просьбу начальника ГПУ. В ЦДНИКО имеется документ, где указано, что заведующий канцелярией губернского партийного бюро, бывший работник Облнарревкома и красный партизан И. И. Елисеев препроводил в нарсуд дело № 62/55 за 1923 г. об охране имущества умершего Г. Н. (?! — В. П.) Лисового на 49 листах. Документ датирован 24 октября 1924 г.

КТО ВИНОВАТ?

В предъявленном обвинении большинство думцев виновными себя не признали. Среди таковых были гласные С. В. Ганцев, Е. Ф. Одынец, И. Д. Грызлов, Л. Е. Захаров, М. К. Соколов, кандидаты к гласным Г. П. Миничев, А. Я. Воронин, Д. А. Шигаев, Т. Г. Вичиркин, Т. Е. Головань.

«Трудовому народу, — сказал В. И. Артюхин, в прошлом эсер, — я не мог решиться сделать зла, и мои поступки отчасти вызваны сложившимися обстоятельствами по приезде Бочкаревых».

А И. Ф. Голованов (депутат дореволюционной Второй Государственной Думы от социал-демократов), тайно помогавший красным партизанам при белых, с негодованием отверг все обвинения в его адрес: «За все время сознательной жизни поступал, поступаю и буду поступать в силу своих убеждений, критерий моих поступков — классовое сознание пролетариата, все, что содействует росту классового сознания, по-моему, хорошо».

Получивший Георгиевский крест за Порт-Артур плотник А. Я. Воронов заявил следователю: «Меня считали за большевика, и все это знали. По доносу, очевидно, моего соседа Грызлова меня чуть было не арестовали...»

На вопрос о легитимности 5-й ПГД думцы отвечали по-разному. В. Я. Лунев, тоже плотник, откровенно признался: «Я, как человек темный, не знал и не знаю, какой был гласный — законный или незаконный». Почему и отчего произошли перевыборы ПГД, оставалось неизвестным и для педагога П. Т. Новограбленова. Крестьянин М. К. Соколов, наоборот, знал, по его словам, что «выборы назначены неправильно» и говорил городскому голове: «Дума не нужна». Рыбак Л. Е. Захаров был, якобы, еще при белой власти солидарен с Облнарревкомом, отказавшимся признать результаты новых выборов. Председатель ПГД врач Ч. К. Щипчинский назвал ее незаконной, «как и все существовавшее в то время». Домовладелец Н. П. Косыгин только на следствии узнал, что выборы Думы 5-го созыва в январе 1922 г. незаконны.

И. Т. Новограбленов (брат Прокопия Трифоновича) и С. В. Ганцев находили технику выборов правильной: принуждения к голосованию, за исключением агитации, как и отступления от закона, не было.

Е. Ф. Одынец, подобно им, служащий, но из дворян, допускал несоблюдение всех формальностей. Следовало выдержать установленный срок действия Думы, если он имелся, известить о том население... Следствие же считало, что полномочия 4-й ПГД (куда входило несколько большевиков) истекали 1 января 1923 г. Бывший секретарь городской Управы и Думы В. И. Румянцев признавал ее законность без оговорок.

Поколебав (и даже более того) уверенность думцев в своей легитимности, следствие стало выяснять, кто и почему организовал выборы новой Думы. С. В. Ганцеву это было неизвестно. В. И. Артюхин сказал: раньше не знал о цели перевыборов — «чтобы Дума помогала Меркуловскому Правительству». По мнению служащего И. Д. Грызлова, ПГД образовалась «на основании приказа уполномоченного Временного Приамурского Правительства Бирича». Бухгалтер В. А. Огородников приплюсовывал к нему

Щипчинского и городского голову Колмакова. Н. П. Косыгин ссылался на инициативу Петропавловской Управы. Ч. К. Щипчинский, в свою очередь, указывал на Бирича.

Затем ГПУ приступило к определению степени участия подследственных «в контрреволюционной деятельности Думы». Л. Е. Захаров вспомнил о приказании ушедшего в сопки Облнарревкома «старым гласным оставаться на местах». И. П. Ривацкий, работающий в своем хозяйстве, доказывал, что на заседаниях Думы «сидел, как пешка», так как ничего не понимал в политике. То же самое слышали от рыбака Т. Г. Вичиркина: «Я — человек безграмотный, в политике ничего не смыслю, был на заседаниях Думы не более трех раз» и попал в нее не по своей вине — «избрал город».

Портной Т. Е. Головань, тот, если верить ему, вообще «не принимал никакого участия в Думе, и был не гласным, а кандидатом, участвовал же в заседаниях один раз, когда выступили большевики в феврале», то есть, когда создалась угроза городу со стороны красных партизан.

Чернорабочий Д. А. Шигаев рассказывал, как он попал в Думу: «Меня занесли в кандидатский список № 2 от Союза Домовладельцев на общем собрании в Народном доме, многие кричали, чтобы меня занесли... и в Думе я всего участвовал один раз 16 февраля 1922 г.».

Торговец И. Г. Подпругин сообщил, что первый раз появился в Думе в апреле 1922 г., вернувшись в Петропавловск из поездки в с. Толбачик, и как был избран, не знает, это происходило без него, но убежден: выборы в Думу состоялись «под влиянием контрреволюции». Осенью того же 1922 г. И. Г. Подпругин, опять-таки из-за деловых разъездов, пропустил важное событие — возвращение в город Облнарревкома. Однако с красными партизанами ему довелось столкнуться: по дороге в Козыревск его задержали и обыскали, а затем выдали пропуск за подписью члена облнарревкома Щербакова и начальника госполитохраны Сновидова. В Усть-Камчатске арестовали, допросили и выпустили под поручительство граждан А. Кияшко, Е. Попова и П. Мутовина, гарантировавших, что Подпругин «не будет заниматься никакими политическими делами».

«Сочувствующий соввласти» Г. П. Миничев называл на следствии себя обманутым...

Баллотируясь в ПГД, говорили на опросах гласные и кандидаты к ним, они собирались решать исключительно городские хозяйственные вопросы. В. Е. Лунев заявил: по этой причине он «вышел из гласных», когда начали принимать резолюции политического характера. Факт выхода имел место. 8 апреля 1922 г. Лунев написал заявление с просьбой об исключении его из состава Думы ввиду невозможности присутствовать на заседаниях. До эвакуации белых перестал считать себя гласным, как уверял он сам, и Подпругин.

Признал себя виновным (об этом упоминалось выше) товарищ председателя ПГД П. Т. Новограбленов. «По подписям, которые я делал в протоколах, я виновен, — говорил В. Е. Лунев, — но со смыслом этих постановлений я не был согласен и делал их в силу необходимости, так как на заседаниях Думы большинство собраний было в присутствии генерала Полякова». Кандидат в гласные слесарь Г. П. Миничев пошел дальше: голосовал и присутствовал, дескать, из-за страха быть арестованным. Аналогичным образом объяснял свое участие в Думе, «боясь репрессий со стороны белых в случае моего отказа», служащий В. А. Огородников.

О роли военных в деятельности ПГД подследственные рассуждали охотно. С. В. Ганцев: «На заседаниях Думы всегда присутствовали генерал Соколов или Поляков, или оба вместе, один раз даже со всем штабом. Бывал... также помощник начальника военно-политического розыска Подгорный», который, по словам Н. П. Косыгина, «доносил о происшедших случаях в контрразведку». Он, дополнял своих коллег Щипчинский, якобы, не пропускал ни одного заседания и «что-то отмечал в записной книжке, что многих заставляло бояться». Секретарь Думы В. И. Румянцев теперь тоже рассматривал нахождение в зале представителей Бирича не иначе, как давление на гласных.

Показания перечисленных думцев подтвердил управляющий Петропавловской таможенной заставой, сочувствующий коммунистам К. И. Кодылев, являвшийся в свободное от работы время режиссером Народного театра. Посетив в качестве кандидата к гласным одно или два заседания, он наблюдал, «какие тяжелые минуты переживают все гласные в присутствии... офицеров». Ему было «обидно и противно видеть», как он и другие «подписывают то, чему они не сочувствуют и заставляют их только бряцание оружия, приходя домой, приходится плакать».

«Влияние бочкаревых, — продолжал Кодылев, — заставляло Думу выносить постановления в угоду буржуазному правительству Меркулова». Руководили ею, по мнению режиссера, генерал Соколов и представители штаба Полякова.

Что же касается коллег-думцев, он характеризовал их двумя словами: «Все — трусы». Хотя состав Думы назвал пролетарским.

По всей видимости, интуиция подсказывала подследственным: советская власть — всерьез и надолго, и единственный выход в сложившейся ситуации — перекладывать вину на военных, им все равно не поверят, что бы они не говорили в свое оправдание.

Но на суде думцев ни военные, ни бывший глава гражданской администрации Х. П. Бирич присутствовать не могли. Войсковой старшина В. И. Бочкарев и генерал-майор Н. А. Поляков были к тому времени убиты, Бирич — расстрелян, а Н. М. Соколов и поручик Подгорный, скорее всего, эмигрировали...

ЧТОБЫ ИЗБЕЖАТЬ КРОВОПРОЛИТИЯ

Допрашивались в следственной комиссии ревтрибунала и ГПУ не все думцы. Церковный староста Петр Иванович Федоров выехал во Владивосток, оставив подписку, что возвратится в Петропавловск первым же паромом с началом навигации 1923 г. Василий Андреевич Павлов, служивший у Х. П. Бирича, бежал на шхуне Свенсона в Америку.

Еще один гласный — сорокалетний Николай Васильевич Савин, живший случайным заработком, был выпущен на лечение в с. Паратунка. 22 января 1923 г. врачи Рубецкий и Вымлятил выдали документ, который стал для него чем-то вроде охранной грамоты: «...пострадавший в декабре месяце гр. Николай Савин переломом 3—4 ребра страдает в данное время осложнением со стороны легких, плевры и неврологических болями в месте перелома и правой грудной области, почему он, Савин, должен все время находиться в постели в покойном состоянии».

У подавляющего большинства гласных и кандидатов к ним следствие добивалось ответов на такие вопросы, как: «Для какой цели была создана дружина по охране города? Какие меры принимались Думой для освобождения партизанского парламентаря Иллариона Рябикова? Кто инициировал отправку приветственной телеграммы Приамурскому правительству?»

Эти вопросы работали на выявление «главарей контрреволюции» из числа думцев, хотя следствие для себя уже определилось, и оставалось раздобыть улики в виде признаний или свидетельств. Спрашивали привлеченных к делу и почти впрямую: «Все ли гласные Думы проявляли одинаковую активность в Думе или были лица активные и пассивные?» Ставка делалась на раскол, а точнее, размежевание парламентариев.

«Пассив», по Л. Е. Захарову и Г. П. Миничеву, составляли: Захаров, Е. М. Бандурин, Т. Г. Вичиркин, И. Д. Грызлов, В. Е. Лунев, Ив. Новограбленов, В. А. Огородников, И. П. Ривацкий, Н. В. Савин, М. К. Соколов.

Семен Васильевич Ганцев (счетовод, 36 лет): «Решали все вместе и одинаково виновны... их роль была пассивной, но активную роль играл Президиум, по долгу службы». Тимофей Григорьевич Вичиркин (рыбак, 54 года) и Леонтий Куприянович Валицкий (трудился в личном хозяйстве, 50 лет) расшифровали слово «президиум», несмотря на то, что такого органа самоуправления нет ни в одном документе ПГД. Они называли троих: Щипчинский, Колмаков, Прокопий Новограбленов.

Николай Петрович Косыгин (домовладелец, 33 года) присовокуплял к ним В. И. Артюхина; эти четверо образовали группу, что работала «совместно» с особоуполномоченным Приамурского правительства Х. П. Биричем и генералом Н. А. Поляковым.

Логвин Евстафьевич Захаров (домовладелец, 48 лет), Дмитрий Андреевич Шигаев (чернорабочий, 56 лет) и Василий Егорович Лунев (плотник, 42 года)

также указали на группу из четырех человек, только вместо Артюхина в ней фигурировал «в прямой связи» с белыми В. И. Румянцев. Виктор Алексеевич Огородников (бухгалтер, 37 лет) расширил круг активистов за счет Бандурина.

Григорий Петрович Миничев (слесарь, 53 года), сочувствующий соввласти, заявил: в Думе «орудовало несколько главарей, которые разжигали всю Думу и направляли ее на контрреволюционный путь». По персоналиям как «актива», так и «пассива» Миничев сходил с Захаровым. Иван Трифонович Новограбленов (бухгалтер, 33 года) исключал из этого списка своего брата Прокопия. Николай Васильевич Флетчер (рыбак, 48 лет) был полностью согласен в отношении имен с Косыгиным. Он считал, что все они вели такую политику, потому как — образованные.

«Все политические вопросы, — говорил Егор Матвеевич Бандурин (трудился в личном хозяйстве, 42 года), выдвигались горголовой Колмаковым, в том числе предложено вывешивать национальные флаги».

Андрей Яковлевич Воронин (плотник, 45 лет): «Самым большим авторитетом пользовался Артюхин». Он, подобно Щипчинскому и Колмакову, очень часто бывал у Бирича. Городской голова отзывался о нем, как о лице опытным и сведущем. «Румянцев всецело поддерживал контрреволюцию и имел влияние на Колмакова», тот всегда слушался его.

«В заседаниях Думы, — подчеркивал Иван Дмитриевич Грызлов (секретарь горревкома, бухгалтер по профессии, 40 лет), — Щипчинский и Колмаков подыгрывались к власти. Щипчинский явно содействовал белобандитам».

П. Т. Новограбленову (педагог, 31 год) наиболее активным из всего состава Думы 5-го созыва представлялся Щипчинский «как председатель и горячий по темпераменту». Себя Прокопий Трифонович тоже не записывал в «пассив»: «Это тоже зависело от темперамента, а остальные думцы держались не пассивно и не активно».

Иван Новограбленов показал, что председатель ПГД Ч. К. Щипчинский «действовал по собственному убеждению, и то некоторые его поступки не согласовывались с его желаниями, так как они совершались под влиянием военной власти».

Вячеслав Иванович Румянцев (канцелярский работник, 36 лет) имел на сей счет иное мнение: «Особенно выдающихся из среды гласных не было». Его поддержал исключенный из числа обвиняемых за помощь красным партизанам Иван Федорович Голованов (заведующий финансовым и земельным отделами горревкома, 46 лет): «Особенной активности никто не проявлял, активность, собственно говоря, была проявлена только чтобы избежать кровопролития в городе... в этом направлении, безусловно, много предпринималось президиумом, но также гласными».

Таким образом, десять гласных и шесть кандидатов к ним (половина от общего количества думцев) переложили всю ответственность за решения

Думы на белых и руководство самоуправления. То есть, встали на позиции Облнарревкома периода партизанства.

Весной 1922 г. Камчатский Облнарревком разослал волостным и сельским комитетам заявление. Выдержки из него приводятся ниже.

«Думские дельцы, забросив городские хозяйственные делишки, для которых они избраны, взяли на себя роль “парламента” и поставили разрешением вопросы государственного значения.

...Напомним, что это за люди, пытающиеся решить судьбу Камчатки.

1. Голова — безголовый Колмаков, подхалим и вечно пресмыкающийся перед более сильными, до сего времени славившийся только ночными похождениями для растления малолетних девушек.

2. Доктор Щипчинский на материке давно уже находился бы в доме сумасшедших. Этот человек двадцать раз меняет свои убеждения. Много раз был защитником народной власти, но в большей мере работает в лагере народных врагов. Первым уездным съездом (в 1920 г. — *В. П.*) объявлен врагом трудового народа.

3. Новограбленов — вечно ползающий у ног сильного.

4. Румянцев — бывший колчаковский офицер, хулиган и пьяница.

Далее идут Одынцы, Федоровы, Грызловы и прочие шарлатаны, плохие имена которых вызывают негодование у знающих их тружеников».

Данное заявление от 14 апреля 1922 г. подписали командующий отрядами Облнарревкома Фролов, уполномоченный при штабе Савченко и за секретаря Глухих. Завершалось оно предупреждением, что штаб красных партизан «не может дать гарантии в дальнейшей пассивности, так как трудно удерживать отдельных личностей от самой жестокой расправы, как с гласными, так и с биричевцами».

ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ОРТРУДА

Выявленные в ходе следствия «главари контрреволюции» председатель Думы Ч. К. Щипчинский, товарищ председателя П. Т. Новограбленов, городской голова Е. А. Колмаков и гласный В. И. Артюхин оправдывали свое сотрудничество с белыми старанием не допустить гражданской войны на Камчатке. С этой целью В. И. Артюхин инициировал и, по сути дела, возглавил думскую мирную делегацию в стан красных партизан. С ним ехало двое: Н. П. Косыгин и А. И. Кобцев, оставленный, по его словам, в Петропавловске облнарревкомом для работы с «благонадежными товарищами в лагере белых». 14 февраля 1923 г. на опросе в ГПУ Н. П. Косыгина спросили, была ли полномочна делегация участвовать в Завойкинском совещании. «Нет, — отвечал он, — это работа Артюхина, это он передал воззвание (к населению уезда. — *В. П.*) Думы собранию». Заявление Косыгина, воз-

можно, оказало решающее влияние при приобщении В. И. Артюхина к «главарям контрреволюции».

«Я выступал против партизан Камчатки, — утверждал П. Т. Новограбленов, — думая этими словесными выступлениями предотвратить не нужную здесь, на Камчатке, бойню и связанное с ней разорение родного мне по крови населения, а также и боялся оккупации Камчатки японцами. Я говорил, что на Камчатке должна быть такая власть, как во Владивостоке, то есть, белые во Владивостоке, и здесь будут они, хотя бы мы, население, не хотели их, красные во Владивостоке, они будут и здесь». Прокопий Трифонович не был в данном случае оригинален. Он лишь озвучил — как сказали бы сейчас — широко распространенное среди камчатцев мнение.

ГПУ заинтересовалось публикациями П. Т. Новограбленова в местной прессе, заставило перечислить относящиеся к 1922 г. Он сказал, что сотрудничал в газете при любой власти, а она со времени его возвращения на Камчатку в 1918 г. менялась несколько раз. В «Камчатском листке» при белых «писал статьи о школе, научно-популярные и делал переводы с американских газет и журналов».

П. Т. Новограбленову дважды за период следствия изменяли меру пресечения. 10 марта 1923 г. его выпускают на волю «под залог имущества» некоторых граждан и подписку о невыезде. Проходит немногим более месяца, и он вновь оказывается в тюрьме, но не как хулиган, подобно гр. Косыгину, сорвавшему печать с двери Петропавловского кооператива, а все по тому же обвинению в контрреволюции; такое постановление выносит прокурор, бывший красный партизан Валентин Цезаревич Пересвет-Солтан, «принимая во внимание его активное и сознательное участие в... содеянных преступлениях».

Сидючи в тюрьме, П. Т. Новограбленов пишет статьи в «Полярную звезду» — орган губбюро РКП(б), редактирует которую Виталий Кручина. Статья «Февраль землетрясения» появляется в № 46 и 47 от 27 апреля и 1 мая, а «Наши вулканы» — в № 52 и 53 от 16 и 17 мая.

...Е. А. Колмаков так же, как П. Т. Новограбленов, говорил на «опросах» об усилиях Думы по предотвращению гражданской войны. ПГД хотела послать своего делегата (П. Т. Новограбленова) на Завойкинский волостной съезд, где должен был решаться вопрос о вооруженных отрядах — партизанском облнарревкома и военном Приамурского правительства «ввиду того, что город и ближайшие селения находились между двух огней». Цель: «Чтобы притти к какому-нибудь мирному соглашению и, во-вторых, что мирное население заинтересовано пушным промыслом и возмущенное хищниками, которые в заповедных местах уничтожают соболя, принять соответствующие меры к их охране».

«Хищниками являлись и партизанские отряды, — продолжал Е. А. Колмаков, — это по словам местных жителей. Делегат наш не был послан потому, что Облнарревком заявил, что представителя от города они не пропустят на Завойкинский съезд».

Следователь: «Почему Дума агитировала за этот съезд?»

Елизар Александрович Колмаков (фотограф, 1870 года рождения): «Потому, чтобы дать возможность мирному населению заниматься мирным своим трудом, как по заготовке дров, сена и рыбы». Красные партизаны не выпускали жителей Петропавловска за город, пока те (максимум) не свергнут «черносотенную власть» белых или (минимум) не добьются освобождения из-под стражи Иллариона Рябикова, председателя Второго чрезвычайного Петропавловского уездного съезда, взятого в заложники за полковника Лукомского.

...В. И. Румянцев вышел из тюрьмы 2 июня 1923 г., за полтора месяца до суда, под поручительство горожан П. И. Лимберга и Н. И. Цапова. Вячеслав Иванович уверял следствие, что им написано много протоколов, и ни в одном нет отступлений от действительности.

«Возьмите, для примера, доклад Артюхина после его поездки в Штаб красных, и спросите Фролова и др., верно ли я записал слова, Артюхину сказанные. Мои взгляды на Областной Комитет, отряды его были самые благожелательные, так как много у меня было там хороших знакомых». Однако фамилий этих «хороших знакомых» В. И. Румянцев не назвал.

...Первым в списке «главарей контрреволюции» значился, конечно, председатель ПГД Чеслав Куприянович Щипчинский (врач, 43 года), говоривший на следствии, что его заставили баллотироваться в Думу просьбы населения и «отсутствие здесь интеллигентных сил». Насчет Облнарревкома он выразился следующим образом: «Комитет рассматривал всякое насилие со стороны белых за благо...» О думском воззвании к населению Петропавловского уезда от 20 февраля 1922 г. сказал: «Это было превышение власти со стороны Думы, но делалось это лишь с той целью, чтобы не было эксцессов, как с той, так и с другой стороны».

Размышления Ч. К. Щипчинского о деятельности Думы содержатся в протоколе «опроса», датированного 2 марта 1923 г. Ее работу, записывал следователь, «в период хаоса, когда приходилось придерживаться тактики, чтобы волки были сыты и овцы целы, надо оценивать не только на основании протоколов, в которых подчас являлись упущения, но и на основании всех результатов».

Фактически все резолюции и воззвания к населению имели какие-либо плохие последствия для революционного Комитета, а практически вышло, что никто из граждан Петропавловска, а равно имущество, как последних, так и правительственных, за ничтожным исключением, осталось в сохранности с оставлением города Ильным (начальник Петропавловского гарнизона. —

В. П.) с его воинством, отличавшимся слишком низкими нравственными устоями... Сколько стоило все это хлопот, а подчас и нравственных переживаний нам, гласным, находящимся по сие время под арестом. Конечно, нигде это не фиксировалось, а рассматривается в данный момент, как будто так это и должно быть или вышло само собой».

Спустя двенадцать суток Чеслав Куприянович пишет заявление на имя начальника ГПУ, хлопоча о своем освобождении на поруки до суда по причине расстройства здоровья. «Вы могли убедиться, — говорится в заявлении, — сколь “вредна” была моя деятельность как председателя Петропавловской Думы для трудового народа, которому я служил со школьной скамьи, не прельстившись возможностью устроиться врачом на более теплых местечках в Москве. Произошедшее со мной несчастье иначе не могу рассматривать, как положение стрелочника, которому приходится отвечать при всякого рода железнодорожных катастрофах...»

В думском деле нет упоминаний об удовлетворении просьбы доктора Щипчинского. Нет там ничего о вероятной причине расстройства здоровья бывшего председателя Думы. Можно только предполагать, что случилось, читая небольшую заметку в газете «Полярная звезда», где сообщалось, что 15 мая народный суд г. Петропавловска и его уезда слушал дело Елизаветы Васильевны Щипчинской о возвращении ей дочери Ортруды (девяти лет), проживающей в доме отца Ч. К. Щипчинского. Истица получила отказ. Воспитание девочки было поручено бабушке Анне Андреевне Свигуль. Суд оставил за собой ходатайство перед губревкомом «об оказании помощи, если это потребуется, девочке Ортуде как дочери, отец которой содержится в тюрьме».

ОПОРОЧЕННЫЕ

Камчатское ГПУ только приступило к следствию по думскому делу, а местные власти уже думали, как судить обвиняемых. 28 января 1923 г. «Полярная звезда» под заголовком «Судьба заключенных» поведала новость: «Губревкомом в недалеком будущем открывается сессия Ревтрибунала». И добавила, что его председателем намечается Борис Рубцов — начальник штаба войск Охотско-Камчатского края, прибывший с батальоном Красной армии в декабре 1922 г. В феврале-апреле 1923 г. этот трибунал рассмотрел три других дела о камчатских «контрреволюционерах».

27 апреля губбюро РКП(б) обязало председателя ревтрибунала детально изучить думское дело и дать при докладе о нем свое заключение. Членам губбюро также надлежало ознакомиться с этим делом, «а после иметь суждение».

Родственники арестованных выразили глубокую благодарность «лицам, посетившим тюрьму на Пасху и сделавших подарки на праздник». В день

международной пролетарской солидарности 1 мая с 13 до 15 часов были разрешены свидания с политзаключенными. Примерно в то же время смотритель губернской тюрьмы А. С. Пузырев получил в административном порядке пять суток «с отбытием наказания в губтюрьме и смещение на низшую должность надзирателя» за халатное, недобросовестное отношение к работе.

Кадровые перестановки коснулись и некоторых бывших гласных Петропавловской Думы. И. Д. Грызлова назначили в середине мая секретарем подотдела горкомхоза, а месяц спустя, вдобавок, городским аукционистом, И. Ф. Голованова — завфинотделом губревкома и председателем Камчатского бюро Всероссийской сельхозвыставки.

В передаче экспонатов на эту выставку участвовали и вчерашние парламентарии, как находящиеся на воле, так и в тюрьме. От Ч. К. Щипчинского поступили: модель нарты, препарированная медуза (с охотского побережья), морские рыбные иглы, «чилиим — Петропавловский, хахылица — Усть-Камчатская». Т. Е. Головань отдал на выставку «разные безделушки» из моржовой кости чукотской работы, И. Г. Подпругин — модель шхуны (тоже из кости моржа и тоже с Чукотки) и заспиртованную нерпу-детеныша.

К июлю 1923 г., видимо, выпустили из тюрьмы П. Т. Новограбленова, так как газета «Полярная звезда» сообщила о привлечении его к работам губвыстбюро «о черном песке... обладающем сильными магнитными свойствами», образцы которого доставил из бухты Чажма бывший кандидат к гласным К. И. Кодылев.

7 июня 1923 г. на заседании губбюро РКП(б) начальник ГПУ делает доклад по думскому делу. Принятое в связи с этим постановление гласит: «Предложить ответственным работникам — участникам борьбы против контрреволюционной власти на Камчатке черносотенного Меркуловского правительства и его приспешников местных реакционеров дать свои заключения и показания, осветив условие и обстановку борьбы против белогвардейщины, после сего Губбюро иметь по представленным материалам суждение и, вынеся определенное заключение, препроводить весь материал одновременно с так называемым “Думским делом” в г. Владивосток Приморскому губкому РКП, дабы таковой мог иметь возможность дать надлежащее направление этому делу».

16 июня следует добавление к постановлению от 7-го числа: «Наиболее видных лиц контрреволюционной “Думы” выделить и отправить во Владивосток для судебного разбирательства всего дела». Однако никого никуда не отправляют.

Между тем подготовка ко Всероссийской выставке продолжается. Ее камчатское бюро собирается представить материал «по болезни наших промысловых лососевых рыб, так называемой “саранной”», и просит граждан рыбаков присылать такую рыбу больших размеров (целую или часть) П. Т. Ново-

грабленову для обработки и приготовления препаратов. «Вопрос о заболевании саранной рыбы (чавычи, кеты, кижуча, красной, горбуши) очень важный, — пишет 6 июля 1923 г. «Полярная звезда», — и его изучение необходимо в интересах трудящихся...»

15 июля та же газета информирует читателей о прибытии на пароходе «Коун-мару» сессии Приморского губернского суда. «В непродолжительном времени в г. Петропавловске будут рассматриваться дела заключенных в губтюрьме. Первым слушаться будет “Думское дело”».

Неделю приезжие знакомятся с делом. Главные обвиняемые волнуются. Тем не менее, скорее всего, разделяют мнение Е. А. Колмакова. А он уверен в том, что «предстоящий суд... будет скорый, справедливый и милостивый, потому что это суд не царский, а народный».

В эти же дни губревком командировывает в Всероссийскую выставку в Москву от Камчатки Ивана Федоровича Голованова — единственного, пожалуй, кто на «опросах» по думскому делу не сказал ничего худого о своих коллегах...

«Думский процесс» проходил в Петропавловске 20—23 июля 1923 г. Дело рассматривала выездная сессия Приморского губернского суда под председательством Иваненко при народных заседателях Ковалевском, Похвалинском и секретаре Ярмоловиче. В качестве общественного обвинителя выступал Марков, государственного — Трунов. Защиту представляли адвокат Гарсов и бывший мировой судья Успенский.

Из 31 думца (20 гласных и 11 кандидатов к ним) к уголовной ответственности были привлечены 24. Не привлекались гласные И. Ф. Голованов (по известной причине), В. А. Павлов (бежал за границу), Н. В. Савин (больной), П. И. Федоров, кандидаты А. И. Кобцев, С. В. Таланцев, Т. Е. Головань. Ввиду неявки на суд гласного В. А. Огородникова, «дело выделили» (в особое производство?).

По мнению адвоката Гарсова, оглашенные на суде документы, показания ряда свидетелей дали, с одной стороны, «яркую картину гнусной и предательской роли авантюристов Бирича, Бочкарева, Полякова и их соратников, продававших во имя низменных личных эгоистических побуждений народное достояние», с другой стороны, выявили деятельность местного самоуправления, вынужденного работать «в крайне тяжелых условиях, под давлением грубых насильников, потерявших всякий человеческий облик».

Марков и Трунов, «остановившись на роли буржуазии, тормозившей, но тщетно» победное шествие «Трудового Народа к светлым идеалам Коммунизма», настаивали на обвинении привлеченных к суду.

Руководители ПГД Ч. К. Щипчинский и П. Т. Новограбленов, городской голова Е. А. Колмаков, секретарь Думы и Управы В. И. Румянцев и гласный В. И. Артюхин обвинялись:

по ст. 58, часть 1, УК РСФСР — организация в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжения на советскую территорию вооруженных отрядов и банд, а равно участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно отторгнуть какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные ею договоры;

по ст. 61 — участие в организации или содействии организации, действующей в направлении помощи международной буржуазии, которая не признает равноправия приходящей на смену капитализма коммунистической системы собственности и стремится к ее свержению путем интервенции или блокады, шпионажа, финансирования прессы и п. т. средствами;

по ст. 69, часть 2 — призыв к невыполнению или противодействию распоряжениям центральной или местной власти при неустановленности контрреволюционных целей.

Н. П. Косыгину, Е. Ф. Одынцу, И. Г. Подпругину, И. Т. Новограбленову, С. В. Ганцеву, И. Д. Грызлову, Л. Е. Захарову, М. К. Соколову, В. Е. Луневу, Г. П. Миничеву, Н. В. Флетчеру, Е. М. Бандурину, Т. Г. Вичиркину, К. И. Кодылеву, Л. К. Валицкому, А. Я. Воронину, Д. А. Шигаеву и И. П. Ривацкому предъявлено обвинение по ст. 68 УК РСФСР — укрывательство и пособничество всякого рода преступлениям (контрреволюционным. — *В. П.*)... не связанным с непосредственным совершением означенных преступлений или при неосведомленности о их конечных целях.

Статьи 58, часть 1 и 61 предусматривали высшую меру наказания (ВМН) и конфискацию всего имущества с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения наказания до лишения свободы на срок не ниже пяти лет со строгой изоляцией и конфискацией всего имущества и на три года при установлении судом неосведомленности участника о конечных целях преступления. Такая же мера наказания — три года — со строгой изоляцией в мирной обстановке и ВМН в военной определялась ст. 69 в первой ее части. Чем грозила вторая часть, нам, к сожалению, неизвестно, там есть ссылка на аналогичное наказание по другой, 83-й статье, которой в присланных из Российской государственной библиотеки материалах нет. (Нам пришлось дойти аж до столицы, так как ни «Собрания узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского Правительства» за 1922 г., где опубликован Уголовный Кодекс, ни его самого того времени на Камчатке найти мы не смогли.)

По ст. 68 подсудимый лишался свободы не ниже, чем на один год.

Защита, подчеркивал Гарсов, «обрисовав положение оторванной от Центра и представленной самой себе Камчатки и роль Самоуправления, направившего все силы свои, при крайне неблагоприятных условиях деятельности под властью зарвавшихся бандитов, к недопущению оккупации Камчатки интервентами», — настаивала на оправдании подсудимых.

После трехчасового совещания был оглашен приговор.

Из приговора выездной сессии Приморского губернского суда по думскому делу: «Данными судебного следствия изобличается Щипчинский Чеслав Куприянович в том, что, будучи председателем думы совместно с представителем меркуловской власти Биричем участвовал в допросе делегатов 2-го чрезвычайного съезда, где обсуждался вопрос о задержании председателя 2-го чрезвычайного съезда тов. Рябикова в качестве заложника за полковника Лукомского... препятствовал вывозу муки нар. Рев. Комитетом в сопки (базу) при оставлении Комитетом Петропавловска...»

Елизар Александрович Колмаков также был виноват в том, что присутствовал на допросе партизанского парламентаря Рябикова и принимал, якобы, участие в избрании ему меры пресечения. Вдобавок, активно выступал против обларревкома и «являлся активным участником власти Меркулова».

Прокопий Трифонович Новограбленов, заведующий училищами области, «утилизировал школу в контрреволюционных целях, выступал на собраниях и настаивал на принятии репрессивных мер против власти трудящихся, называя коммунистов... шайкой разбойников. Сотрудничал в газете "Камчатский листок" и рассылал контрреволюционную литературу по селениям».

Василий Иванович Артюхин как депутат Народного Собрания «информировал о положении меркуловской власти, активно помогал международной буржуазии».

Суд нашел, что все четверо совершили преступление (по неосведомленности о его конечных целях), предусмотренное ст. 58, ч. 2. Обвинения по статьям 61 и 69, ч. 2 снимались за недоказанностью. По В. И. Румянцеву не удалось доказать ни одного обвинения. В отношении остальных восемнадцати подсудимых, обвиняемых по ст. 68, также не было найдено веских доказательств, и суд оправдал их.

Ч. К. Щипчинского, П. Т. Новограбленова, Е. А. Колмакова и В. И. Артюхина суд признал «опороченными» и, руководствуясь ст. 42 УК, приговорил «поразить в правах сроком на пять лет... подвергнуть условному наказанию сроком на пять лет с конфискацией четвертой части имущества». В ознаменование 5-й годовщины Октябрьской революции срок наказания им (засчитанный с 1 января 1923 г.) был сокращен наполовину.

24 сентября 1992 г., спустя без малого 70 лет, прокурор Камчатской области А. И. Зуев утвердил заключения в отношении четырех подсудимых по материалам архивного уголовного дела № П-55016. В этих документах указано, что на Ч. К. Щипчинского, П. Т. Новограбленова, Е. А. Колмакова и В. И. Артюхина распространяется действие статьи 3-й, п. «а» Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий».

На следующий день на каждого из них были выписаны справки о реабилитации.

= 207-40

Постановление

1923 года 6го января Ячмен следств. Коллегии при губернском Губернском
Мушкетер. Рассмотрев дело по обвинению
бывшего зоркой Головой Елизара Александровича
Колмакова по обвинению его в
контрреволюционных действиях в бытность
его поручиком Головой в Петропавловске
с 1го февраля до эвакуации белогвардейцев.
Постановили предъявить ему обвинения
в активных действиях направленных
на свержение завоеванной пролетарской
революции, влосты рабочих крестьянских
советов, в выразивших в открытом
признании пр. приамурского пр-ва и
всемогущему ему содействию путем
допосыл распоряжений в Восточную
организацию, в выборах и влосты в Петро-
павловскую думу, руководствуя ей по
добровольному желанию создавая что
дума создана не законно, в действительности
была отложена реакция
в действии вооруженными силами
белогвардейцами на Камчатке
в контрреволюционной агитации и пропо-
ганды среди населения
Обвинения мне предъявлено Е. Колмаков
Член следств. Коллегии Тугин

Постановление о предъявлении обвинения Е. А. Колмакову
(ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 653. Л. 41)

Подписка 357 3

Я, Николай Ясильевич Фрейтс, даю настоящую подписку Следственной Комиссии при Рев. Трибунале в то, что я не буду вести агитацию против советской власти, у нас гласный Городской думы, какое бы ни было определение суда по моему делу, я исполню то, что возвращено с ответом

50 декабря 1922 года Н. Фрейтс

ПОДПИСКА.

1923 года: Март....."10" дня Я Николай Ясильевич.....
Присяжный.....Городской думы.....
 даю настоящую подписку в том, что без ведома Губ. Г.П.У. Охотско-
 Камчатского края обязуюсь не отлучаться из г. Петро-Павлов.....
Петро-Павлов..... и являться на регистрацию.....
 ..Губ. Г.П.У......впредь до снятия с меня
 подписки.

в чем и подписываюсь Николай Ясильевич

Образцы подписок, взятых с обвиняемых думцев
 (ЦДНИКО. Ф. 1199. Оп. 1. Д. 653. Л. 165, 90)